

Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области Московский государственный областной университет

На правах рукописи

Тихомиров Никита Вадимович

Проблема образования русского централизованного государства в отечественной
историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг.

Специальность: 07.00.09 –

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Диссертация на соискание учёной степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Александр Николаевич Фукс

Мытищи – 2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы исследования русского централизованного государства в историографии 1930-х – начала 1950-х гг.	25
§1. Место проблемы централизованного государства в историографии 1930-х – начала 1950-х гг.	25
§2. Марксистская методология в контексте исследований русского централизованного государства	57
Глава 2. Проблема периодизации процесса создания русского централизованного государства	89
§1. Основные подходы и их характеристика	90
§2. Дискуссия о периодизации отечественной истории (1949-1951 гг.)	115
Глава 3. Ключевые проблемы в контексте теории образования русского централизованного государства	140
§1. Классовая борьба как фактор централизации русского государства	141
§2. Вопрос о форме правления в русском государстве XV–XVI вв.	183
§3. Национальный фактор в теории централизованного государства	213
§4. Роль личности в теории создания централизованного государства ...	252
Заключение	282
Список литературы и источников	290

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена насущными задачами развития современной отечественной историографии, ключевым условием которого является расширение проблематики исследований и соответствующей источниковой базы. Тема истории государства и его роли в национальном историческом процессе является одной из основных в современной науке и образовательном пространстве, будучи, помимо прочего, неразрывно связанной с задачами патриотического воспитания молодого поколения.

Государственное бытие народа есть высшая ступень его исторического развития, необходимое условие и способ его проявления в истории. Обретение суверенной государственности было и остаётся важнейшим устремлением всякой нации. Для национального сознания российского народа идея государства имеет определяющее значение.

Вопрос о создании государства играет крупную роль в деле гуманитарного образования и просвещения. В образовательных программах средней и высшей школы ему отведено одно из ключевых мест. Научно обоснованное, освещение процесса складывания Русского государства составляет важную задачу педагогической практики. С нею связана социальная функция воспитания гражданственности и патриотизма.

Система образования в нашей стране долгое время пребывает в состоянии затянувшейся перестройки. После отказа от советской концепции истории насущной потребностью стала выработка новых теоретических оснований анализа и понимания событий прошлого. Утрата монопольного положения в науке марксистско-ленинской парадигмы открыло возможность соперничеству трактовок и подходов, опирающихся на различные идейно-теоретические основания. В данных

условиях обретает актуальность задача разработки новой исторической концепции, которая удовлетворяла бы не только познавательным, но и нравственно-воспитательным задачам национальной системы образования.

В этой связи обращение к опыту предшествующей историографии обладает высоким познавательным потенциалом. Особенно это касается периода 1930-х – начала 1950-х гг., когда происходило бурное становление и утверждение советской моноконцепции отечественной истории. Содержание научного поиска в указанный период является источником ценного опыта теоретической, научно-исследовательской и методической работы. Анализ достижений и ошибок историков советской эпохи способен обогатить современную научную и педагогическую мысль, помочь формированию новой концепции отечественной истории, в частности – системы представлений о складывании и развитии Русского государства.

Степень изученности темы

Первые попытки проанализировать комплекс научной литературы по проблеме русского централизованного государства, созданный в конце 1930-х – начале 1950-х гг., были предприняты советскими учёными уже в середине XX в. Л.В. Черепнин в монографии 1960 г¹. дал подробный обзор научных трудов по данной проблеме в указанный период. Годом позже А.М. Сахаров опубликовал статью в журнале «Вопросы истории», в которой рассмотрел поступательное развитие научных представлений о создании и характере русского централизованного государства в историографии предшествующего периода². Заметным событием в исторической науке позднего СССР стал выход учебного пособия «Историография истории СССР (эпоха социализма)» под редакцией

---

¹ Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV веках. М., 1960. С. 106-139.

² Сахаров А.М. Проблема образования Русского централизованного государства в советской историографии // Вопросы истории. 1961. № 9. С. 70-88.

И.И. Минца³. Авторы показали особенности подхода предшественников к объяснению причин централизации, анализу социально-политических процессов, оценке выдающихся государственных деятелей. Ещё одна попытка обобщения советскими историками развития историографии в 1930-е – 1940-е гг. представлена в статье Л.В. Даниловой, размещённой в 5 томе коллективного труда «Очерки исторической науки в СССР»⁴. В работе прослежено накопление марксистской исторической наукой знаний о складывании русского централизованного государства; рассмотрены научные дискуссии, посвящённые отдельным сторонам этого процесса.

Названные работы являют опыт научной рефлексии в рамках марксистской исследовательской парадигмы. Они показывают динамику её развития, но, по понятным причинам, не содержат анализа её теоретических оснований. В полной мере критическое осмысление историографии сталинского времени стало возможным уже в постсоветский период, с утратой марксистской теорией господствующих позиций в науке.

Для исторической науки конца XX – начала XXI вв. характерен устойчивый интерес к истории сталинской эпохи. Множество монографий и статей было написано отечественными и зарубежными учёными о разных сторонах жизни советского общества в указанное время. В фокусе интереса исследователей оказалась также историческая наука 1930-х – начала 1950-х гг. Жизни и трудам советских историков этого периода посвящено немало научных изысканий. Наиболее востребованными проблемами являются такие как: формирование и развитие корпорации советских учёных, взаимоотношения научного сообщества и государства, влияние идейно-политических факторов на конкретное содержание научных работ.

---

³ Историография истории СССР (эпоха социализма). Учебник / Под ред. И.И. Минца. М., 1982.

⁴ Данилова Л.В. Изучении истории средневековой России // Очерки исторической науки в СССР. Т. 5. М., 1985. С. 110-186.

Современную историографию по исследуемой нами теме можно разделить на два направления.

К первому направлению относятся работы, напрямую либо опосредованно затрагивающие проблему образования русского централизованного государства в трудах историков сталинского периода. Большой интерес представляет монография А.Л. Юрганова «Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма», вышедшая в 2011 г.⁵ В работе подробно освещены научные дискуссии 1940-х – начала 1950-х гг. На обширном материале архивов и публикаций показано влияние идейной политики советского руководства на выводы историков о становлении русского государства. В книге детально разобран вопрос о становлении марксистской методологии, описаны факторы, непосредственно влиявшие на данный процесс, проанализированы теоретические позиции историков, прослежена их трансформация. Фундаментальный труд А.Л. Юрганова безусловно занимает значимое место в современной историографии по проблеме разработки концепции русского централизованного государства отечественной исторической наукой в эпоху сталинизма.

А.Н. Фукс проанализировал теоретический подход к процессу централизации русского государства в школьном учебнике по истории СССР под редакцией А.В. Шестакова⁶. Исследователем показана специфика подхода авторов учебной литературы к оценке исторического значения централизации, а также к личности одного из его создателей – Ивана Грозного. Вопрос об отражении периода централизации в школьных учебниках рассматривается А.Н. Фуком в рамках более широкой проблематики, связанной с формированием советской моноконцепции отечественной истории.

---

⁵ Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

⁶ Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVIII в. – вторая половина 1930-х гг.). М., 2017.

Некоторые научные работы представляют интерес при изучении отдельных сторон освещения процесса централизации в историографии рассматриваемого времени. Прежде всего, это работы, посвящённые вопросу о роли личности в истории. Заслуживает упоминания статья А.Л. Хорошкевич, обращённая к отдельным аспектам укрепления централизованного государства в историографии сталинской эпохи⁷. Исследователь актуализовала проблему научной оценки правления Ивана IV и его опричной политики в трудах историков 1920-х – 1950-х гг. Автор в общих чертах обрисовала специфику историографической ситуации, показала борьбу научных позиций, высказала критические замечания о степени проработанности понятийного аппарата советских историков.

К теме Ивана Грозного в сталинской историографии обращается К. Платт. В монографии⁸ и статье, переведённой на русский язык⁹, автор анализирует, как образ русского царя использовался историками и государственным руководством для формирования исторической памяти; как и под воздействием каких факторов происходили осмысление и оценка исторической роли правителя.

Косвенно вопрос о централизованном государстве в историографии изучаемого периода поднят в статье К.А. Соловьёва¹⁰. Автор охарактеризовал подход к оценке властных отношений периода правления Ивана III, утвердившийся в советской исторической науке до середины XX в.

---

⁷ Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер русского государства в советской историографии 20-х – 50-х гг. // История СССР. 1991. № 6. С. 85-100.

⁸ Platt K.M.F. *Terror and greatness: Ivan and Peter as Russian myths*. London, 2011.

⁹ Платт К. Репродукция травмы: сценарий русской национальной истории в 1930-е гг. // Новое литературное обозрение. 2008. № 2(90). С. 63-85.

¹⁰ Соловьёв К.А. Характеристика власти великого князя Ивана III в советской историографии 1920-х – 1950-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). № 30. С. 1-11.

Ю.А. Зуляр в учебном пособии¹¹ по проблеме генезиса русского самодержавия бегло коснулся вопроса об особенностях марксистского подхода в определении государственного строя русского государства допетровской эпохи. Данный подход автор назвал «синонимным».

Второе направление в историографии по интересующей нас теме представлено исследованиями, в той или иной степени содержащими анализ марксистской методологии сталинского времени. В трудах, образующих данную группу, представлены выводы о специфике историографической ситуации 1930-х – 1950-х гг., прослежено складывание теоретико-методологических основ работы историков, проанализировано идейно-политическое воздействие на научное сообщество со стороны государства.

Выдающееся место здесь занимает монография А.М. Дубровского¹², посвящённая взаимоотношениям отечественных историков и советского политического руководства в эпоху сталинизма. В центре внимания автора находится жизненный мир историков 1930-х – 1950-х гг., факторы, формировавшие образ их мышления и оказывавшие влияние на выводы их работ. На обширном и разнообразном материале в книге прослежено становление коренных идей и положений марксистской исторической теории. Автор показывает, как вопрос о русском централизованном государстве вошёл в число наиболее важных вопросов историографии указанного периода.

Отдельного внимания заслуживают научные труды В.В. Тихонова. В монографии¹³, посвящённой идеологическим кампаниям «позднего сталинизма», исследователь показал степень и характер влияния государственных идеологических мероприятий на конкретное содержание работ советских историков. Дальнейшую

---

¹¹ Зуляр Ю.А. Генезис русского самодержавия и дискуссия о его особенностях. Учебное пособие. Иркутск, 2006.

¹² Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930 – 1950-е гг.). М., 2017.

¹³ Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М. ; СПб., 2016.

проработку данная проблематика получила в докторской диссертации¹⁴ В.В. Тихонова. Автор подробно исследует феномен властного патроната, внутрикорпоративные конфликты в среде отечественных историков, содержание и направленность идеологических кампаний и дискуссий. Проблеме взаимоотношений историков и власти посвящён также ряд других работ учёного¹⁵. Выводы научных трудов В.В. Тихонова важны для понимания своеобразия историографической ситуации 1930-х – начала 1950-х гг. и факторов, имевших влияние на складывание марксистско-ленинской методологии исторической науки.

Тема идеологической составляющей в историографии сталинского периода широко раскрыта в монографии Д.Л. Бранденбергера¹⁶. Автор показывает, как сюжеты и персонажи русской истории использовались для формирования новой модели исторической памяти. В книге анализируется «руссоцентризм» сталинской идеологической политики, его отражение в исторической литературе.

Проблеме влияния идеологии на формирование методик освещения прошлого проанализировано в статьях А.Н. Мерцалова¹⁷ и В.В. Ковели¹⁸. Размышления о роли политического фактора в работе историков 1930-х – 1950-х гг. содержатся в сочинении В.Б. Кобрин¹⁹. Стоит отметить также коллективный труд «Советская

---

¹⁴ Тихонов В.В. Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х – начала 1950-х годов: диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2018.

¹⁵ Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М. ; СПб., 2012; Тихонов В.В. Борьба с «Буржуазным объективизмом» в советской исторической науке: С.Б. Веселовский и его книга «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2(52). С. 104-113.

¹⁶ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). СПб., 2009.

¹⁷ Мерцалов А.Н. Сталинизм и освещение прошлого // История и сталинизм. М., 1991. С. 384-447.

¹⁸ Ковеля В.В. История одного учебника: эпизод из научной деятельности М.Н. Тихомирова // Археографический ежегодник. М., 2016. С. 165-180.

¹⁹ Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. 224 с.

историография»²⁰, ставший одной из первых попыток в постперестроечное время осмыслить специфику историографической ситуации советской эпохи, проанализировать особенности научного творчества историков в условиях господства марксистско-ленинской парадигмы.

Современными исследователями основательно изучены вопросы, касающиеся становления марксистских интерпретаций, особенностей историографической ситуации и характеру взаимоотношений властных структур с историческим сообществом в период 1930-х – начала 1950-х гг. Это является важным теоретическим заделом для дальнейшей постановки и решения частных историографических проблем, к числу которых принадлежит проблема складывания русского централизованного государства в отечественной историографии указанного времени.

Объектом исследования являются труды отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг., посвящённые проблеме возникновения русского централизованного государства.

Предметом исследования являются формирование и развитие в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. теоретических представлений о закономерностях и факторах складывания русского централизованного государства, особенностях этого процесса.

Хронологические рамки историографического исследования охватывают период с конца 1930-х по начало 1950-х гг. Нижняя временная граница определена в связи с началом организованного наступления на концепцию М.Н. Покровского и первыми попытками создания концепции русского централизованного государства авторами школьных учебников по истории СССР. Установление верхней временной границы связано с процессом десталинизации общественного сознания после XX съезда КПСС, вызванными ею переменами в идейно-политической сфере

---

²⁰ Советская историография / Под. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.

общественной жизни и постепенной ревизией выводов и оценок, содержащихся в исторической литературе предшествующего времени.

Цель и задачи исследования

Цель настоящего диссертационного исследования: выявить основные тенденции в развитии научной мысли конца 1930-х – начала 1950-х гг. в ходе формирования марксистской теории складывания русского централизованного государства; проследить изменения в оценках и выводах ведущих историков; определить специфику их теоретико-методологических позиций и подходов к решению проблемы образования русского централизованного государства.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: проследить эволюцию теоретико-методологических подходов в отечественной историографии рассматриваемого периода; определить роль и значение проблемы образования русского централизованного государства в становлении и развитии советской моноконцепции отечественной истории; провести сравнительный историографический анализ комплекса исследовательской литературы, посвящённой различным сторонам изучения процесса образования российского государства; выделить основные этапы создания теории централизованного государства с конца 1930-х по начало 1950-х гг.

Источниковая база исследования включает такие материалы, как: архивные неопубликованные документы, опубликованные документы, материалы монографий и периодических изданий, энциклопедические издания, учебная и учебно-методическая литература. В связи с этим все использованные источники можно подразделить следующим образом.

Первую группу источников составляют неопубликованные архивные материалы. Для работы были привлечены документы Архива Российской академии

наук (АРАН)²¹, в которых отражена деятельность Отделения истории АН СССР, Института истории АН СССР, а также некоторых крупных историков (С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, Л.В. Черепнин). Интерес представляют материалы, которые в той или иной мере касаются проблемы образования русского централизованного государства: официальная документация (протоколы собраний и заседаний), статьи, рецензии, заметки, тексты выступлений и лекций, учебные планы.

Ко второй группе источников относятся опубликованные документы, среди которых: официальная партийная и правительственная документация, стенограммы выступлений советских руководителей и научных сотрудников АН СССР. Данные материалы содержат информацию об организации деятельности советских историков, об исторической и идеологической политике высшего государственного руководства.

Третья группа источников состоит из монографий и статей в научных изданиях. В ней можно выделить несколько тематических подгрупп. Большой интерес представляет первая подгруппа, включающая труды, посвящённые непосредственно проблеме образования русского централизованного государства. Это монографии В.В. Мавродина²² и К.В. Базилевича²³. В том же ряду находятся публичные лекции К.В. Базилевича, вышедшие отдельными изданиями²⁴, а также

---

²¹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 93, 200, 220, 223; Ф. 624. Оп. 1. Д. 333, 514, 535, 536; Ф. 697. Оп. 1. Д. 41, 48, 67, 68, 85; Ф. 1577. Оп. 5. Д. 138, 174, 185, 210; Оп. 6. Д. 162, 341; Ф. 1791. Оп. 1. Д. 132, 136, 137.

²² Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Изд. 2-е. М., 1941; Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951.

²³ Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952.

²⁴ Базилевич К.В. Лекции 9-10. Феодалные объединения на территории СССР в XIV-XV вв. Стенограмма лекций, прочитанных 13 и 15 декабря 1939 г. М., 1940; Базилевич К.В. Лекция 11. Образование русского национального государства. Стенограмма лекции, прочитанной 20 декабря 1939 г. М., 1940; Базилевич К.В. Лекции 12 и 13. Расширение русского государства и превращение его в многонациональное. Стенограмма лекций, прочитанных 21 и 27 декабря 1939 г. М., 1940.

некоторые иные работы учёного²⁵; публичная лекция А.В. Шестакова²⁶ и монография С.В. Юшкова²⁷.

Вторая подгруппа, более многочисленная, представлена работами, посвящёнными отдельным сторонам проблемы создания единого русского государства. Выделяются труды, посвящённые периоду развития централизованного государства с конца XV по середину XVI вв. Таковы работы В.Л. Снегирёва²⁸ и Н.И. Шатагина²⁹.

Большое число трудов посвящено эпохе Ивана Грозного, его личности и реформам. Это, прежде всего, монографии С.В. Бахрушина³⁰ и Р.Ю. Виппера³¹. В ходе исследования были использованы разные редакции данных работ³², что продиктовано необходимостью проследить развитие авторской мысли, соотнести произведённые правки с переменами в идейно-политическом контексте изучаемого периода. Также были привлечены работы об Иване IV таких авторов, как: И.У. Будовниц³³, Б.Г. Верховень³⁴, И.Б. Зильберман³⁵, И.А. Козлов³⁶, И.И. Смирнов³⁷. Опричной политике Ивана Грозного посвящена монография П.А. Садикова³⁸.

---

²⁵ Базилевич К.В. Образование русского национального государства. Иван III. М., 1946; Базилевич К.В. Прогрессивная роль России в политической жизни Европы. Стенограмма публичной лекции прочитанной в Москве. М., 1949.

²⁶ Шестаков А.В. Создание русского национального государства. Стенограмма лекции, прочитанной 16 окт. 1937 г. М., 1937.

²⁷ Юшков С.В. К проблеме образования феодального государства. М., 1948.

²⁸ Снегирев В.Л. Иван Третий и его время. Образование Русского национального государства. М., 1942.

²⁹ Шатагин Н.И. Русское государство в первой половине XVI века (Очерки из политической истории Руси в первой половине XVI века). Свердловск, 1941.

³⁰ Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1942; Бахрушин С.В. Самодержавие Ивана IV. М., 1946.

³¹ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922.

³² Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1945; Виппер Р.Ю. Иван Грозный. Изд. 3-е. М.; Л., 1944, Виппер Р.Ю. Иван IV. М., 1945.

³³ Будовниц И.У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Исторические записки. Т. 21. М., 1947. С. 271-331.

³⁴ Верховень Б.Г. Россия в царствование Ивана Грозного. М., 1939.

³⁵ Зильберман И.Б. Политические взгляды Ивана Грозного. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1953.

³⁶ Коротков И.А. Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952.

Поскольку проблема создания русского централизованного государства в советской историографии тесно связывалась с развитием феодализма и отношений феодальной эксплуатации, невозможно обойти стороной научные труды, посвящённые данным вопросам. Это монографии Б.Д. Грекова³⁹, С.В. Бахрушина⁴⁰, П.И. Лященко⁴¹, Л.В. Черепнина⁴², С.В. Юшкова⁴³. Примыкают к ним публикации, затрагивающие проблемы ремесла и торговли, социально-политического и экономического развития русских городов XV-XVI вв. Среди таковых следует назвать работы С.В. Бахрушина⁴⁴, Б.А. Рыбакова⁴⁵, П.П. Смирнова⁴⁶, В.Л. Снегирёва⁴⁷.

Заметное место в историографии рассматриваемого периода о русском централизованном государстве занимают труды, посвящённые общественно-политической мысли XVI в. Большое значение для исследования представляют работы И.У. Будовница⁴⁸, Н.С. Козлова⁴⁹, Д.С. Лихачёва⁵⁰. Анализ этих трудов

---

³⁷ Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944; Смирнов И.И. Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. // Исторические записки. Т. 43. М., 1953. С. 150-181.

³⁸ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

³⁹ Греков Б.Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.; Л., 1940; Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.; Л., 1946.

⁴⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV-XVII вв. М., 1954.

⁴¹ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. Докапиталистические формации. Изд. 3-е. М., 1952.

⁴² Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодализма в России. М., 1955.

⁴³ Юшков С.В. К вопросу о развитии крепостного права в московском государстве в XIV-XVI вв. Свердловск, 1938.

⁴⁴ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI – начала XVII вв. М., 1952.

⁴⁵ Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948.

⁴⁶ Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М.; Л., 1947.

⁴⁷ Снегирев В.Л. Московские слободы. М., 1947.

⁴⁸ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947.

⁴⁹ Козлов Н.С. Развитие общественно-политической мысли в период образования и укрепления русского централизованного государства (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук). М., 1954.

служит углублению представлений о методологии, применявшейся для работы с литературными памятниками в историографии интересующего нас периода.

Отдельного упоминания заслуживают монографии, посвящённые исследованию вопроса о межнациональных отношениях внутри великорусской державы. К ним относятся труды А.И. Новгородова⁵¹, А.Н. Усманова⁵² и А.В. Эмаусского⁵³. Данные работы позволяют лучше понять специфику подхода историков к оценке событий, связанных с присоединением к русскому государству земель, населённых малыми народами Евразии.

Перечисленные выше частные вопросы нашли комплексное отражение в обобщающих научных трудах начала – середины 1950-х гг. Данные коллективные монографии полезны для исследования, поскольку представляют показательный срез теоретических воззрений и содержат выводы, подводящие логический итог активным научным поискам предшествующих полутора десятилетий.

Третья подгруппа объединяет издания научно-популярного толка. Они в простой и доступной форме излагают основные выводы, полученные советскими учёными о причинах возникновения, характере, закономерностях развития и внутренних особенностях русского государства. Таковы издания, вышедшие за авторством и под редакцией Б.М. Волина и А.М. Панкратовой⁵⁴.

Четвёртую подгруппу образуют труды общетеоретической направленности. Отнесённые сюда издания интересны как источник сведений о складывании марксистской научной парадигмы в исследовании русского

---

⁵⁰ Лихачев Д.С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (Конец XIV–начало XVI в.). М., 1946; Лихачев Д.С. Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI-XVII вв. М.; Л., 1945.

⁵¹ Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа / Под ред. А.И. Новгородова. Якутск, 1950.

⁵² Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949.

⁵³ Эммаусский А.В. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949.

⁵⁴ Наша великая Родина / Н.Н. Михайлов, А.М. Панкратова, Б.М. Волин и др. М., 1946; Панкратова А.М. Великий русский народ. М., 1952.

централизованного государства. В первую очередь следует назвать двухтомный сборник статей, посвящённый критике исторической концепции М.Н. Покровского⁵⁵. Материалы данного издания носят во многом программный характер и могут рассматриваться как исходные теоретические посылки для создания модели образования русского централизованного государства.

Представляют интерес издания, содержащие установочные положения для развития гуманитарной науки в целом. Данные работы имеют выраженный идеологический подтекст и отражают официальную позицию партийно-правительственных структур в вопросах науки, образования и воспитания. Таковы издания «Классовый враг на историческом фронте»⁵⁶, «Против механистических тенденций в исторической науке»⁵⁷, «Исторический материализм»⁵⁸, публикации М.А. Морозова⁵⁹ и А.И. Соболева⁶⁰.

К пятой подгруппе относятся сочинения и выступления партийных и государственных деятелей, прежде всего – И.В. Сталина. Его указания сыграли важную роль в становлении методологии исторической науки 1930-х – начала 1950-х гг. Некоторые постулаты, озвученные главой советского государства, легли в основу концепции создания русской державы в XV-XVI вв. Для настоящего исследования имеют значимость как публичные выступления И.В. Сталина, так и его теоретические работы. К последним относятся: «Марксизм и вопросы

---

⁵⁵ Против исторической концепции М.Н.Покровского / Отв. ред. А. Сидоров. Ч. 1. М. ; Л., 1939; Против Антимарксистской концепции М.Н. Покровского / Ред. И.У. Будовниц. Ч. 2. М. ; Л., 1940.

⁵⁶ Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М. ; Л., 1931.

⁵⁷ Против механистических тенденций в исторической науке (дискуссия в Институте красной профессуры). М. ; Л., 1930.

⁵⁸ Исторический материализм // Под ред. Ф.В. Константинова. М., 1951.

⁵⁹ Морозов М. Национальные традиции и воспитание советского патриотизма. М., 1950.

⁶⁰ Соболев А.И. О советском патриотизме. М., 1948.

языкознания»⁶¹, «Марксизм и национальный вопрос»⁶², «О диалектическом и историческом материализме»⁶³, «Экономические проблемы социализма в СССР»⁶⁴.

Четвёртая группа источников охватывает публикации в периодических изданиях. Большой интерес представляют статьи в журнале «Вопросы истории». Данные материалы имеют наибольшую долю в общем объёме привлекаемой периодики – 52 статьи. В них затрагиваются как общие вопросы создания русского государства, так и связанные с этим частные проблемы. Для исследования особенно важны дискуссии об образовании централизованного русского государства (1946) и о периодизации истории СССР (1949-1951). Среди учёных, выступивших на страницах «Вопросов истории» в период с конца 1930-х по начало 1950-х гг. – К.В. Базилевич, В.В. Мавродин, И.И. Смирнов, П.П. Смирнов, Л.В. Черепнин, С.В. Юшков.

В числе материалов периодической печати привлечены также статьи из журналов «Историк-марксист», «Исторический журнал», «Преподавание истории в школе», «Большевик», «Звезда», «Советская этнография», «Борьба классов», «Под знаменем марксизма», «Вестник МГУ».

В пятую группу источников включены отдельные тома Большой Советской Энциклопедии первого и второго изданий. Размещённые в них статьи, посвящённые русской истории XV-XVI вв. и некоторым смежным вопросам, дают представление о выводах научных исследований, актуальных на момент издания конкретного тома. Материалы БСЭ позволяют проследить изменения, происходившие в оценках отдельных событий и процессов, относящихся к проблеме создания централизованного государства.

---

⁶¹ Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950.

⁶² Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 290-366.

⁶³ Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1952. С. 574-602.

⁶⁴ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

Шестая группа источников объединяет учебники и методическую литературу по отечественной истории за период с конца 1930-х по начало 1950-х гг. Особый интерес представляет учебник для начальной школы под редакцией А.В. Шестакова⁶⁵. Его авторами впервые после осуждения школы М.Н. Покровского была предпринята попытка создать единую марксистскую концепцию истории СССР. В тексте в концентрированном виде нашли отражение ключевые идеи новой исторической парадигмы, сформированной под сильным воздействием идейно-теоретических указаний И.В. Сталина.

Также для анализа привлечены учебники для средней школы⁶⁶ и вуза⁶⁷, созданные авторскими коллективами в составе ведущих отечественных историков. Интерес представляют разделы, посвящённые созданию и укреплению русского централизованного государства. Со временем тексты учебников претерпевали правки, вносимые в связи с изменением идейно-теоретических установок, пересмотром историками отдельных ключевых положений теории складывания русского государства. Сравнительное исследование разных редакций названных учебников позволяет выяснить характер и направленность этих правок, а значит, лучше понять внутреннюю логику развития исторической мысли в данном направлении. В ходе исследования изучены и проанализированы издания учебников разных лет.

Кроме того, любопытная информация содержится в изданиях методической направленности: «Преподавание истории в условиях Великой Отечественной

---

⁶⁵ Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937.

⁶⁶ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1940.

⁶⁷ История СССР. Т. 1. С древнейших времён до конца XVIII в. / Под ред. В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина. М., 1939; История СССР. Т. 1. / Под ред. В.И. Пичета, М.Н. Тихомирова, А.В. Шестакова. М., 1941.

войны»⁶⁸, «Материалы к преподаванию истории СССР»⁶⁹, «Хрестоматия по истории СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века»⁷⁰. Пояснения, комментарии и рекомендации, содержащиеся в этих изданиях, расширяют представление о подходах историков к оценке и пониманию событий, связанных с образованием великорусского государства.

Представленная база источников репрезентативна и достаточна для решения поставленных задач и раскрытия заявленной темы. В совокупности перечисленные источники дополняют друг друга и позволяют изучить теорию русского централизованного государства в историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. с необходимой полнотой и объективностью.

Методологической основой исследования являются принципы объективности, историзма, системности и всесторонности. Принцип объективности раскрывается в общенаучном механизме мышления, который заключается в соотношении изучаемого объекта с мышлением познающего субъекта⁷¹. Принцип историзма требует исследования природы изучаемых предметов с точки зрения общего, повторяющегося в них и индивидуально-неповторимого, обнаруживаемого в их единстве⁷². Принцип системности предполагает рассмотрение изучаемого объекта как сложной совокупности внутренне взаимосвязанных элементов. Принцип всесторонности выражается в требовании выявлять и учитывать в ходе исследования все стороны анализируемого предмета.

---

⁶⁸ Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Методическое пособие для учителей средних школ Казахской ССР. Ч. I. История СССР / Под ред. А.М. Панкратовой, 1942; Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Методическое пособие для учителей средней школы УзССР. Вып. IV. История СССР / Под ред. Е.А. Косминского, А.М. Панкратовой, А.Д. Удальцова. Ташкент, 1942.

⁶⁹ Материалы к преподаванию истории СССР. М., 1937.

⁷⁰ Хрестоматия по истории СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. Изд. 4-е. М., 1951.

⁷¹ Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2008. С. 160.

⁷² Там же. С. 151.

В настоящем исследовании были применены общенаучные, специальные исторические и междисциплинарные методы научного исследования. Ключевым методом явился сравнительно-историографический метод, предполагающий выявление основных тенденций развития исторической науки и образования рассматриваемого периода. Также были применены: описательно-повествовательный, типологический, ретроспективный методы и метод терминологического анализа.

В работе используется категория «русское централизованное государство», что обусловлено стремлением автора наиболее точно отразить содержание научного дискурса исследуемого периода, особенности соответствующей историографической ситуации. Названный историографический концепт закрепился в понятийном аппарате отечественной науки со 2-й половины 1930-х гг. Становление теории образования русской державы в XV–XVI вв. происходило в неразрывной связи со становлением и содержательным наполнением данного концепта. Таким образом, обращение к нему в тексте диссертации служит лучшему отражению внутренней специфики отечественной историографии сталинского периода.

Также в работе применено понятие «советская моноконцепция отечественной истории», используемое в современной историографии⁷³. Данное понятие характеризует особенности подхода советских историков к разработке концепции истории СССР на основе положений марксистского учения о диалектическом материализме. Категория «моноконцепция» выражает приверженность учёных монистическому принципу в истолковании движущих сил исторического развития. Применительно к историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. это принцип материалистического монизма, согласно которому в качестве ключевого фактора исторического процесса рассматривалось развитие производительных сил общества.

---

⁷³ Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – 1930-е гг.): автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2011. С. 5.

Таким образом, понятие «советская моноконцепция отечественной истории» позволяет удачно отразить теоретико-методологическое своеобразие в работе сообщества историков рассматриваемого периода.

Научная новизна заключается в том, что впервые в практике историографических исследований осуществляется попытка комплексного анализа историографических источников конца 1930-х – начала 1950-х гг., относящихся к изучению процесса образования русского централизованного государства. Таким образом, новизна состоит в расширении историографического поля исследования. Наряду с рассмотрением академического дискурса осуществляется изучение концептуального содержания школьных и вузовских историографических источников.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Создание научной теории образования русского централизованного государства являлось одной из ключевых задач формирования советской моноконцепции отечественной истории в конце 1930-х – начале 1950-х гг. В ходе исследования были выявлены как идейно-политические, так и собственно научные основания высокого интереса историков к данной проблематике.

2. Историографический анализ используемых источников позволил расширить понимание закономерностей развития отечественной историографии указанного периода и установить основные этапы формирования теории создания централизованного государства: а) этап мобилизации сообщества историков; б) этап консолидации научных позиций; в) завершающий этап, связанный с уточнением, доработкой и систематизацией сформированных теоретических положений.

3. Удалось проследить динамику выводов и оценок историков по конкретным вопросам, касающимся государственного строительства в XV–XVI вв., во взаимосвязи с изменениями идейно-политических установок с конца 1930-х по

конец 1940-х гг. Это касается артикуляции тезисов национально-патриотического характера, углубления положений о роли личности в истории.

4. На протяжении 1940-х гг. в историографии централизованного государства преобладали взгляды, отстаиваемые С.В. Бахрушиным и К.В. Базилевичем. С начала 1950-х гг. их начинают вытеснять положения, выдвигаемые новым поколением учёных, таких как В.В. Мавродин, Л.В. Черепнин и др. Это отразилось, прежде всего, в решении вопроса о периодизации государственного строительства, усилении дискурса о цивилизующей роли великорусского народа в отношении малых народностей в составе объединённого государства.

5. Анализ теоретико-методологических подходов к решению вопроса о формировании централизованного государства позволил сделать вывод о том, что, несмотря на декларированную приверженность принципу материалистического монизма, ведущие историки фактически использовали многофакторный подход в оценках рассматриваемого периода.

6. Показано, что при выработке подходов к решению проблемы образования централизованного государства ключевыми аспектами стали: периодизация этапов складывания государства, определение сущности государственного строя, выяснения характера и направленности классовой борьбы, анализ межнациональных отношений, определение роли субъективного фактора.

7. Структурный анализ подходов к созданию теории централизованного государства выявил, что ряд проблем на протяжении рассматриваемого периода оставался дискуссионным. Это выразилось в незавершённости оформления понятийного аппарата, в полемике по поводу содержательного наполнения таких терминов, как: «самодержавие», «монархия», «абсолютизм», а также «народность» и «нация». Введение в оборот, критика и переосмысление историками основных понятий и категорий показывает, что теоретические поиски проходили в условиях

острых дискуссий, свидетельствующих о пребывании исторического знания в постоянном развитии, о его интенсивном изменении.

8. Изучение историографических источников позволяет сделать вывод о том, что в советской историографии устоялось понимание того, что централизация государства оценивалась как объективно прогрессивный процесс, происходивший в интересах всех слоёв населения.

9. Исследование взглядов и подходов отечественных историков рассматриваемого периода показывает, что, несмотря на вынужденную необходимость следовать в русле предписанной идеологической канвы, историческое сообщество в основном сохранило приверженность традициям и принципам академической науки. Рассмотрение процесса становления теории централизованного государства показывает высокий уровень научной культуры и наличие сильной теоретико-методологической базы у советских учёных, их преемственность по отношению к лучшим образцам научно-исследовательской работы дореволюционного периода.

Таким образом, результаты исследования существенно дополняют характеристику историографической ситуации рассматриваемого периода.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что полученные в ходе работы выводы способствуют углублению научных представлений об особенностях развития исторической науки и лучшему пониманию историографической ситуации в чрезвычайно значимый период отечественной истории. Представленный анализ историографического материала позволяет лучше понять особенности подходов и общие тенденции в построения теории русского централизованного государства рассматриваемого периода, общие закономерности построения исторических концепций. Поэтому изложенный в диссертации материал будет полезен и в современной научно-исследовательской, методической и педагогической практике.

Апробация исследования

Результаты исследования нашли отражение в 11 научных публикациях, из них 5 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации. Результаты исследования были использованы при подготовке научных докладов на конференциях: VIII Международной научно-практической конференции «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия» (Владимир, ВГУ, 2019), IV Всероссийской научной конференции с международным участием «Некрасовские чтения» (Вологда, ВоГУ, 2019), Межрегиональной научно-практической конференции «IX историографические чтения, посвящённые памяти историков Д.И. Иловайского и М.К. Любавского» (Рязань, Рязанский историко-архивный музей-заповедник, 2019), Международной научной онлайн конференции молодых учёных «Наука на благо человечества 2020» (Москва, МГОУ, 2020), Научно-методической конференции «Интегративная функция педагогической науки в образовательном пространстве вуза» (Москва, МГОУ, 2019).

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования, состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы. В первой главе диссертации определяется место проблемы образования русского государства в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг., рассматриваются теоретико-методологические основы работы историков. Вторая глава посвящена проблеме периодизации русского централизованного государства в научных и учебно-методических трудах указанного периода. В третьей главе исследуются отдельные, наиболее значимые, проблемы, связанные с построением теории централизованного государства историками в изучаемый период.

Глава 1. Теоретические основы исследования русского централизованного государства в историографии 1930-х – начала 1950-х гг.

§1. Место проблемы централизованного государства в историографии 1930-х – начала 1950-х гг.

Параграф посвящён исследованию вопроса о месте проблемы возникновения русского централизованного государства в отечественной историографии 1930-х – начала 1950-х гг. Задачи параграфа: определить значение, придававшееся данной проблеме в исторической науке; рассмотреть особенности историографической ситуации названного периода; проанализировать факторы, влиявшие на выводы научных исследований.

Историческая наука 2-й четверти XX в. развивалась в условиях крупных перемен, охвативших страну в связи с революцией и последующей перестройкой всех сфер общественной жизни на социалистических началах. Деятельность отечественных историков не осталась в стороне от происходящего. Как утверждал учёный и влиятельный организатор науки в 1920-е гг. М.Н. Покровский, «общественная наука есть орудие классовой борьбы»⁷⁴. Согласно этому, широко распространённому убеждению, прежняя историография подлежала тщательному пересмотру как инструмент политики старых классов-угнетателей.

По мере складывания новой историографической ситуации переосмысливались цели и задачи исторической науки, её принципы и методология. Тематика исследований также претерпела изменения. Некоторые вопросы были

---

⁷⁴ Покровский М.Н. Общественные науки в СССР за 10 лет // Вестник коммунистической академии. 1928. № 26. С. 6.

выдвинуты на первый план, другие вытеснялись на периферию, маргинализировались. Некоторые темы, прежде востребованные, оказались частично позабыты.

Возрос интерес историков к проблемам, «подсказанным» марксистской теорией, в частности, к исследованию классовой борьбы. Получили толчок разыскания в области становления феодально-крепостнических отношений, вопрос о возникновении феодального государства в России. По утверждению Л.В. Черепнина, «образование Русского централизованного государства – это одна из центральных тем истории нашей Родины периода феодализма»⁷⁵.

Тема возникновения и развития централизованного государства традиционно являлась одной из ключевых для отечественной историографии. Она получила основательную проработку в трудах историков дореволюционной эпохи и сохранила первостепенную значимость в советской исторической науке. Подъём научного интереса к проблеме государственного строительства наблюдается в 1930-х – начале 1950-х гг. На это время приходится широкая мобилизация сил сообщества историков, их деятельная работа над созданием советской моноконцепции отечественной истории. Появление державы великороссов становится одним из широко востребованных сюжетов не только научного, но и художественного творчества, приобретает значение важной идеологической доминанты в создаваемой советским государством системе воспитательно-патриотических представлений.

В литературе указанного периода феномен централизованного государства описывается разными, но близкими по содержанию понятиями: Русское государство, единое русское государство, русское централизованное государство, русское национальное государство, русское многонациональное государство, русское феодальное государство. Не прослеживается строгой последовательности в написании слова «русское» со строчной или прописной буквы. Хотя в военное и послевоенное время всё более частым становится употребление заглавной буквы.

---

⁷⁵ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 136. Л. 29.

Показательны, например, две статьи С.В. Бахрушина в журнале «Пропагандист». В первой (1939) использована форма «русское»⁷⁶, во второй (1945) – «Русское»⁷⁷.

Формулировки, подчёркивающие централизованный характер государства, закрепляются в академическом словоупотреблении к исходу 1930-х гг. До того в текстах статей и монографий нередки конструкции «Московское государство» или «Московское царство». Такими понятиями пользовался М.Н. Покровский.⁷⁸ Учёный писал: «Борьбою этих двух больших городов, Москвы и Новгорода, и заканчивается образование Московского государства»⁷⁹. Это понятие оставалась в употреблении некоторое время после смерти М.Н. Покровского (1932). Например, Б.Д. Греков в «Очерках по истории феодализма в России» (1934), пользовался именно им⁸⁰. Однако в дальнейшем, с усилением этно-национального (великорусского) компонента в системе государственной идеологии, произошли перемены и в понятийном аппарате исторической науки. Ярким проявлением того служат заглавия трудов, публиковавшихся учёными со 2-й половины 1930-х гг.: монография В.В. Мавродина «Образование русского национального государства»⁸¹, лекции К.В. Базилевича «Образование русского национального государства»⁸² и «Расширение русского государства и превращение его в многонациональное»⁸³ и др.

К концу 1930-х гг. окончательно закрепляется комплекс понятий для описания политической системы в русских землях периода централизации. Примечателен обмен мнениями, произошедший в апреле 1939 г. в Институте истории АН СССР на

---

⁷⁶ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 536. Л. 9.

⁷⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 535. Л. 12.

⁷⁸ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С. 37-46.

⁷⁹ Там же. С. 34.

⁸⁰ Известия государственной академии истории материальной культуры. Вып. 72. М.; Л., 1934. С. 89.

⁸¹ Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Изд. 2-е. М., 1941.

⁸² Базилевич К.В. Лекция 11. Образование русского национального государства. Стенограмма лекции, прочитанной 20 декабря 1939 г. М., 1940.

⁸³ Базилевич К.В. Лекции 12 и 13. Расширение русского государства и превращение его в многонациональное. Стенограмма лекций, прочитанных 21 и 27 декабря 1939 г. М., 1940.

заседании сектора истории СССР до XIX в. На нём С.В. Бахрушиным был поднят вопрос о понятиях «Московское государство» и «Русское государство» с точки зрения возможности их применения к явлениям указанного времени. Учёный полагал, что «решить нужно с точки зрения той терминологии, которая тогда была принята»⁸⁴. Он предостерегал от использования характеристики «русское» в отношении государства Ивана III, поскольку последнее являлось по составу великорусским. В то время как «под Русью разумели все владения, населённые не только великорусским народом, но и украинским, и белорусским»⁸⁵. Однако проблема этим не исчерпывалась. С.В. Бахрушин указывал, что со второй половины XVI в. русское государство превращается в многонациональное государство. «Как это связать одно с другим, я не знаю, – признавался исследователь. – Если возьмём выражение “Московское государство”, этот вопрос снимается»⁸⁶. По итогу обсуждения дилемма была разрешена, что констатировал председательствующий В. И. Лебедев: «можно так сформулировать, что для Ивана III и Василия III можно говорить о Русском государстве, для XVI ст. – о Многонациональном, а для XVII ст. – о Московском государстве»⁸⁷.

Таким образом, к началу 1940-х гг. сложилась основа понятийного аппарата, который в дальнейшем широко использовался в научных и учебно-методических публикациях. В последующие годы он претерпел уточнения, нашедшие отражение в названии монографий, статей и тематических разделов учебников.

Внимание к проблеме централизации не было случайным. Советская наука развивалась в русле положений формационной теории, на основе идей исторического материализма, воплощённых в марксистско-ленинском учении. Тема

---

⁸⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 210. Л. 169.

⁸⁵ Там же. Л. 169 об.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. Л. 171.

государственного строительства занимала важное место в системе марксистских воззрений на закономерности исторического развития общества.

Система политических институтов, образующих государственный аппарат, рассматривалась отечественными учёными как одна из важнейших составляющих конкретной общественной формации, в данном случае – феодальной. Развитие феодальных отношений в русских землях стало предметом изучения ряда советских историков⁸⁸. Исследователи стремились переосмыслить прошлое стран и народов с позиций формационной динамики. Результатом явилась публикация трудов, авторы которых предпринимали попытки теоретического обоснования феодальной сущности разных исторических обществ Евразии⁸⁹. Кроме подчёркивания типологической схожести данных обществ с обществами Западной Европы, исследователи стремились раскрыть черты местного своеобразия в историческом процессе. В обосновании специфики феодализма на Руси особая роль принадлежит академику Б.Д. Грекову⁹⁰.

До большевистской перестройки в науке концепция русского феодализма была одной из ряда концепций, соперничавших в исторической науке. На рубеже XIX-XX вв. она была обстоятельно изложена в трудах Н.П. Павлова-Сильванского, и тогда не получила единодушной поддержки в научном сообществе⁹¹. Однако после

---

⁸⁸ Пригожин А.Г. О некоторых своеобразиях русского феодализма // Греков Б.Д. Очерки по истории феодализма в России. М.; Л., 1934. С. 1-24.; Вознесенский С. Об одной новой теории генезиса русского феодализма // Исторический сборник. Т 2. Л., 1934. 309 с.; Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.

⁸⁹ Киселев С.В. Разложение рода и феодализм на Енисее. Л., 1933. 34 с.; Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. 223 с.; Вишневский В.А. Феодализм в Крымском ханстве. М., 1930. 26 с.; Мартынов М.Н. Удмурты (вотяки) в эпоху раннего феодализма // Исторический сборник. Т. 1. Л., 1934. С. 49-87. и др.

⁹⁰ Греков Б.Д. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне X-XVI вв. М.; Л., 1934. 160 с.; Греков Б.Д. Проблема генезиса феодализма в России // Исторический сборник. Т. 1. Л., 1934. С. 25-47.; Греков Б.Д. Рабство и феодализм в Древней Руси. Доклад. М.; Л., 1934.

⁹¹ Греков Б.Д. Н.П. Павлов-Сильванский о феодализме в России // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 578-581.

1917 г. с усилением догматизма в науке и укреплении марксистско-ленинской аксиоматики работы учёного о типологической схожести явлений русского и западноевропейского прошлого были подняты на новую высоту. М.Н. Покровский в предисловии к посмертному переизданию монографии Н.П. Павлова-Сильванского отмечал, что Россия и Западная Европа в феодальную эпоху двигались по одному пути, а значит то, «что “приказало долго жить” там, не воскреснет на несколько градусов долготы восточнее»⁹². Своеобразие исторического процесса на Руси учёный признавал лишь в более скором темпе развития⁹³.

Как современники первых шагов советской науки, так и позднейшие исследователи отмечали напористое стремление историков-марксистов к масштабной переделке ведущих принципов исторического знания в духе исторического материализма. Это с необходимостью рождало требование пересмотреть выводы по всем ключевым вопросам, в том числе, касавшему государственного строительства. Вследствие этого проблема становления Русского централизованного государства обрела новое звучание и новую актуальность. Её разработка в 1930–1950-х гг. неразрывно связана как с построением теории русского феодализма, так и с созданием советской моноконцепции отечественной истории в целом.

Проблема генезиса Русского государства становилась узловой составляющей в теоретическом освоении учёными марксистской научной парадигмы применительно к реалиям отечественной истории. Складывание феодальных отношений и их последующая эволюция определялись, по мысли марксистов, действием главнейшего фактора – развития производительных сил общества и производных от него классовых противоречий. Формирующаяся система классовых отношений с необходимостью должна была носить антагонистический характер и держаться

---

⁹² Покровский М.Н. Предисловие к книге Н.П. Павлова-Сильванского «Феодализм в древней Руси» // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 577.

⁹³ Там же.

силой принуждения, основанного на мерах феодально-крепостнической эксплуатации. В свою очередь, устойчивость этой социальной конструкции обеспечивалась аппаратом государственного принуждения. Таким образом, именно государство рассматривалось учёными как определяющая структура в координатах исторического бытия народа.

Об особой роли государства в развитии феодальных отношений утверждал крупный исследователь государства и права С.В. Юшков. В частности, он указывал на «особый характер феодальной эксплуатации»⁹⁴ как основанной на внеэкономическом принуждении. В этих условиях именно государство было призвано выступать главным орудием классового принуждения в руках господствующего класса, занимая место ключевого звена в системе обеспечения производственных отношений в русском обществе. Той же мысли придерживался Л.В. Черепнин, полагавший, что важной научной задачей, стоявшей перед советскими историками, было изучение истории государства как активной силы в развитии феодального общества⁹⁵.

Советская наука, руководимая идеями классовости как стержневого принципа диалектического понимания истории, в корне переосмыслила исследовательские подходы «дворянско-буржуазной» историографии. Рассмотрение конкретных вопросов отныне требовало привязки к формационному контексту. Этим достигалась системность и концептуальное единство научных исследований. Так проблема создания русского централизованного государства оказалась органично вписана в проблемное поле феодально-крепостнических отношений. Их изучение сделалось особенно востребованным с 1920-х гг. По мысли И.И. Смирнова, исследование крепостничества на марксистской основе более не являлось изучением частных его проявлений, а делалось изучением «общественного строя древней Руси

---

⁹⁴ Юшков С.В. К проблеме образования феодального государства. М., 1948. С. 72.

⁹⁵ Черепнин Л.В. Основные этапы развития капитализма в России. М., 1955. С. 10.

как строя крепостнического, феодального»⁹⁶. Таким образом, вопрос о становлении и развитии централизованной державы в советской историографии сталинского периода приобрёл новое теоретическое измерение и новый смысл. При таком осмыслении государство превращалось в зеркало классовых отношений, занимавших определяющее место в марксистско-ленинской картине исторических представлений.

В 1949 г. печатный орган АН СССР, журнал «Вопросы истории», определял вопрос об образовании русского централизованного государства как кардинальный⁹⁷. На его решение были направлены творческие усилия ряда отечественных историков, в числе которых: К.В. Базилевич, В.В. Мавродин, С.В. Бахрушин, Л.В. Черепнин, И.И. Смирнов, С.В. Юшков и др. Ряд историков косвенно обращались к теме централизованного государства, в своих изысканиях сосредоточиваясь на частных сторонах этого процесса: хозяйственно-экономической⁹⁸, правовой⁹⁹, идеологической¹⁰⁰, этнически-национальной¹⁰¹, внешнеполитической¹⁰², государственно-управленческой¹⁰³.

Проблема разработки научной теории централизованного государства не единожды артикулировалась представителями сообщества историков. К этой цели

---

⁹⁶ Смирнов И.И. Проблемы крепостничества и феодализма в современной исторической науке / Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.; Л., 1942. С. 94.

⁹⁷ Основные задачи в изучении истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 9.

⁹⁸ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV–XVII вв. М., 1954.

⁹⁹ Денисов А.И. Основы марксистско-ленинской теории государства и права. Курс лекций, прочитанный в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1948.; Юшков С.В. Учебное пособие по истории государства и права. Вып. V–VI. М.; Л., 1946.

¹⁰⁰ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947.; Лихачев Д.С. Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М.; Л., 1945.

¹⁰¹ Мавродин В.В. Формирование русской нации. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 7 июля 1947 года в Ленинграде. Л., 1947.

¹⁰² Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952.

¹⁰³ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

учёные шли на протяжении нескольких десятилетий. В 1920-е гг. к теме образования централизованной державы обращался ряд исследователей, среди которых особое место занимает М.Н. Покровский. По его инициативе было создано Общество историков-марксистов с целью «объединения всех марксистов, занимающихся научной работой в области истории»¹⁰⁴. В 1920–1923 гг. вышли в свет три части труда М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке». В ней он, по заключению Л.В. Черепнина, попытался, «исходя из марксистского учения о формациях, раскрыть закономерность исторического процесса, показать взаимодействие базиса и надстройки»¹⁰⁵.

Прижизненные оценки научной деятельности М.Н. Покровского носили зачастую восторженный характер¹⁰⁶. Его подход к решению важнейших вопросов отечественной истории имел огромное влияние в научном сообществе 1920-х – начала 1930-х гг. Во многом это объяснимо методологическими новациями учёного, предпринявшего пересмотр сложившихся историографических представлений в духе стремительно набиравшей вес марксистской парадигмы. Однако уже впоследствии конкретные результаты его изысканий были подвергнуты беспощадной критике.

В указанный период проблема складывания централизованного государства не была ещё выдвинута на ведущие позиции. В 1921 г. был создан Институт истории, включавший секцию русской истории. Последняя в числе основных задач имела разработку следующих вопросов: вотчинное хозяйство и крепостное право, история торговли и промышленности с XVII по XX вв., история внешней политики XVIII–XIX вв., история революционных движений¹⁰⁷. Как видно, сюжеты, связанные с образованием великорусской державы, не входили в число приоритетных.

---

¹⁰⁴ Устав Общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 320.

¹⁰⁵ Черепнин Л.В. М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Очерки исторической науки в СССР. М., 1966. С. 186.

¹⁰⁶ Тихонов В.В. Историческая наука в 1920-е годы: историографические заметки // Вестник ЧелГУ. № 30 (321). 2013. С. 102.

¹⁰⁷ Мороховец Е. Хроника. Институт истории // Историк-марксист. 1927. № 5. С. 276.

Со второй половины 1930-х до середины 1950-х гг. разворачивается новый период научного освоения ключевых проблем отечественной истории, в том числе – проблемы политической централизации русских земель. Начало этому процессу положили инициативы партии и правительства по активизации работы в сфере исторического обучения. Восстановление к середине 1930-х гг. полноценного курса истории в советской школе потребовало создания цельной системы представлений об историческом процессе, основанной на теоретических постулатах марксизма-ленинизма. Знаменитое постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) 1934 г.¹⁰⁸ стало своего рода точкой отсчёта в этом процессе, послужив мобилизации сил учёных для разработки советской моноконцепции отечественной истории. Её неотъемлемой частью должна была стать теория становления централизованного государства.

В указанное время происходит окончательное утверждение марксистского метода в исторической науке, связанное с творческим освоением историками идей исторического материализма. Формируется своеобразная историографическая ситуация, предопределившая направления научного поиска и характер получаемых выводов. Утверждается комплекс основоположных теоретических представлений, вокруг которых происходит консолидация ведущих исследователей. В это же время проявляются вопросы, вызывающие принципиальные разногласия; разворачиваются дискуссии в печати.

Важной вехой в развитии названных процессов стали события первой половины 1950-х гг. Это время ознаменовалось рядом крупных социально-культурных изменений. С одной стороны, это кончина И.В. Сталина и последовавший пересмотр некоторых краеугольных положений, устоявшихся в исторической науке за предшествующие десятилетия. С другой стороны, на указанный период пришлось завершение крупной работы советских историков,

---

¹⁰⁸ Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г. // К изучению истории. М., 1937. С. 18.

связанной с подготовкой большого обобщающего труда по отечественной истории, напечатанного в виде многотомного изданного «Очерки истории СССР» (1955). В двух его книгах¹⁰⁹ были обстоятельно изложены воззрения ведущих учёных на проблемы становления русского централизованного государства. Данные коллективные монографии подводили итог продолжительных трудов отечественных медиевистов, содержали системное изложение научных достижений в области решения конкретных исследовательских задач¹¹⁰.

За три с половиной десятилетия советская историческая наука прошла сложный путь становления. В полной мере это проявилось в том, как на протяжении данного периода решался вопрос о возникновении русского централизованного государства. Изучение этого процесса не может быть оторвано от политического контекста эпохи. Работа историка всегда в явной либо скрытой форме отражает идейные установки, которыми он руководствуется в подходе к решению исследовательских проблем. В условиях же советской действительности идейная составляющая играла особую роль и потому требует специального внимания. Политическое руководство нуждалось как в обосновании нового социалистического порядка, так и в подчинении научных представлений о государстве марксистской фундаментальной теории. В условиях однопартийной диктатуры большевиков неизбежная политизация коснулась всех отраслей отечественной науки, не исключая отрасль историческую. В 1937 г. А.В. Шестаков, выступая с докладом в Институте Истории, подчеркнул политическую значимость исторического воспитания масс и призвал содействовать в этом партии и государству для решения насущных задач коммунистического строительства¹¹¹.

---

¹⁰⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV. В 2-х ч. Ч. II. (XIV–XV вв.). М., 1953; Очерки истории СССР. Период феодализма (конец XV в. – начало XVII в.). М., 1955.

¹¹⁰ Дебров Л.А., Бурдей Г.Д. «Очерки истории СССР». Период феодализма // Вопросы истории. 1955. № 12. С. 152-158.; Копанев А.И., Маньков А.Г., Носов Н.Е., Строева Л.В. Новый труд по истории феодализма // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 122-128.

¹¹¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 162. Л. 2.

В новых условиях исторические изыскания осуществлялись в прямой и косвенной связи с трудами юристов-теоретиков. Начиная с 1920-х гг. советские правоведы деятельно разрабатывали теоретические основы социалистического государства и государственного строительства в целом¹¹². С их подачи в научную повестку прочно входили представления о централизованном государстве, и закреплялся соответствующий понятийный аппарат. Тема государственной централизации заняла значимое место в отечественной историографии. С нею связывался комплекс идей и задач политического и воспитательного характера, диктовавшихся вызовами времени, как их понимало политическое руководство страны. Научно-исследовательская деятельность тесно сообщалась с марксистскими воззрениями на внутреннюю логику и направленность исторического процесса. Изыскания советских историков перекликались с посылами, исходившими от высшего политического круга, в частности, от самого И.В. Сталина. Последний, будучи безусловным сторонником сильной централизованной государственности, настойчиво продвигал идею об исторической неизбежности и закономерности такого рода процессов. Им были намечены ориентиры в трактовке своеобразия политической централизации на Руси, принятые отечественными историками 1930-х – начала 1950-х гг. как руководящие указания в научной работе.

Впервые в законченной форме И.В. Сталин изложил свои представления об историческом значении государственного строительства в докладе «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», сделанном им на X съезде РКП(б) в 1921 г. и в тезисах к нему¹¹³. Им проводилась мысль о взаимосвязанности процессов созидания государства и национально-культурного развития народов. И.В. Сталин особо подчёркнул это в рассуждениях о политике царизма по отношению к нерусским народам, проявлявшейся в консервации их культурно-политической

---

¹¹² Берман Л.Я. Основные вопросы теории пролетарского государства. М., 1925. 148 с.

¹¹³ Сталин И.В. Сочинения Т. 5. М., 1947.

отсталости и агрессивной русификации¹¹⁴. Позднее советский руководитель не единожды обращался к данной проблематике. Ярким примером того стало его выступление в 1947 г. по случаю торжеств в честь 800-летия Москвы. Подчеркнув особую заслугу столицы в деле объединения Руси, И.В. Сталин отметил, что никакая страна не в силах обеспечить независимость и хозяйственное процветание, не освободившись от феодальной раздробленности. Лишь объединившись в «единое централизованное государство», она получает возможность «серьезного культурно-хозяйственного роста» и утверждения независимости¹¹⁵.

На протяжении 1920-х гг. И.В. Сталин не рассматривался в академических кругах как авторитетный теоретик¹¹⁶. Положение поменялось в 1930-е гг., когда советского вождя начали превозносить как выдающегося знатока политэкономии, философии, истории и иных наук¹¹⁷. С этого времени его выступления приобретают догматическое значение, безоговорочно кладутся историками в основу своей работы.

Установки и послы, возникавшие в поле политического дискурса, играли зачастую решающую роль в решении конкретных историографических проблем. Это справедливо и для научного освоения проблемы централизации русских земель. Вместе с тем теоретические воззрения на исторический процесс развивались в логике академической дискуссии, содержание которой отнюдь не исчерпывалось доктринальными установками партийных идеологов. Догматы марксистско-ленинского учения, достроенные тезисами И.В. Сталина, служили структурной рамкой научной полемики, но отнюдь не подменяли её содержания.

В течение 1930-х – начале 1950-х гг. растущий интерес к истории становления великорусского государства воплотился в изменении структуры и содержания главного союзного энциклопедического издания – Большой Советской

---

¹¹⁴ Там же. С. 24.

¹¹⁵ Сталин И.В. Приветствие Москве // Сочинения. Т. 16. М., 1997. С. 60.

¹¹⁶ Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 62-154.

¹¹⁷ Янкелевич К.А. Как закалялся сталинизм // Россия XXI век. 2011. № 2. С. 136.

Энциклопедии. Так, во 2-м издании БСЭ (выпускалось с 1949 г.) встречаются материалы, которые либо отсутствовали в 1-м издании (1926–1947), либо имелись, но были переработаны. Например, в 37-м томе 2-го издания (1955) появилась статья «Русское централизованное государство»¹¹⁸, специально посвящённая становлению и особенностям политического строя России в XV–XVI вв. 1-е издание БСЭ (Т. 49, 1941) содержало статью «Россия»¹¹⁹ за авторством Л.Н. Бычкова. Она, видимо, и была преобразована (а вернее – заменена) для нового издания в связи с усилением тенденций к акцентированию идеи сильного государства и возвеличиванию его создателей. В приведённом примере, впрочем, речь идёт о переменах преимущественно формального характера. Уже в первой редакции понятие «Россия» было дано следующее определение: «русское национальное государство, по условиям своего развития скоро превратившееся в многонациональное»¹²⁰. Другой пример даёт статья, посвящённая РСФСР¹²¹ и также претерпевшая изменения. В новой редакции она дополнилась пространным историческим очерком, включавшим освещение событий, связанных с объединением русских земель вокруг Москвы и созданием державы (данную часть подготовил В.В. Мавродин)¹²².

Отдельного внимания заслуживает отражение проблемы централизации в учебной литературе изучаемого периода. Задача построить концепцию отечественной истории на идейно-методологических основаниях марксизма была поставлена И.В. Сталиным на рубеже 1930-х годов¹²³. В дальнейшем эта проблема вновь поднималась на высшем государственном уровне в ходе организационных мероприятий по подготовке нового школьного учебника по истории СССР¹²⁴. С

---

¹¹⁸ БСЭ. Изд. 2-е. Т. 37. М., 1955. С. 456-457.

¹¹⁹ БСЭ. Т. 49. М., 1941. С. 441-447.

¹²⁰ Там же. С. 441.

¹²¹ БСЭ. Т. 49. М., 1941. С. 174-432.

¹²² БСЭ. Изд. 2-е. Т. 37. М., 1955. С. 20-226.

¹²³ Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории. С. 302.

¹²⁴ К изучению истории. Сборник. М., 1937. С. 18.

середины 1930-х гг. партийно-государственное руководство берёт курс на восстановление полноценного преподавания гражданской истории. В первое десятилетие становления социалистической государственности история как самостоятельный предмет практически исчезла из программы школьного обучения. Решающее влияние на проведение такой линии в образовании оказал М.Н. Покровский, трудившийся в должности заместителя наркома просвещения РСФСР. Несмотря на настойчивое сопротивление учительского сообщества, школьное преподавание истории фактически зачахло до начала 1930-х гг.¹²⁵

Перелом намечился с появлением ряда Постановлений Совнаркома и ЦК ВКП(б), среди которых: «Об учебниках в начальной и средней школе» от 12 февраля 1933 г.¹²⁶ и «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г.¹²⁷ Они подтолкнули развитие научно-исследовательской и методической активности историков. Середина 1930-х гг. ознаменовалась работой по подготовке школьного учебника истории СССР, в ходе которой марксистские трактовки прошлого системно оформились в советскую моноконцепцию отечественной истории. В компактном виде она впервые воплотилась в тексте подготовленных учебниках и пособиях. Данные источники отразили согласованную позицию научного сообщества и политического руководства СССР. Во-первых, учебно-методические материалы явились концентрированным воплощением актуальных оценок и выводов по ключевым вопросам, полученных исторической наукой. (В дальнейшем отдельные положения учебников уточнялись и корректировались сообразно изменениям в идейных установках и воззрениях научного сообщества). Содержание и структура образовательных программ отражали общее состояние научного знания. По замечанию А.Н. Фукса, «учебник выступает первоисточником

---

¹²⁵ Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930 – 1950-е гг.). М., 2017. С. 140-141.

¹²⁶ Директивы ВКП(б) и Постановления Советского правительства о народном образовании. Сб. док. за 1917-1947 гг. Вып. 1. М., 1947. С. 167-168.

¹²⁷ К изучению истории. Сборник. М., 1937. С. 18.

для изучения концепции русской истории некоторых учёных. Историографическое значение школьного учебника может заключаться также и в том, что он даёт дополнительный материал для изучения авторской концепции. Учебник концентрированно, как бы в миниатюре даёт представление о взглядах историка сразу на комплекс проблем»¹²⁸.

Во-вторых, в учебной литературе и материалах предельно чётко были выражены начала исторического материализма, партийности, классовости, советского патриотизма и т.д. Так, программа истории СССР до XIX в. для вузов содержала пункты: значение краткого курса истории ВКП(б) под редакцией ЦК ВКП(б) для изучения истории СССР; марксистско-ленинское учение об объективности и партийности исторической науки¹²⁹. По утверждению А.М. Панкратовой, «преподавание истории имеет твёрдый большевистский компас – директивы и указания вождя партии товарища Сталина»¹³⁰. Таким образом, анализ учебной литературы рассматриваемого периода позволяет лучше понять степень и характер влияния позиции партийного руководства на содержание формирующейся теории централизованного государства.

Итак, марксистская теория возникновения централизованного государства ранее всего была сформулирована разработчиками учебников по истории СССР. В государственном конкурсе по составлению учебника участвовали несколько десятков авторских коллективов. Одобрение Всесоюзной Правительственной Комиссии в 1937 г. получил конспект учебника отечественной истории, подготовленный группой А.В. Шестакова для начальной школы¹³¹.

Вопрос об образовании централизованного государства предполагался к изучению и в средней школе. Потому для нашего исследования важен учебник для

¹²⁸ Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории. С. 23.

¹²⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 174. Л. 1.

¹³⁰ Панкратова А. За большевистское преподавание истории // Большевик. 1934. № 23. С. 51.

¹³¹ Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937.

8-го класса под редакцией А.М. Панкратовой (с древнейших времён до XVII в.)¹³². Его написание стало заметной вехой в развитии школьного образования. Готовый учебник был подан в Наркомпрос в августе 1938 г. и вышел из печати в 1940 г.¹³³. В нём содержались разделы, специально посвящённые теме образования русского централизованного государства.

В то же время велась работа над вузовскими учебниками по истории. В 1939 г. увидел свет учебник «История СССР» для исторических факультетов, написанный группой в составе В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова и С.В. Бахрушина¹³⁴. Он был подготовлен «в рекордно короткий срок в 3–4 месяца». Это объяснялось «исключительно квалифицированным составом бригады»¹³⁵. Двумя годами позже был создан учебник истории СССР для неисторических факультетов под редакцией В.И. Пичета, М.Н. Тихомирова и А.В. Шестакова¹³⁶.

Подготовка учебников находилась под партийным контролем. Доклад о выполненной работе учёный секретарь Института истории А.Л. Сидоров представил общему партийному собранию. Последнее, дав положительную оценку труду историков, отметило особое внимание партийно-государственных органов к созданию учебников, где должно быть «взвешено каждое слово и каждое определение»¹³⁷. Партийные цензоры требовали редакционного отчёта по каждому подаваемому в печать учебнику¹³⁸. Таким образом, создание теории русского централизованного государства осуществлялось в условиях тесной смычки науки и партийно-государственного аппарата.

---

¹³² История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1940.

¹³³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 185. Л. 12.

¹³⁴ История СССР. Т. 1. С древнейших времён до конца XVIII в. / Под ред. В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939.

¹³⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 185. Л. 1.

¹³⁶ История СССР. Т. 1. / Под ред. В.И. Пичета, М.Н. Тихомирова, А.В. Шестакова. М., 1941.

¹³⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 185. Л. 14.

¹³⁸ Там же. Л. 15.

Проект учебника, подготовленный группой профессора А.В. Шестакова, стал формально первым примером целостного изложения отечественной истории после развернувшейся критики наследия М.Н. Покровского. По словам А.М. Панкратовой, данный труд «знаменовал начало нового этапа в развитии исторической науки в СССР»¹³⁹. Учебник был разработан по прямому указанию политического руководства СССР и лично И.В. Сталина. Замечания последнего¹⁴⁰ были приняты авторами как «руководящие, директивные указания»¹⁴¹. Этот коллективный труд стал прологом к созданию советской моноконцепции отечественной истории. В 1937 г. А.В. Шестаков отмечал, что вопросы, решавшиеся авторами учебника, в значительной мере сопряжены с задачами, стоящими перед советской исторической наукой в целом¹⁴². Одной из таких задач стало создание системы научных представлений о складывании единого русского государства. Этому вопросу было уделено особое внимание в учебнике для младшего возраста. Авторы представили процесс централизации разделённым на две ступени, отразив это в названиях соответствующих глав: «Создание русского национального государства» и «Расширение русского государства»¹⁴³. Подобная структура была воспроизведена и в других учебниках. Так, в учебнике А.М. Панкратовой (1940) были выделены главы: «Создание русского национального государства» и «Расширение русского государства и превращение его в многонациональное государство»¹⁴⁴.

Вопросы политической централизации рассматривались также в вузовском учебнике для исторических факультетов (1939). Соответствующий раздел получил

---

¹³⁹ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 41. Л. 10.

¹⁴⁰ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. М., 1937. С. 22-24.

¹⁴¹ Шестаков А.В. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 86.

¹⁴² Там же. С. 85.

¹⁴³ Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 33-42.

¹⁴⁴ История СССР. Часть I. Учебник для 8 класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1940.

название: «Феодальное абсолютистское государство» и состоял из трёх глав. Две из них, посвящённые государству при Иване III и Василии III, написал К.В. Базилевич; а третью, повествующую о правлении Ивана IV, подготовил С.В. Бахрушин¹⁴⁵. Предложенная авторами схема процесса централизации в целом сохранила свою актуальность в последующие годы. Хотя некоторые выводы и оценки подверглись пересмотру либо уточнению в свете дальнейших исследований.

Таким образом, не только в науке, но и в общественном сознании (через систему образования) закреплялось представление об особом периоде отечественной истории. Главнейшим его содержанием стало формирование «феодального многонационального государства» в конце XV – начале XVI вв. и последующее укрепление его коренных начал (аппарат управления, крепостническая эксплуатация и т.д.) вплоть до начала «нового периода российской истории» в XVII столетии¹⁴⁶. На академическом уровне была активизирована работа по созданию теории складывания централизованного государства, которая отвечала бы марксистскому пониманию процесса общественного развития и отражала бы его внутреннее своеобразие в России. Решение данной задачи было логически подчинено достижению цели создания советской моноконцепции отечественной истории.

А.Н. Фукс указывает, что научная модель исторической концепции включает три опорных составляющие, а именно: 1) политическую позицию; 2) методологию; 3) решение центральных проблем. Важно, что «суть концепции не может быть понята вне анализа её теоретико-методологических и политических основ»¹⁴⁷. Отсюда следует, что современное научное исследование вопроса о формировании теории централизованного государства в отечественной историографии 1930-х –

---

¹⁴⁵ История СССР с древнейших времён до конца XVIII в. / Под ред. В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина. М., 1939.

¹⁴⁶ Сахаров А.М. Русское централизованное государство // БСЭ. 2-е изд. Т. 37. М., 1955. С. 456.

¹⁴⁷ Фукс А.Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и её отражение в школьном учебнике А.В. Шестакова // Вестник МГОУ. 2009. № 2. С. 104-105.

начала 1950-х гг. требует внимательного учёта как теоретико-методологической, так и идейно-политической составляющих в работе учёных-медиевистов.

Исследуемая эпоха примечательна в социально-культурном измерении. Своеобразие советской системы проявилась в мощном стремлении к унификации различных областей общественной жизни, в том числе – сферы научного творчества. Последняя была в значительной мере поставлена под государственный контроль и в логике своего развития подчинена идейно-политическим императивам, исходившим от высшего партийно-государственного руководства. А.М. Дубровский полагает, что кадры, «которые давали директивы исторической науке, в образовательном, мировоззренческом и психологическом отношении были готовы лишь к полному подчинению этой науки политико-идеологическим требованиям, вытекающим из сложившейся политической ситуации»¹⁴⁸.

Предпосылки к созданию новой исторической концепции наметились ещё в 1920-е годы. Такие историки как М.Н. Покровский, С.Ф. Платонов, Ю.В. Готье, А.Е. Пресняков и др. в своих изысканиях задали повестку о пересмотре ряда опорных положений дореволюционной историографии. Предметом пристального внимания стал и вопрос о создании великорусского государства. Это происходило в условиях усиления партийно-правительственного контроля над наукой, при возрастании роли идеологической составляющей в деятельности академического сообщества. В такой обстановке историк нёс двойную ответственность за публикуемые выводы: ему надлежало не только придерживаться профессиональных стандартов, но и соответствовать господствующим идеологическим установлениям. На период 1930-х – начала 1950-х гг. пришлось несколько крупных идеологических и пропагандистских кампаний, так или иначе отразившихся на историографической ситуации. Это, прежде всего, развернувшаяся во 2-й половине 1930-х гг. кампания по борьбе с «извращениями» в исторической науке, допущенными «школой

---

¹⁴⁸ Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930-1950-е гг.). М., 2017. С. 87.

М.Н. Покровского». Другая кампания была приурочена к борьбе с «буржуазным объективизмом»¹⁴⁹ в науке (1948-1949). На то же время пришлась борьба с космополитизмом, затронувшая сообщество историков¹⁵⁰. По наблюдению В.В. Тихонова, идеологические кампании и дискуссии стали «важнейшим содержанием духовной жизни послевоенного советского общества»¹⁵¹.

Историографическая ситуация 1920-х – начала 1930-х гг. складывалась на фоне общественно-политических процессов, отмеченных усилением борьбы государства с, как считалось, чуждыми социалистическому строю элементами. Это вылилось в ряд крупных судебных процессов, в т.ч. «Академическое дело». Некоторые исследователи¹⁵² полагают, что последнее спровоцировали (вольно или невольно) историки-марксисты для борьбы с конкурентами, т.е. историками «старой школы», чьи взгляды приходили в противоречие с воззрениями М.Н. Покровского, влиятельного организатора гуманитарной науки.¹⁵³ Сам учёный весной 1929 г. решительно поддержал политизацию академической сферы и выступил резким противником «мирного сожительства» с буржуазной наукой¹⁵⁴. В должности заместителя наркома просвещения РСФСР М.Н. Покровский располагал обширными административными возможностями воздействия на историческую науку. Впрочем, сравнительно скоро опале подверглась и его школа: 2-я половина 1930-х гг. стала своего рода реваншем историков, претерпевших гонения в предшествующие годы.

---

¹⁴⁹ Тихонов В.В. Борьба с «Буржуазным объективизмом» в советской исторической науке: С.Б. Веселовский и его книга «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2(52). С. 104-113.

¹⁵⁰ Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб, 2016.

¹⁵¹ Тихонов В.В. Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х – начала 1950-х годов: диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2018. С. 6.

¹⁵² Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117-129.

¹⁵³ Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.; СПб., 2012. С. 251-252.

¹⁵⁴ Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С.208.

Конец 1920-х гг. стал временем окончательного огосударствления академической науки. Перемены были сопряжены с изгнанием альтернативных, немарксистских, воззрений из учёной среды¹⁵⁵. Новое понимание истории отражало коренные сдвиги, произошедшие в научно-исследовательской деятельности и в партийно-государственной идеологии. Характерными чертами историографической ситуации данной эпохи являются: высокая степень доктринальности и повышенная идеологизация научной работы, жёсткая самоцензура историков, резкое сокращение внутринаучной демократии. Такое положение вещей угнетающе воздействовало на состояние науки, но отнюдь не отменяло возможностей её плодотворного развития. Исторические изыскания с конца 1930-х по начало 1950-х гг. значительно обогатили научные представления о прошлом источниковедческой, фактологической, теоретической областях. Бурное развитие наблюдается в области вспомогательных исторических дисциплин. Отдельные темы и сюжеты получили углубленную проработку, способствовавшую крупному приращению знаний в части экономической, политической, социальной и культурной истории России.

В научной литературе сталинского периода по-разному оценивались успехи исторической науки в теоретическом освоении вопроса о создании централизованного государства. В 1946 г. в передовой статье журнала «Вопросы истории» (№11-12, без авторства) указывалось на неудовлетворительное состояние проблемы, выраженное в разном суждений ведущих специалистов по ряду её ключевых сторон. В публикации отмечалось отсутствие научных монографий по проблематике в целом¹⁵⁶. Единственная крупная работа, изданная к тому времени, книга В.В. Мавродина «Образование русского национального государства», была определена как «имеющая научно-популярный характер»¹⁵⁷. В завершение

---

¹⁵⁵ Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории. С. 303.

¹⁵⁶ Об образовании централизованного русского государства (к итогам дискуссии) // Вопросы истории. 1946. № 11-12. С. 3.

¹⁵⁷ Там же.

сдержанно констатировалось, что советским учёным предстоит ещё много работать «над собой», чтобы в должной степени овладеть марксистско-ленинской теорией¹⁵⁸.

Действительно, теория централизованного государства в завершённом виде была представлена либо в учебниках, либо в публичных лекциях научно-популярного толка. С такими лекциями выступали, к примеру, К.В. Базилевич¹⁵⁹ и А.В. Шестаков¹⁶⁰. Также из печати вышли несколько статей по некоторым аспектам названной проблематики¹⁶¹. В ряде научных исследований решались частные проблемы общественно-политической и хозяйственной истории России. Некоторые коренные вопросы оставались дискуссионными и по-разному решались ведущими историками, что становилось поводом для острых дискуссий. Конкретные позиции в определённый период занимали господствующее положение в историографии, получая отражение в учебно-методической и справочной литературе.

Итак, с конца 1930-х гг. сообщество историков все более пристально сосредоточивается на проблеме образования централизованного государства. О некоторых достигнутых успехах сообщала отчётная статья в «Вопросах истории» от 1946 г.¹⁶². К середине 1950-х гг. обстановка на научно-исследовательском поле кардинально изменилась. Многолетняя исследовательская работа дала заметное продвижение в решении ряда ключевых вопросов. Выводы учёных были

---

¹⁵⁸ Там же. С. 11.

¹⁵⁹ Базилевич К.В. Лекция 11. Образование русского национального государства. Стенограмма лекции, прочитанной 20 декабря 1939 г. М., 1940.; Базилевич К.В. Лекции 12 и 13. Расширение русского государства и превращение его в многонациональное. Стенограмма лекций, прочитанных 21 и 27 декабря 1939 г. М., 1940.

¹⁶⁰ Шестаков А.В. Создание русского национального государства. Стенограмма лекции, прочитанной 16 окт. 1937 г. М., 1937.

¹⁶¹ Лихачёв Д.С. К вопросу о теории Русского государства в конце XV и в XVI в. // Исторический журнал. 1944. № 7-8. С. 31-38.; Базилевич К. К вопросу об исторических условиях образования Русского государства // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 26-44.; Смирнов И. О путях исследования Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 30-44.; Смирнов П. Образование Русского государства в XIV – XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2-3. С. 55-90.

¹⁶² Мандрыкина Л. Работа сектора истории СССР до XIX века Института истории Академии наук СССР в 1946 году // Вопросы истории. 1946. № 11-12. С. 172.

представлены в крупных научных трудах. В 1951 г. В.В. Мавродин выступил с монографией «Образование единого русского государства»¹⁶³. В 1952 г. увидела свет 1-я часть фундаментальной работы К.В. Базилевича «Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века)»¹⁶⁴, задуманная как всестороннее освещение комплекса вопросов о становлении русской державы¹⁶⁵. В 1952–1954 гг. состоялось посмертное издание собрания трудов С.В. Бахрушина, посвящённых исследованию хозяйственной и социально-политической сторон истории централизованного государства¹⁶⁶.

Большое значение для становления марксистской теории централизованного государства сыграли разыскания Б.Д. Грекова в области истории крестьянства, в частности, касавшиеся проблемы становления крепостнических отношений. В 1946 г. итоги работы историка были обобщены в труде «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.»¹⁶⁷, позже переизданного в виде двухтомника (1952–1954)¹⁶⁸. Тогда же (1952) вышел из печати 1-й том «Истории Москвы» под редакцией С.В. Бахрушина, А.А. Новосельского, А.А. Зимина и Н.В. Устюгова¹⁶⁹. В книге, по оценке Д.С. Лихачёва, была раскрыта роль Москвы «как основы и инициатора создания Русского централизованного государства»¹⁷⁰.

Наконец, в 1-й половине 1950-х гг. был издан коллективный труд «Очерки истории СССР» периода феодализма, 2-я часть которого (XIV-XV вв.) была

¹⁶³ Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951.

¹⁶⁴ Она же оказалась последней вследствие смерти учёного.

¹⁶⁵ Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952.

¹⁶⁶ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI – начала XVII вв. М.: АН СССР, 1952.; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV–XVII вв. М., 1954.

¹⁶⁷ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.; Л., 1946.

¹⁶⁸ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 1. М., 1952.; Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 2. М., 1954.

¹⁶⁹ История Москвы. Т. 1. Период феодализма XII-XVII вв. М., 1952.

¹⁷⁰ Лихачев Д.С. История Москвы // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 116.

специально посвящена образованию русского государства¹⁷¹. Авторы отмечали, что советские историки сумели прийти к верному пониманию процесса централизации русского государства, опираясь творческое применение марксистской методологии к изучению конкретного исторического материала¹⁷². В рецензии Л.А. Деброва и Г.Д. Бурдея, помещённой в 12-м номере «Вопросов истории» за 1955 г., указывалось, что авторы «Очерков» «проделали большую положительную работу», а сама книга была названа «ценным, полезным трудом, обобщающим достижения советской исторической науки»¹⁷³.

Таким образом, от середины 1940-х гг., когда руководством АН СССР была отмечена недостаточная проработанность коренных вопросов централизации русского государства, до середины 1950-х гг. учёными-медиевистами была проделана существенная работа, приведшая к кардинальным изменениям в состоянии научного знания. В указанный срок существенно возросла публикационная активность исследователей, состоялись крупные дискуссии, по ключевым вопросам складывания централизованного государства; были выпущены монографии: как обобщающего характера, так и сосредоточенные на отдельных сторонах сложного процесса государственного строительства в XV–XVI вв.

Поле соответствующих научных исследований вобрало в себя комплекс взаимосвязанных сюжетов. Некоторые из них получили основательное освещение ещё в дореволюционной историографии, а в советское время подверглись коренной переработке в согласии с теоретическими посылами марксистской методологии. Кроме того, советскими учёными были намечены и развиты новые направления научного поиска. Для периода 1930-х – начала 1950-х гг. можно выделить несколько узловых исследовательских вопросов. Их содержание в общем виде таково:

---

¹⁷¹ Очерки истории СССР. Период феодализма IX – XV вв. В 2-х ч. Ч. II. (XIV-XV вв.) / Под ред. Б.Д. Грекова. М., 1953.

¹⁷² Там же. С. 17.

¹⁷³ Дебров Л.А., Бурдей Г.Д. «Очерки истории СССР». Период феодализма // Вопросы истории. 1955. № 12. С. 158.

1) разработка периодизации процесса складывания централизованного государства в соответствии с положениями формационной теории;

2) выяснение причин и предпосылок объединения русских земель (внешних и внутренних обстоятельств); анализ и характеристика объективно действующих сил с учётом марксистского учения о базисе и надстройке;

3) исследование классовой борьбы как условия прогрессивного развития общества, её роли в процессе государственной централизации; установление основных классов и классовых групп, линий классового антагонизма внутри русского государства;

4) определение типологических черт общественно-политического строя централизованного государства, его формы правления;

5) раскрытие роли субъективного фактора в истории, оценка деятельности крупных исторических личностей, в особенности – правителей государства;

б) решение ряда частных проблем, логически и содержательно связанных с возникновением централизованного государства, таких как: отражение политических процессов и классовых противоречий в искусстве и литературе, формирование великорусской народности, её отношения с иными народами (тюркскими, финно-угорскими, прибалтийскими) в составе русского государства.

Примерно за четверть века отечественная историческая наука проделала путь от постановки научно-исследовательских задач до их разрешения (с различной степенью успешности). В становлении теории централизованного государства в указанный период можно выделить несколько этапов. Каждый из них связан со сдвигами в структуре актуальной научной проблематики, обновлением идейно-политических посылов, достижениями в изучении отдельных сторон исторического процесса, обогащением фактического и теоретического арсенала исторической науки. Выделим и охарактеризуем эти этапы. В качестве критериев нами использованы: 1) изменения в предметном поле; 2) интенсивность

исследовательской и публикационной деятельности; 3) степень разработанности ключевых проблем; 4) изменения в подходах к решению исследовательских задач.

1-й этап: середина – конец 1930-х гг. Его основными вехами являются: во-первых, появление организационных документов партийно-политического руководства; во-вторых, активная критика концепции М.Н. Покровского; в-третьих, успешное завершение работы над новыми учебниками по истории СССР. На данном этапе наметились контуры новой теории централизованного государства в рамках советской моноконцепции отечественной истории. Основные научные выводы по этой проблеме получили системное отражение в учебно-методической литературе. Переход к новой исследовательской парадигме ознаменовался программными выступлениями высших партийно-государственных деятелей и острыми дискуссиями внутри академического сообщества. Данный этап можно определить как время общей мобилизации творческих сил сообщества историков.

В конце 1930-х гг. Институтом истории АН СССР был намечен широкий фронт работ по созданию корпуса марксистской историографии русского централизованного государства. В планах на третью пятилетку (1938–1942) был намечен капитальный труд «История СССР» в 15-ти томах, четыре из которых предполагалось посвятить периоду русского средневековья. Руководство данным участком работы было поручено Б.Д. Грекову¹⁷⁴. Также планировалась подготовка «Краткой истории СССР с древнейших времён до Сталинской Конституции» для вузов, комвузов и техникумов (руководители Б.Д. Греков и А.В. Шестаков)¹⁷⁵. Помимо того было решено подготовить монографии по проблемам, прямо и косвенно связанным с образованием централизованного государства. Перечень был следующим: «Русский феодализм в XI–XV вв.» (С.В. Юшков); «Борьба русского народа против агрессии в Прибалтике в XII–XV вв.» (Н.П. Грацианский,

---

¹⁷⁴ АРАН. Ф. 1157. Оп. 5. Д. 138. Л. 1.

¹⁷⁵ Там же. Л. 2.

М.В. Джервис); «Татаро-монгольское иго и борьба русского народа с татарскими ханами» (А.Н. Насонов); «Образование Московского государства» (К.В. Базилевич); «Происхождение крепостного строя в Росси» (С.В. Юшков); «Иван Грозный и генезис русского самодержавия» (Смирнов И.И., Г.Л. Тейвель)¹⁷⁶.

Несмотря на то, что план по монографиям не был выполнен, обозначение направлений научной работы само по себе имело большое значение. Заявленная тематика определила поле исследований в дальнейшем, в 1940-е – начале 1950-х гг.

2-й этап приходится на начало – середину 1940-х гг. В это время историками велась активная работа над отдельными проблемами, связанными образованием централизованного государства. Указанные годы отмечены возросшим объёмом публикаций. Заметно возрастает интерес к проблеме личности в истории. Учёные и публицисты всё чаще обращаются к сюжетам, сопряжённым с деятельностью видных русских правителей, в особенности, Ивана III и Ивана IV. Делаются первые попытки комплексного освещения процесса централизации русского государства. Расширяется круг вопросов, связанных с данной темой. Внимание исследователей сосредоточивается на проблемах формирования русской народности, развития русской культуры, взаимоотношения народов в составе единого государства.

На данный период пришлись тяжёлые годы Великой отечественной войны, в связи с чем историческая наука приобрела выраженное идейно-патриотическое измерение. В теории централизованного государства выпукло проявилась идея о великом русском народе и его ведущей роли во всестороннем развитии иных народов в составе единого государства. Значимой вехой явилась методологическая дискуссия 1946 г. о причинах возникновения централизованного государства. Она, с одной стороны, выявила ряд вопросов, подлежащих тщательной научной проработке; с другой стороны, показала зрелость отечественной историографии в части марксистского понимания важнейших сторон заявленной проблематики.

---

¹⁷⁶ Там же. Л. 6.

Для рассматриваемого этапа характерно пристальное внимание со стороны сообщества историков к качеству научной работы, состоянию теоретической базы, степени проработанности конкретных проблем и освещению принципиально значимых вопросов. Данный этап может быть назван критическим. Он отмечен возросшей организованностью научного поиска, консолидацией научных позиций.

3-й этап (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) связан с доработкой и уточнениями теории централизованного государства, интенсивным научным обсуждением вопросов, касающихся данной проблематики. Особую значимость имела крупная академическая дискуссия о периодизации истории СССР. Заметно расширяется поле исходной проблематики. Глубокую проработку получают проблемы периодизации, генезиса феодализма в России, этнографии, развитие публицистики и др. Уточнённые и дополненные положения отражаются в новых редакциях учебников и энциклопедий. Выходят в свет капитальные монографии и сборники научных статей, системно освещающие вопросы общественно-политических отношений на Руси в XV–XVI вв. Активно ведётся работа над обобщающими фундаментальными изданиями. Так, в отчёте Отделения истории и философии АН СССР за 1948 г. упоминается многотомное издание по истории СССР, подготавливаемое Институтом Истории совместно с другими институтами с Его целью: обобщить достижения советской исторической науки и дать развёрнутое марксистское изложение отечественной истории¹⁷⁷. В 1953–1955 гг. силами АН СССР подготовлен двухтомный труд «Очерки истории СССР» периода феодализма, обобщивший результаты научно-исследовательской деятельности за два десятилетия и представивший в законченном систематизированном виде выводы ведущих исследователей феодального периода.

Таким образом, третий этап можно определить как завершающий в деле создания теории русского централизованного государства. На данном этапе

---

¹⁷⁷ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 93. Л. 12.

происходит пересмотр приоритетов в исследовательской работе Института истории АН СССР. Несмотря на сохранение актуальности изучения проблем феодализма, основные интеллектуальные и организационные ресурсы мобилизуются на новые направления. Так, среди «наиболее актуальных и насущных вопросов истории» в 1952 г. руководство Института назвало проблемы новой и новейшей истории капиталистических стран, историю советского общества¹⁷⁸. Особо подчёркивалась необходимость ликвидировать «белые пятна» в области истории стран народной демократии, Скандинавских стран и Америки¹⁷⁹. Проблемы русского средневековья в новой системе приоритетов заняли более скромное место, нежели прежде.

В ноябре 1953 г. Л.В. Черепнин выступил перед слушателями Академии общественных наук при ЦК КПСС с лекцией об образовании русского централизованного государства, в которой обобщил итоги трудов отечественных учёных в этой области. Лектор выделил семь теоретических вопросов, являвшихся, по его мнению, основными в исследовании проблемы централизации. Первый вопрос – о причинах перехода от феодальной раздробленности к централизованному государству. Второй – о социальной базе такого государства, и его политическом строе. Третий – о классовой сущности феодальной монархии и централизованного государства в целом. Четвёртый – о заинтересованности различных слоёв господствующего класса в образовании централизованного государства. Пятый – о прогрессивном характере становления централизованного государства. Шестой – о соответствии появления централизованного государства объективным интересам широких народных масс. Последний, седьмой вопрос – о периодизации процесса образования централизованного государства¹⁸⁰.

Данный перечень отражает основные направления исследовательской работы, которая велась историками с конца 1930-х по начало 1950-х гг. в рамках создания

---

¹⁷⁸ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 220. Л. 17.

¹⁷⁹ Там же. Л. 17-18.

¹⁸⁰ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 136. Л. 29–35.

теории централизованного государства. Указанные вопросы составляют смысловое ядро комплекса научных трудов за указанный период.

Подведём итог. Проблема создания русского централизованного государства занимала важнейшее положение в отечественной историографии 1930-х – начала 1950-х гг. Учёные в данный период проявляли единство в оценках значимости названной темы. Как отмечал Л.В. Черепнин, строительство единой державы было решением задачи «громадной исторической значимости – задачи сплочения русской народности в сильную политическую организацию, способную осуществить национальные цели во внешней политике»¹⁸¹. Это было обусловлено общим изменением тематических приоритетов исторической науки. В связи с перестройкой на марксистские рельсы, она вплотную приступила к изучению развития производительных сил общества и классовой борьбы. Принципиальную значимость обрели вопросы, касающиеся развития феодальных отношений. В этом контексте и была актуализирована проблема русского государства в XV–XVI вв. Его создание в рамках марксистской парадигмы понималось как структурное завершение процесса складывания феодально-крепостнических отношений. Таким образом, теория централизованного государства превращалась в важнейшее смысловое звено общей теории феодализма и шире – всей советской моноконцепции отечественной истории.

Историографическая ситуация в 1930-х гг. была такова, что деятельность учёного оказалась неотделима от системы идейно-политических постулатов, насаждавшихся советским государством. Сложилось новое отношение к историку и его работе: советизация науки требовала демонстрации партийности в научных трудах. Произошла смена приоритетов в работе историка, изменилось понимание целей и задач исторического исследования. Согласно положениям, декларируемым в научной периодике 1930-х гг., историческая наука в СССР не могла устраниваться от широкого фронта классовой борьбы, ведшейся пролетариатом за построение

---

¹⁸¹ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 132. Л. 19.

социализма¹⁸². Фактором, существенно влиявшим на научные изыскания, стали интенции И.В. Сталина. Тезисы его публичных выступлений обретали значение теоретических постулатов и в обязательном порядке брались на вооружение учёными. «Появление каждой работы товарища Сталина, – читаем в стенограмме заседания учёной сессии Отделения истории и философии АН СССР от 1951 г., – всегда служит толчком к новому подъёму в области ли хозяйственной, в области ли науки. Каждый новый труд товарища Сталина заставляет нас заново продумывать затронутые им проблемы и вопросы, с ними связанные. Товарищ Сталин выступает всегда тогда, когда видит, что помощь его необходима»¹⁸³.

Немалую роль в жизни академического сообщества играли механизмы внешнего административного воздействия. Во многом, именно они послужили идейной, этической и теоретической деформации научного сообщества, которое за два с лишним десятилетия сформировало и чётко отработало механизмы рецепции сигналов, поступавших от партийных структур. Однако это не погасило научную мысль, хотя определённо ограничило свободу научного творчества. На протяжении двух десятилетий советские историки активно трудились над созданием теории централизованного государства. Плодами их работы стали изданные к середине 1950-х гг. фундаментальные монографии, статьи, сборники коллективных трудов. По оценке М.Н. Тихомирова, учёными были заново поставлены и разрешены проблемы истории СССР феодального периода, по-новому освещены и объяснены вопросы, оставленные без внимания дворянско-буржуазной историографией¹⁸⁴. Именно так, «по-новому» была решена в историографии 1930-х – начала 1950-х гг. проблема возникновения русского централизованного государства.

---

¹⁸² Панкратова А. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР // Борьба классов. 1934. №2. С. 8.

¹⁸³ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 200. Л. 165.

¹⁸⁴ Обзор документальных материалов по истории СССР периода феодализма XI – XVI вв. / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1954. С. 3.

§2. Марксистская методология в контексте исследований русского централизованного государства

В параграфе исследуются теоретико-методологические основы создания теории русского централизованного государства в конце 1930-х – начале 1950-х гг. Задачи: рассмотреть основы марксистско-ленинской методологии; проследить процесс её формирования в указанный период; проанализировать особенности творческого освоения историками её ключевых положений; выявить влияние идейно-политического фактора на методологию исторических исследований.

Вопрос о методе встал перед сообществом историков сразу после революции, с началом складывания советской исторической науки в остром противоборстве с предшествующей историографией. Проблема метода занимала особое место в работе историков 1930-х – 1950-х гг. Один из «виднейших идеологов» эпохи¹⁸⁵ И.И. Минц, выступая в 1930 г. в Институте красной профессуры, отметил: «Историю, как, впрочем, и все науки, составляют не факты. Только тот метод, с помощью которого интерпретируются факты, и делает историю наукой»¹⁸⁶.

Революция 1917 г. не только вызвала структурную перестройку академической среды, она породила крутой излом всей научной парадигмы, особо сказавшийся в части общественно-гуманитарного знания. Торжество марксистско-ленинских идей в сфере государственного строительства нашло отражение также в сфере научного творчества. Потому исследование проблемы складывания централизованного государства в советской историографии 1930-х – начала 1950-х гг., неразрывно

---

¹⁸⁵ Торчинок В.А., Леонтьук А.М. Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. СПб., 2000. С. 27.

¹⁸⁶ Против механистических тенденций в исторической науке (дискуссия в Институте красной профессуры). М.; Л., 1930. С. 6.

связано с пониманием идейных тенденций, которые определяли направленность и содержание научной мысли в рассматриваемый период.

Теоретические основы научных разысканий претерпели фундаментальные изменения. Главнейшей особенностью нарождавшейся методологии стало постулирование принципов исторического материализма как единственно научных и возможных в историческом исследовании¹⁸⁷. Этим определялся характер и направление последующего развития отечественной историографии. По выражению О.Д. Соколова, «победа Великой Октябрьской социалистической революции сделала марксистскую историографию в России главным направлением исторической науки»¹⁸⁸. Иные, немарксистские, направления подвергались маргинализации, утрачивали позиции в академическом дискурсе и со временем вычищались из поля историографической традиции. Стержневую роль в организации научных исследований играли труды К. Маркса, Ф. Энгельса¹⁸⁹, В.И. Ленина и, с начала 1930-х гг. – И.В. Сталина, задавшие ту систему теоретических координат, в которой только и могли отныне решаться конкретные проблемы исторического знания.

В послереволюционной науке постепенно возобладал принцип партийности и строгая ориентация на положения марксистско-ленинской идеологии. С конца 1920-х гг. общеобязательной стала теоретическая опора на руководящие указания И.В. Сталина, сохранявшие первостепенную значимость до 1-й половины 1950-х гг. Диссертант ленинградского юридического института И.Б. Зильберман в автореферате работы (1953), посвящённой политическим взглядам Ивана Грозного, отмечал: «Научная история – это история, опирающаяся на гранитный фундамент

---

¹⁸⁷ По замечанию советского философа Б.А. Чагина, с появлением марксизма «идеализм был изгнан из его последнего прибежища – из области истории» (Чагин Б.А. Партийность в философии и борьба с буржуазным объективизмом. Л., 1948. С. 5.)

¹⁸⁸ Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 219.

¹⁸⁹ Так, например, исследователями подчёркивалось высокое значение работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология, сочинения Ф. Энгельса «О разложении феодализма и развитии буржуазии». (см. Базилевич К.В. К вопросу об исторических условиях образования Русского государства // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 26.)

марксизма-ленинизма. Партийность исторической науки требует непримиримой борьбы с малейшими уступками идеалистическому волюнтаризму и мелкобуржуазному объективизму»¹⁹⁰. Данная мысль, по сути, развивала посыл М.Н. Покровского, который утверждал, что запереть идеологию в архив, значит перестать быть марксистом. Историю он называла «самой политической из всех наук»¹⁹¹. Во многом именно с деятельностью М.Н. Покровского связана мощная идейно-доктринальная прививка советской науки на заре её становления. По замечанию современника событий – иммигранта Е.Х. Занкевича, претворение в жизнь требования В.И. Ленина о партийности в науке вылилось в «подчинение научной и культурной жизни политике коммунистической партии, включение науки в советский государственный аппарат»¹⁹². В 1920-е гг. ускоренно ведётся централизация науки в СССР¹⁹³: идеологическая монополия дополняется организационным монополизмом¹⁹⁴.

Образчиком партийного подхода к научной работе стало знаменитое письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция»¹⁹⁵, в которой тот жёстко обозначил позицию о недопустимости всякой публичной дискуссии с носителями мнения, отличного от согласованного партийными структурами. Указания И.В. Сталина сделались руководящими. Е.Б. Пашуканис на страницах «Вестника Коммунистической академии» заявлял, что поднятые вождём вопросы,

---

¹⁹⁰ Зильберман И.Б. Политические взгляды Ивана Грозного. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1953. С. 7.

¹⁹¹ М.Н. Покровский. О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 5.

¹⁹² Занкевич Е.Х. К истории советизации Российской Академии наук. Мюнхен, 1957. С. 48.

¹⁹³ Организация советской науки в 1926-1932 гг.: Сборник документов. Л., 1974. С. 4.

¹⁹⁴ Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 228.

¹⁹⁵ Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 84-102.

хоть и имеют первоочерёдное отношение к историкам, но также касаются научно-исследовательской работе в целом¹⁹⁶.

Идеи партийности приняли особую остроту в конце 1940-х гг. при подъёме борьбы с космополитизмом и буржуазным объективизмом в науке. Характерно выступление А.М. Панкратовой в 1949 г. на сессии Академии наук БССР. Историк подчёркнула, что только партийность, то есть открытая защита классовых позиций революционного пролетариата обеспечивает подлинно научное освещение исторических событий¹⁹⁷. Недостаток воинствующей партийности, по мнению докладчика, вёл к проявлению тенденций «низкопоклонства перед буржуазной культурой и космополитизма в вопросах истории»¹⁹⁸.

Становление советской историографии происходило во взаимосвязи с другими отраслями гуманитарного знания, такими как: философия, экономика и др.¹⁹⁹ Постулаты марксистской идеологии определяющим образом воздействовали на все эти отрасли. Так, А.А. Жданов в ходе дискуссии о новом учебнике философии в 1947 г. заявил, что данная область знания в марксистском изводе является инструментом и методом научного исследования всех наук о природе и обществе.²⁰⁰ Новая научная парадигма утверждалась не быстро: творческое освоение марксистского метода вызывало разногласия и полемические столкновения, в том числе среди историков-медиевистов, занятых проблематикой русского централизованного государства.

В 1960 г. академик АН СССР М.В. Нечкина предприняла попытку периодизации марксистской историографии, выделив четыре периода. Первый – от середины 1890-х гг. до 1917 г. Второй – с 1924 г. по середину 1930-х гг. В это время

---

¹⁹⁶ Пашуканис Е.Б. Борьба за ленинскую партийность в науке и задачи Комкадемии // Вестник Коммунистической академии. 1931. № 12. С. 9.

¹⁹⁷ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 48. Л. 48.

¹⁹⁸ Там же. Л. 52.

¹⁹⁹ Алаторцева А.И. Советская историческая наука на переломе 20-30-х годов // История и сталинизм. М., 1991. С. 248.

²⁰⁰ Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г. М., 1952. С. 13.

происходит концептуальное и институциональное становление марксистской науки, ведётся неукоснительная борьба с «буржуазными» теориями. Третий период открывают постановления партии и правительства о преподавании истории в школе. Именно тогда (середина 1930-х – начало 1950-х гг.), по наблюдению М.В. Нечкиной, разрабатывается проблема общественно-экономических формаций и начинается широкое применение марксистского метода²⁰¹. Начало четвёртого периода автор соотнесла с развенчанием культа личности И.В. Сталина. Добавим, что именно третий период, по М.В. Нечкиной, совпадает со временем усиленной работы историков над теорией складывания русского централизованного государства.

Обязательной частью такой работы явилось творческое освоение историками положений марксистского учения об общественно-экономических формациях. Согласно характеристике, данной А.М. Панкратовой, оно «даёт ключ историку для понимания законов исторического развития каждого отдельного конкретного этапа развития человеческого общества»²⁰². С начала 1920-х гг. отечественная наука сосредоточилась на выработке методологии применения формационной модели к материалу отечественной истории. Помимо формаций, указанных классиками марксизма, советские учёные обсуждали возможность введения дополнительных, отражавших особенности национального исторического процесса, как то: торговый капитализм, крепостничество и др.²⁰³ Однако к середине 1930-х гг. попытки достроить традиционную классификацию были прекращены.

Значительное воздействие на организацию исторической науки оказала статья И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», напечатанная в октябрьском номере журнала «Пролетарская революция»²⁰⁴ за 1931 г. Годом позже журнал «Борьба классов» разместил статью В.Г. Кнорина – работника Исполкома

---

²⁰¹ Нечкина М.В. О периодизации советской исторической науки // История СССР. 1960. № 1. С. 77-79.

²⁰² АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 68. Л. 191.

²⁰³ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 85. Л. 4.

²⁰⁴ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 84-102.

Коминтерна и будущего директора Института красной профессуры. В развитие сталинских тезисов автор призывал историков к проявлению большевистской бдительности и воинствующей партийности²⁰⁵. Письмо советского руководителя он назвал важнейшим теоретическим и политическим документом, «дающим чрезвычайно много указаний для историков-марксистов в их исследовательской работе»²⁰⁶. В том же ключе 1 декабря 1931 г. на собрании Института Красной Профессуры выступил Л.М. Каганович, заявивший, что «историю этого вчерашнего дня увязать с генеральной линией партии»²⁰⁷. Тезис о потребности в большевизации исторической науки был подхвачен членами наскоро сформированной в составе Комакадемии Бригады Историко-Партийного института²⁰⁸. В их статье, напечатанной во втором номере журнала «Борьба классов» за 1932 г., получила окончательное выражение идейно-теоретическая взаимосвязь исторической науки с политической целесообразностью. Показательными явились формулировки о «школке троцкистских контрабандистов» и «грубейших методологических и политических ошибках троцкистского порядка»²⁰⁹.

Конечно, ни статья И.В. Сталина, ни отклики на неё не затрагивали непосредственно сюжетов, связанных с русской историей XV–XVI вв. Но базовые принципы, объявленные советским вождём, закономерно отразились на выводах и оценках отечественных медиевистов в последующие десятилетия. Ситуацию, сложившуюся в исторической науке М.В. Нечкина много позже, в разгар борьбы с

---

²⁰⁵ Кнорин В. За большевистскую партийность в исторической науке // Борьба классов. 1932. № 1. С. 23.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Каганович Л.М. За большевистское изучение истории партии: Речь, произнесенная 1 декабря 1931 г. на собрании Института Красной Профессуры. Изд. 2-е. М., 1932.

²⁰⁸ В состав Бригады ИКП вошли: Н.М. Добротвор, В.Ф. Кузовенко, Ф.И. Миллер, Е.А. Мильштейн, Н. Чугайло, К. Гребенкин.

²⁰⁹ За большевистскую историю нашей партии // Борьба классов. 1932. №2-3. С. 119-120.

культом личности, характеризовала как «тяжёлое наследство», отмеченное «глубоким разрывом между историком и методологией его науки»²¹⁰.

Исходным условием разработки теории централизованного государства являлось обращение к трудам основоположников марксизма, сочинениям советских руководителей. А.Н. Фукс определил 2-ю половину 1930-х гг. как период «вынужденной» консолидации всех историков на единой марксистской платформе²¹¹. А.Л. Юрганов говорит о времени «рождения новой конвенции» историков о русском национальном государстве²¹². Коренные тезисы классиков марксизма, как и теоретические суждения И.В. Сталина, усваивались отечественной наукой аксиоматически. Так складывался теоретический каркас для последующей разработки отраслевой проблематики. Система научных воззрений, сложившаяся в рассматриваемое время, определяется А.Н. Фуксом как советская моноконцепция отечественной истории²¹³. Такая ситуация в историографии 1930-х – первой половине 1950-х гг. ярко отразилась и в трудах историков над созданием теории русского централизованного государства. При этом неверным было бы упрекать советских учёных в эпигонстве и вторичности по отношению к марксистско-ленинскому учению. Работа историка предполагала не только практическое освоение выводов классиков марксизма, основанных на материале западноевропейского средневековой истории, но также их творческую адаптацию к изучению конкретного материала российской истории.

Становление советской моноконцепции отечественной истории включало обстоятельную ревизию воззрений и подходов, широко применявшихся в прежней, дореволюционной историографии. Деятельными критиками «буржуазных» концепций выступали зачастую сами представители старой научной школы,

---

²¹⁰ цит. по Мерцалов А.Н. Сталинизм и освещение прошлого // История и сталинизм. М., 1991. С. 385.

²¹¹ Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории. С. 260 - 261.

²¹² Юрганов А.Л. Русское национальное государство. С. 153-154.

²¹³ Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории. С. 7.

состоявшиеся как учёные ещё до октябрьских событий. Одним из инициативных проводников марксистской методологии в исторической науке в 1920-х гг. выступил М.Н. Покровский. По замечанию Н.Л. Рубинштейна, сделанному в 1924 г., «трудно найти человека, который, интересуясь историей России, не читал бы работ М.Н. Покровского»²¹⁴. Такого рода похвальбы были приметой первого десятилетия молодой марксистской историографии. Сам М.Н. Покровский в эту пору приложил огромные усилия для насаждения принципов исторического материализма и борьбы с дореволюционными концепциями. На страницах журнала «Историк марксист» он сравнивал прежнюю историческую науку с кладбищем в противовес марксизму как самому «живому и животворящему мировоззрению, какое есть на земном шаре»²¹⁵.

1920–1930-е гг. в отечественной историографии ознаменовались напористой критикой старых подходов и концепций. По замечанию А.А. Введенского, высказанному в 1931 г. на прениях о научной деятельности С.Ф. Платонова и Е.В. Тарле, «историк обязан быть на той или другой стороне великих боев за социализм»²¹⁶. Разгрому подверглись взгляды таких крупных историков, как: С.Ф. Платонов, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский и др. В их лице была разоблачена «буржуазная историческая наука» как таковая – за «нищету идейного содержания»²¹⁷. Среди историков-марксистов сохранилось обыкновение подчёркивать своё теоретическое превосходство над предшественниками. В 1945 г. И.И. Полосин на страницах «Вопросов истории» патетически заявил, что никто из представителей предшествующей историографии не смог понять «всей глубины и

---

²¹⁴ Рубинштейн Н. М.Н. Покровский – историк России // Под знаменем марксизма. 1924. № 10-11. С. 189.

²¹⁵ Покровский М.Н. Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк марксист. 1929. № 11. С. 4.

²¹⁶ Введенский А. // Классовый враг на историческом фронте. С. 107.

²¹⁷ Зайдель Г., Цвибак М. // Классовый враг на историческом фронте. С. 97.

значительности XVI в. в истории России»²¹⁸. Только советские историки, по мнению автора, сумели заново многое объяснить в истории данного периода²¹⁹. Риторика, взятая на вооружение сообществом историков, представляла предшествующие поколения исследователей сознательными или невольными реакционерами, не могущими выйти за рамки узкого классового сознания в исторических изысканиях. Критики обвиняли буржуазную науку в защите самодержавного строя²²⁰. Ходовым полемическим клише стало обвинение оппонентов в контрреволюционности. Примечательно отношение марксистской историографии к фигуре и деятельности С.Ф. Платонова как большого знатока русского XVI в., крупного учёного дореволюционного периода. Марксистской фразеологией 1930-х гг. историк рисовался «архиреакционером»²²¹. М.Н. Мартынов называл С.Ф. Платонова «одним из наиболее ярких и серьёзных противников на антимарксистском фронте»²²². В публичных выступлениях звучали призывы к соединению науки с политикой.

Историческая наука упорно двигалась к созданию единой методологической основы, на которой могла обобщить огромный объём накопленного фактического материала и выстроена единая система представлений, объясняющих исторический процесс в целом. Заметное влияние на историческую мысль оказал подготовленный при непосредственном участии И.В. Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)» (1938), давший обстоятельные разъяснения о сути метода исторического материализма²²³. По оценке А.М. Панкратовой, он завершил «длительную упорную

---

²¹⁸ Полосин И. Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569-1582) // Вопросы истории. 1945. № 5-6. С. 142.

²¹⁹ Зайдель Г., Цвибак М. // Классовый враг на историческом фронте. С. 97.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же. С. 108.

²²² Мартынов М. // Классовый враг на историческом фронте. М.; Л., 1931. С. 164.

²²³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 99-109.

борьбу за идейное вооружение наших кадров марксистско-ленинской теорией, без которой советская страна не могла успешно идти по пути к коммунизму»²²⁴.

Критика предшествующих концепций понималась историками-марксистами отнюдь не как вульгарное отрицание обширных наработок минувшего времени. Так, Г.С. Зайдель заявлял, что развитие науки по новому пути не сводится к простому отказу от буржуазного наследия, но требует его коренной переработки на основе марксистско-ленинской методологии²²⁵. При этом непримиримость идейных позиций ярко проявилась в нападках на сторонников «немарксистских» воззрений науке. Прежде всего, им подверглись С.Ф. Платонов и другие приверженцы охранительных, а равно либеральных течений в историографии. Апогеем гонений стал их переход из академической в уголовную плоскость: осенью 1929 г. с подачи политбюро ЦК ВКП(б) было инициировано политически мотивированное дело, получившее в поздней литературе наименование «академическое»²²⁶. Огульная публичная критика историков старой школы изобиловала обвинениями в шовинизме, национализме, великодержавности и даже антисемитизме²²⁷.

Впоследствии уничижительной критике подвергся М.Н. Покровский. Почин организованной кампании по дискредитации его исторической концепции, её сторонников и продолжателей, был подсказан историческому сообществу извне. Вышедший 27 января 1936 г. номер «Правды» был наполнен обличительной риторикой по поводу «так называемой исторической школы Покровского»²²⁸, осуждавшейся как распространитель извращённых представлений о прошлом. Статья «Преподавание истории в нашей школе»²²⁹ констатировала существование в

---

²²⁴ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 41. Л. 12.

²²⁵ Зайдель Г. Заключительное слово // Классовый враг на историческом фронте. С. 216.

²²⁶ Ананьич Б.В., Панях В.М. Следствие в Москве по «академическому делу» 1929-1931 годов // Русский исторический журнал. 1999. Т. 2. № 3. С. 93-112.

²²⁷ Брачев В.С. Травля русских историков. М., 2006. С. 97-101.

²²⁸ Правда. 1936. № 26 (6632). 27 января. С. 2.

²²⁹ Там же. С. 1.

области истории неликвидированных вредных традициях этой школы.²³⁰ Последняя была названа «антиленинской»²³¹. 14 ноября 1938 г. появилось Постановление ЦК ВКП(б) о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». В нём идеи М.Н. Покровского объявлялись антимарксистскими извращениями и вульгаризаторством, чуждыми историческому материализму²³². Таким образом, централизованная дискредитация воззрений историка началась с обструкции на уровне официальной риторики, задавшей идеологический контур будущего наступления уже на академическом фронте. Интенции партийно-государственного руководства вызвали активный отклик в научных кругах. Знаменательным событием стал выход в 1939–1940 гг. двухтомного сборника научных статей, подготовленного Институтом Истории АН СССР: «Против исторической концепции М.Н.Покровского»²³³ и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского»²³⁴. Директор Института истории АН СССР Б.Д. Греков назвал его подготовку результатом критической работы, проделанной историками-марксистами для разоблачения школы М.Н. Покровского²³⁵. Выходу сборника предшествовало появление нового стабильного учебника по истории СССР. Через него в исторической науке закреплялись положения, призванные заменить «антибольшевистскую, ликвидаторскую традицию, созданную “школой” Покровского»²³⁶. В этих условиях и была начата подготовка статей для названного издания, призванного изобличить антимарксистский (читай – ненаучный) характер ниспровергнутой концепции М.Н. Покровского.

---

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же.

²³² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч II. М., 1953. С. 861.

²³³ Против исторической концепции М.Н.Покровского / Отв. ред. А. Сидоров. Ч. 1. М.; Л., 1939.

²³⁴ Против Антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1940.

²³⁵ Греков Б.Д. Основные итоги изучения истории СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.; Л., 1942. С. 78.

²³⁶ Материалы к преподаванию истории СССР. М., 1937. С. 15.

Материалы сборника важны для понимания развития отечественной историографии в переходный период, во время обозначившегося теоретического поворота в разработке ключевых историографических проблем, в числе которых – создании теории русского централизованного государства. В рамках нашего исследования заслуживают внимания несколько очерков. Их авторы были эмоционально сдержаны, но категоричны. А.М. Панкратова отметила, что «у Покровского признание классовой борьбы стержнем истории приводило к замене конкретной истории голой социологией»²³⁷. Это не осуждение увлечённостью марксистскими догмами, но упрёк в забвении фактологической части научных изысканий. Подобные нарекания стали общим местом в критических выступлениях историков против идей М.Н. Покровского, в том числе, в аспекте обсуждения проблемы создания централизованного государства. Е.М. Ярославский, член комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), заявил, что М.Н. Покровский всегда являлся сторонником экономического материализма, но не материализма диалектического и исторического²³⁸. Эта мысль воспроизведена в статьях, посвящённых воззрениям М.Н. Покровского на конкретные историографические проблемы, среди которых – образование русского централизованного государства.

В данном аспекте среди материалов первой книги представляют интерес статьи за авторством С.В. Бахрушина и К.В. Базилевича – признанных знатоков русской истории феодального периода, сыгравших видную роль в разработке марксистской теории государственного строительства. В статье С.В. Бахрушина ««Феодальный порядок» в понимании М.Н. Покровского» находим критику объяснения последним причин централизации. Это печатное выступление стало своего рода реваншем для учёного, за несколько лет до того обвинённого как член руководящего ядра антиправительственной организации и дискредитированного в

---

²³⁷ Панкратова А. Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939. С. 53.

²³⁸ Ем. Ярославский. Антимарксистские извращения «школы» М.Н. Покровского // Против Антимарксистской концепции М.Н. Покровского. С. 6.

качестве историка в период господства в науке теоретических положений школы М.Н. Покровского. Теперь он сам клеймил оппонента его как пренебрегшего марксистско-ленинским пониманием сущности феодализма. Учёный указывал на неверное решение М.Н. Покровским вопроса о периодизации феодальных отношений на Руси, называя его подход идеалистическим²³⁹. Суть нареканий состояла в том, что время укрепления русского государства в XVI в. М.Н. Покровский рассматривал уже вне рамок феодализма. Это обосновывалось тем, что сугубо феодальное хозяйство к исходу XV столетия претерпело заметные изменения в связи с развитием товарного обмена и вольнонаёмного труда. Исследователь, по мнению С.В. Бахрушина, «спешит противопоставить “новое крепостное право” “прежнему феодальному праву”, хотя и не показывает, чем отличалось по существу первое от второго»²⁴⁰.

Данная сторона заочной полемики С.В. Бахрушина с М.Н. Покровским интересна тем, что явилась отражением перемен, которые претерпела научная мысль в части представлений о периодизации складывания централизованного государства в рамках марксистской формационной схемы. Если М.Н. Покровский и его последователи пытались трактовать названный период как время крушения феодализма и усиления буржуазных отношений, то С.В. Бахрушин требовал понимать события XV–XVI вв. как внешнее преобразование феодализма без изживания его сущностных черт. Он указывал на сугубо количественные, но не качественные изменения в межклассовых взаимодействиях. Расширение дворянских поместий по отношению к боярским вотчинам не означает, что дворяне переставали быть феодалами, подчёркивал историк²⁴¹.

Методологическое значение данного спора велико. При построении теории русского централизованного государства на платформе исторического материализма

---

²³⁹ Против исторической концепции М.Н.Покровского. Ч. 1. М.; Л., 1939. С. 122.

²⁴⁰ Там же. С. 123.

²⁴¹ Там же. С. 125.

проблему первого порядка составляло чёткое теоретическое обоснование того, какое положение это государство занимало в координатах формационной модели. В конце 1930-х гг. эта проблема была актуализована в рамках академической полемики и получила новое решение. Идея об ограничении феодального порядка рамками эпохи удельной раздробленности²⁴² была отринута, а рамки феодальной формации для русской истории расширены. Теперь в них укладывались процессы и события, относящиеся к складыванию централизованного государства. Поддержку получила идея о русском государстве XV–XVI вв. как сугубо феодальном.

С.В. Бахрушин в своей статье выстроил крепкую систему аргументации, призванную вытеснить из поля научных представлений теорию М.Н. Покровского о торговом капитале как решающем факторе государственного строительства. Доводы учёного были направлены на то, чтобы представить оппонента как эпигона отживших буржуазных концепций, которые тот не сумел идейно перерасти. Он, по утверждению автора, не смог избавиться от ошибок прежней историографии, которая смешивала вопрос о «возвышении Москвы» с вопросом об образовании великорусского государства: «Мы видим, что он несколько раз пытался подойти к разрешению важнейшей проблемы образования “феодальной монархии” и незаметно соскальзывал на более простой вопрос о возвышении Москвы»²⁴³.

Свою позицию С.В. Бахрушин публично изложил ещё на стадии подготовки сборника. 27 октября 1937 г. он выступил на заседании сектора Истории СССР с докладом, в котором указал на ошибки М.Н. Покровского в понимании феодализма, упрощённом толковании влияния экономических условий на политическую жизнь страны, а также на ошибочное понимание причин усиления политического роли

---

²⁴² Там же. С. 126.

²⁴³ Там же. С. 139.

Москвы²⁴⁴. Среди прочего он дал свою оценку феномену централизации. Если М.Н. Покровский понимал государственное строительство исключительно как форму классового угнетения, то С.В. Бахрушин настаивал, что данный процесс был выгоден не только феодалам, но и широким слоям населения²⁴⁵. Налицо смена акцента, имевшая важное смысловое значение не только для теории централизации, но и для всей концепции отечественной истории. Утверждение положения о прогрессивности создания государства сглаживало непримиримо воинственное отношение к прошлому, насаждавшееся школой М.П. Покровского, задавало иной подход к пониманию сути явлений и процессов.

Позиция С.В. Бахрушина по коренным вопросам создания феодального государства получила поддержку коллег. М.В. Нечкина, комментируя доклад, отметила важность того обстоятельства, что в контексте разрешения проблемы государственной централизации он вернул представлениям о феодализме научную обоснованность. Докладчик, по её мнению, сумел противопоставить ошибочной точке зрения М.Н. Покровского правильную концепцию²⁴⁶. М.В. Нечкина выразила согласие, что «концепция феодализма была полностью готова, разработана, десятки и десятки раз развернута Марксом, Энгельсом, Лениным»²⁴⁷, но была проигнорирована М.Н. Покровским и его сторонниками.

Критика С.В. Бахрушиным концепции М.Н. Покровского интересна в методологическом отношении тем, что послужила ревизии основоположных представлений о характере русского централизованного государства и оценке его исторического значения. Во многом именно с подачи С.В. Бахрушина в отечественной историографии закрепилось представление о русском

---

²⁴⁴ Стенограмма обсуждения доклада С.В. Бахрушина на заседании сектора «История СССР» Института истории Академии наук СССР, 27 октября 1937 г. // Институт истории академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1. М., 2016. С. 138-158.

²⁴⁵ Там же. С. 142.

²⁴⁶ Там же. С. 143.

²⁴⁷ Там же. С. 144.

централизованном государстве как о феодальной монархии. Такая трактовка получила признание и отразилась в работах историков 1940-х – начала 1950-х гг.

Другой участник сборника К.В. Базилевич, ученик и коллега С.В. Бахрушина, в статье «"Торговый капитализм" и генезис московского самодержавия» обратился к стержневой проблеме отечественной медиевистики – сознанию национального государства великороссов и ошибкам М.Н. Покровского в понимании и оценке данного процесса. Он обвинил оппонента в увлечении схематизмом в ущерб исследованию конкретного исторического материала, раскрывающего суть процесса централизации²⁴⁸. Последний остался как бы незамечен М.Н. Покровским²⁴⁹. Вслед за С.В. Бахрушиным автор уличал оппонента в приверженности ошибочной теории торгового капитала, через призму которой события XIV–XV вв. представлялись лишь экстенсивным распространением финансовой и хозяйственной системы московских князей на прочие земли. В то время как, по мнению автора, созданию национального государства при Иване III – Василии III сопутствовали крупные перемены в политическом устройстве всех объединённых земель²⁵⁰.

К.В. Базилевич защищал положение о национальном характере государства. Он использовал идейно-теоретическую схему, в рамках которой осмысливал процесс централизации как неразрывно связанный с объединением населения северо-восточной Руси в единую великорусскую народность, ведущую борьбу за национальную независимость с татарскими угнетателями²⁵¹. Влияние критических суждений К.В. Базилевича сказалось в том, что советская историография конца 1930-х – начала 1950-х гг. была переориентирована в исследовании причин образования централизованного государства. Положение о национальной борьбе

---

²⁴⁸ Базилевич К. «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия // Против исторической концепции М.Н. Покровского. Ч. 1. М.; Л., 1939. С. 143.

²⁴⁹ Там же. С. 144.

²⁵⁰ Там же. С. 145.

²⁵¹ Там же. С. 146.

русского народа с внешним врагом сделалось в определённом смысле программным для авторов, обращавшихся к теме создания великорусского государства.

Во второй книга академического сборника также содержатся материалы, касающиеся некоторых аспектов проблемы централизации. Это статьи С.В. Юшкова «М.Н. Покровский о раннем периоде русского феодализма» и А.Н. Насонова «Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского». С.В. Юшков, представитель правоведческой школы советских историков, подверг критике подход М.Н. Покровским к пониманию феодальных отношений. Отдельно он остановился и на вопросе образования Московской державы, которому автор «Русской истории с древнейших времён» уделил неоправданно мало внимания²⁵². С.В. Юшков выразил недовольство узостью постановки проблемы складывания централизованного государства у оппонента. По утверждению автора, того интересует лишь вопрос об образовании Московского государства. Других же проблем, как-то: экономических и общественно-политических, – М.Н. Покровский попросту не касается²⁵³.

С.В. Юшков отметил отсутствие в работах историка анализа общественно-политического и социально-культурного контекста развития русских земель, низведение проблематики возвышения Москвы к абстрактному схематизму²⁵⁴. В статье на уровне методологической критики намечен поворот к новому пониманию причин централизации, в основу которого положена идея многофакторности. Автор бегло называет эти причины: географическое положение, совокупность интересов разных слоёв населения, противостояние внешней угрозе. Заклеймив М.Н. Покровского как поборника вульгарно-экономического подхода, не владеющего методом диалектического материализма, С.В. Юшков пеняет ему и тем,

---

²⁵² Юшков С.В. Покровский о раннем периоде русского феодализма // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Ч. 2. М.; Л., 1940. С. 49.

²⁵³ Там же. С. 49.

²⁵⁴ Там же. С. 53.

что тот отрицает само существование русского национального государства в XV–XVI вв., отодвигая его появление в XVII столетие.

Критические послы С.В. Юшкова отразили новые принципы в решении двух насущных вопросов отечественной историографии: о периодизации процесса централизации русского государства и о подходах к объяснению причин его возникновения. Сам С.В. Юшков не занимался впоследствии глубокой разработкой данной темы, но сформулированные им положения позже получили развитие в трудах таких крупных исследователей, как В.В. Мавродин и Л.В. Черепнин.

А.Н. Насонов сосредоточился на критике того, как М.Н. Покровским освещался вопрос о влиянии татарского нашествия на русские земли. Первое замечание автор направил против тезиса о «перегнивании» городской Руси в деревенскую накануне татарского завоевания²⁵⁵. Второе замечание касалось неудовлетворительного освещения того угнетающего влияния, какое завоеватели оказали на культуру и быт русского населения. По словам А.Н. Насонова, «Грубый схематизм построения освободил Покровского от необходимости решать ряд трудных вопросов по истории страны»²⁵⁶. Говоря о татарской политике на Руси, автор актуализировал вопрос о значении внешней угрозы для национально-политического сплочения великорусской народности. Свои доводы он подкрепил отсылкой к успешному стать хрестоматийным пассажу И.В. Сталина из доклада X партийному съезду²⁵⁷, в котором советский руководитель раскрыл своё видение особенностей государственной централизации в Восточной Европе²⁵⁸.

---

²⁵⁵ Насонов А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Ч. 2. М.; Л., 1940. С. 75.

²⁵⁶ Там же. С. 78.

²⁵⁷ Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 33-35.

²⁵⁸ Насонов А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Ч. 2. М.; Л., 1940. С. 81.

А.Н. Насонов стремился придать пониманию политики монгольских завоевателей на Руси диалектическую полноту: с одной стороны, угнетатели выступали силой, тормозящей консолидацию русских земель; с другой стороны, они же стали катализатором объединительных процессов, приведших к появлению на исторической сцене великорусской народности и русского централизованного государства. Здесь же им была развита мысль о многонациональном характере русской державы. Историк подчёркивал, что первые шаги к объединению разных народностей под властью Москвы сделаны «уже при Донском»²⁵⁹.

Все рассмотренные выше публикации роднит важная черта: их авторы положительно трактуют политическую централизацию Руси, положительно оценивают роль государственного строительства в судьбе русского народа. В этом заметно проявление активной деконструкции упрощённо полярного схематизма М.Н. Покровского, которым великороссы отождествлялись с идеей абсолютного угнетательства и враждебности к прочим народам.

Итак, к концу 1930-х гг. в отечественной историографии наступили перемены, связанные не только с ниспровержением теоретико-методологических воззрений школы М.Н. Покровского, но и с определением нового курса на построение научной теории русского централизованного государства. Названный академический двухтомник можно рассматривать как программный труд, которым были закреплены новые теоретические подходы к решению ключевых проблем отечественной истории, в числе которых – проблема образования централизованного государства.

С конца 1930-х гг. заявление резкого неприятия схемы М.Н. Покровского сделалось непременным условием выражения историками своей научной (марксистской) позиции. Порой это принимало нарочито бравурные формы, как, например, заявление А.И. Яковлева.: «Я думаю, для тех, кто занимался русской

---

²⁵⁹ Там же. С. 83.

историей, Покровский есть пустое место историографическое»²⁶⁰. А.Л. Сидоров подчёркивал «антинаучный схематизм» опального учёного, в трудах которого торговый капитал превращался в «демиурга истории» уже с XV в.²⁶¹ А.М. Панкратова обнаруживала глубокую враждебность идей М.Н. Покровского марксизму-ленинизму, называя их распространение «пропагандой буржуазных взглядов на историческую науку». Историк указывала на субъективно-идеалистический метод оппонента, его вульгарный экономизм и антиисторизм, проявлявшийся в приверженности голым схемам, изменявшимся в угоду политическому моменту²⁶².

Критика воззрений М.Н. Покровского на проблему централизации стала важной составляющей программ преподавания истории СССР в вузах. А.В. Шестаков в 1936 г. указывал на необходимость срочной перестройки научной работы кафедр исторических факультетов и разъяснения студенчеству ошибочности теории торгового капитализма²⁶³. Он отмечал, что «совершенно необходимо в лекциях и семинарах дать критику ошибочной периодизации СССР, отражение этих ошибок и их недостаточное преодоление у его (*Покровского – Н.Т.*) учеников»²⁶⁴. Пример такого рода перестройки даёт программа курса истории СССР, которую в 1938 г. разработал Институт истории. Авторами были предусмотрены «критика взглядов Покровского» на период феодальной раздробленности, разбор «ошибок Покровского» по поводу объединения русских земель, критика «теории самодержавия как власти торгового капитала» и т.д.²⁶⁵ Из указанного следует, что обращение к теоретическому наследию М.Н. Покровского, даже в критическом

---

²⁶⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 210. Л. 5.

²⁶¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 162. Л. 28 об.

²⁶² АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.

²⁶³ АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 186. Л. 3–4.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 174. Л. 6–13.

контексте, имело важное методологическое значение для формирования системы представлений о складывании русского централизованного государства.

Преодоление влияния в науке сторонников теории торгового капитала привело к определённому «восстановлению в правах» представителей дореволюционной историографии. Если М.Н. Покровский призывал окончательно размежеваться с буржуазной наукой, то в литературе 1940-х гг. отношение к учёным старой школы сделалось более сдержанным и даже благосклонным. В 1942 г. А.М. Панкратова, на тот момент уже член-корреспондент АН СССР, признавала, что лучшие представители русской исторической науки досоветской эпохи «сыграли в свое время, несомненно, крупную научную и общественно-прогрессивную роль»²⁶⁶.

По оценкам советских историков рассматриваемого периода, собственно марксистская историография формируется со второй половины 1930-х гг., то есть по мере ниспровержения идей М.Н. Покровского. И.И. Смирнов отмечал, что временное господство школы М.Н. Покровского не помешало исторической науке расти, развиваться и овладеть марксистско-ленинской теорией для превращения в марксистскую историческую науку²⁶⁷. А по утверждению Л.В. Черепнина, рубеж 1930–40-х гг. явился «важнейшей гранью» в становлении марксистско-ленинской исторической науки²⁶⁸. Принимая во внимание идеологическую ангажированность таких оценок, следует отметить, что вне творчества М.Н. Покровского марксистская наука всё же не могла состояться. По замечанию А.Н. Фукса, «неоспоримо, что становление советской моноконцепции отечественной истории шло не мимо работ М.Н. Покровского, а непосредственно через всё его творчество. Оформление

---

²⁶⁶ Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.; Л., 1942. С. 7.

²⁶⁷ Смирнов И.И. Проблемы крепостничество в советской исторической литературе // Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.; Л., 1942. С. 94.

²⁶⁸ Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 111.

марксистской парадигмы российской истории, формирование формационного подхода шло через критику историографической деятельности историка»²⁶⁹.

Действительно, невозможно в полной мере понять характер и динамику развития научных воззрений 1940-х и начала 1950-х гг. без их связи с критикой концепции М.Н. Покровского. В том числе касает вопроса о становлении централизованного государства. Здесь, как и в других вопросах, формирование новых теоретических положений шло через преодоление теорий опального учёного. Посредством критики его концепции определялись координаты новой теоретической матрицы, закреплялась «правильная» парадигма марксистского исследования.

Разработка теории создания централизованного государства происходила в условиях повышенного интереса к историческому знанию со стороны И.В. Сталина, выступавшего деятельным проводником марксистских идей в научной среде, вмешиваясь в процесс подготовки учебников по истории СССР²⁷⁰. Сталинские суждения оказали ощутимое воздействие на становление теории централизованного государства. Впервые данный вопрос был им поднят в докладе X съезду РКП(б). В докладе, озаглавленном «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», И.В. Сталин мельком коснулся проблемы образования централизованного государства в России, определив его как изначально многонациональное²⁷¹. В нём содержались тезисы об особенностях государственного строительства в странах Восточной Европы и в России в частности. Здесь, по мысли докладчика, процесс национального строительства и преодоления раздробленности хронологически не совпадал с процессом складывания централизованных государств. Потому «в этих

---

²⁶⁹ Фукс А.Н. «Русская история в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского как историографический источник // Вестник МГОУ. 2010. № 3. С. 20.

²⁷⁰ Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории СССР (1934-1936 годы) / М.В. Зеленов // Вопросы истории. 2004. № 6. С.4.

²⁷¹ Тихомиров Н.В. Проблема межнациональных отношений в концепции Русского государства в отечественной историографии 1930-х – начала 1950-х годов // Вестник Гуманитарного образования. 2020. № 4 (20). С. 102.

странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство»²⁷². Схожим образом эта мысль была выражена в тезисах к докладу X съезду РКП(б), утвержденных ЦК партии: «На востоке Европы образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиваться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих обычно из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчиненных. Таковы: Австрия, Венгрия, Россия»²⁷³.

Приведенные фрагменты содержат три важных посыла. Во-первых, централизованное государство на Руси, по мысли И.В. Сталина, возникло ранее разрушения в русских землях феодальных отношений, то есть имело полностью феодальную природу. Во-вторых, государство изначально сложилось как многонациональное. В-третьих, существенным фактором централизации явилось наличие внешней угрозы и порожденная ею необходимость широкой мобилизации сил для обороны. Позднее И.В. Сталин вернулся к вопросу о предпосылках централизации. В 1927 г. слушатели первого курса исторического отделения Института красной профессуры С.А. Алыпов и П.С. Цветков обратились к

---

²⁷² Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на 10 съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 34.

²⁷³ Там же. С. 15-16.

советскому руководителю с письмом. Они просили прояснить значение внешней угрозы для государственного строительства²⁷⁴. В своём ответе вождь подтвердил ранее высказанную мысль о значимости внешнего фактора: из-за потребности в обороне процесс политической централизации государств на востоке Европы опережал процесс формирования наций²⁷⁵. Данное суждение получило широкое хождение в историографии, став частью теоретического фундамента для исследований, посвящённых складыванию единого русского государства. Сталинские тезисы превратились в опорные положения, которые в обязательном порядке привлекались историками при обращении к названной проблематике. В 1949 г. Б.Д. Греков писал, что историческая наука обязана советскому руководителю решением проблемы образования централизованных многонациональных государств вообще и России, в частности²⁷⁶.

Важным в теоретическом плане сочинением стал очерк И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», включённый позже в состав «Краткого курса истории ВКП(б)». В нём советский руководитель рассуждал о ведущем факторе материальной жизни общества, определяющем его переход от одного строя к другому. Таковой был назван «способ добывания средств к жизни, необходимых для существования людей, способ производства материальных благ»²⁷⁷, иными словами – материально-производственный базис. Данная мысль была развита в «Кратком курсе истории ВКП(б)», учившем, что «Первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов

---

²⁷⁴ Никуленкова Е.В. Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 117.

²⁷⁵ Сталин И.В. Письмо гг. Цветкову и Альпову // Сочинения. Т. 9. М. 1948. С. 176.

²⁷⁶ Греков Б.Д. Сталин и историческая наука // Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР. М., 1949. С. 249.

²⁷⁷ Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 589.

экономического развития общества»²⁷⁸. Позже сам И.В. Сталин сформулировал идею о механизме общественного развития в статье «Относительно марксизма в языкознании», где в виде ответов на вопросы «товарищей из молодёжи», указывал: «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка – это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»²⁷⁹. Указанная статья вышла в 1950 г. отдельным изданием и была восторженно принята научным сообществом. Её обсуждение вошло в повестку научной работы структур АН СССР. Отчётные документы свидетельствуют, что «в течение года после выхода работы “Марксизм и вопросы языкознания” в Институте истории было проведено 15 заседаний, собраний и теоретических конференций по вопросам, непосредственно связанным с трудами И.В. Сталина по языкознанию»²⁸⁰. На 1952 г. Институт истории запланировал провести «конференцию по проблеме формирования наций в свете работ т. Сталина по вопросам языкознания», которая «поможет разработке теоретических проблем формирования наций, без решения которой невозможно создание многотомных изданий «История СССР» и «Всемирная история»²⁸¹. Выдвинутые в статье положения прочно утвердились в исторической науке. Так, историк-экономист П.И. Лященко заявлял: «Изучение истории народного хозяйства становится средством для понимания всего процесса общественного развития, основой для понимания политической истории, истории духовной культуры»²⁸².

Одной из принципиальных задач для историков стала выработка модели применения теоретического арсенала марксистского учения к материалу отечественной истории. Постулаты марксизма-ленинизма образовали несущую

---

²⁷⁸ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 116.

²⁷⁹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. С. 104.

²⁸⁰ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 200. Л. 154-155.

²⁸¹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 223. Л. 2.

²⁸² Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1952. С. 7.

конструкцию теоретических изысканий в решении исследовательских проблем. Научные дискуссии, ведшиеся в этой связи, зачастую подавались как борьба с «вредными влияниями», приобретая специфическую логику. Марксистская ортодоксальность стала ведущим критерием научности. В 1940 г. А.Г. Маньков записал по этому поводу в дневнике: «Основы марксизма-ленинизма – наука в тысячу один пункт, сухая, тяжеловесная и догматическая... Ее назначение сыграть роль очков, которые по их оптическому свойству рассчитаны на любые глаза и которые должны “помочь” видеть “действительность”»²⁸³.

Однако за объявляемой приверженностью марксистскому методу стояла проблема его творческого освоения. В научном сообществе не утихали споры о верном понимании классиков марксизма-ленинизма и правильном применении на практике их методологических указаний. Показательной стала дискуссия, прошедшая в 1946 г. на страницах журнала «Вопросы истории». В книге 2–3-го номеров была размещена статья профессора московского Историко-архивного института П.П. Смирнова «Образование Русского государства в XIV-XV вв.»²⁸⁴ Автор дал обзор историографии темы, критический анализ трудов дореволюционных историков и оценку советской историографии, представленной трудами В.В. Мавродина, К.В. Базилевича и М.Н. Тихомирова. По мнению П.П. Смирнова, отечественные учёные не сумели создать завершённую теорию русского централизованного государства, отвечающую полноте собранных наукой фактов, и актуальным методологическим представлениям о природе исторического процесса²⁸⁵. Положение вещей рисовалось автором так, что столь значимая проблема ещё не получила должного разрешения в духе марксистского учения, а советская наука в данной области продолжала пользоваться «кое-как подправленными»

---

²⁸³ Маньков А.Г. Из дневника. 1938-1941 гг. // Звезда. 1995. №.11. С. 187.

²⁸⁴ Смирнов П. Образование Русского государства в XIV – XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2-3. С. 55-90.

²⁸⁵ Там же С. 70.

представлениями буржуазной историографии прошлого столетия. Труды современников П.П. Смирнов определял как эклектичные по содержанию, не изжившие представлений буржуазной литературы, не удовлетворяющие принципам марксистской методологии, а то и вовсе ненаучные²⁸⁶. Автор упирал на то, что коллеги отступили от коренного принципа марксистской методологии – материалистического монизма. Так он толковал всякие попытки искать причины и факторы централизации где-либо, помимо сферы развития производительных сил. П.П. Смирнов писал: «Так как образование Русского национального государства было для своего времени крупным изменением всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, то в основании его также должно было лежать какое-то серьёзное изменение в ведущей отрасли современного хозяйства и порождённое им такое развитие производительных сил, которое соответствовало бы глубине происшедшего общественно-политического сдвига»²⁸⁷. Таким образом, историк предлагал решение проблемы централизации русских земель в духе единогофакторного подхода, исключавшего многообразие действующих сил в данном процессе.

На выступление П.П. Смирнова коллеги-историки отозвались единодушно критически. В.В. Мавродин отметил, что аргументация оппонента «зачастую остаётся необоснованной, а иногда переходит в фантазию»²⁸⁸. Отвечая на обвинения в эклектизме, исследователь парировал: «Я не могу согласиться со стремлением

---

²⁸⁶ Так, по поводу выводов В.В. Мавродина П.П. Смирнов пишет: «Отдавая должное попытке автора сочетать отмечаемые в буржуазной литературе XIX в. причины образования Русского государства с основными элементами марксизма, мы не можем принять эти заключения как научное достижение. Его сложная эклектическая система внешне громоздка и внутренне противоречива. Она не соответствует монистической теории исторического материализма и потому ненаучна. (Смирнов П. Образование Русского государства в XIV – XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2-3. С.66.)

²⁸⁷ Смирнов П. Образование Русского государства в XIV – XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2-3. С. 71.

²⁸⁸ Мавродин В. Несколько замечаний по поводу статьи П.П. Смирнова «Образование русского централизованного государства в XIV – XV вв.» // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 45.

П.П. Смирнова свести воедино процесс объединения русских земель и процесс возвышения Москвы. Он выступает против расчленения проблемы образования русского национального государства на отдельные вопросы и этапы»²⁸⁹. С.В. Юшков заявил о невозможности согласиться с П.П. Смирновым, решительно отвергающим как антимарксистский подход «учёт национальных, географических и торговых факторов при решении вопроса о причинах возвышения Московского княжества»²⁹⁰. Наконец, И.И. Смирнов обнаружил в суждениях оппонента «странную непоследовательность»: теорию, предложенную П.П. Смирновым в качестве образца марксистского понимания истории, он охарактеризовал как «очень далёкую» от принципов исторического материализма, которые тот намеревался положить в её основу²⁹¹.

Показательно, что никто из выступавших не оспаривал краеугольного положения марксистско-ленинского учения о развитии производительных сил как основы процесса централизации. Расхождения обнаружились в вопросе о том, как соотнести с данным фактором многообразные явления исторической действительности, не связанные напрямую с формами труда и материальным производством. Камнем преткновения стал подход к пониманию учёными самого принципа материалистического монизма. Решение проблемы предложил К.В. Базилевич: в статье «К вопросу об исторических условиях образования Русского государства»²⁹² он изложил своё видение монистического принципа в виде ответа П.П. Смирнову. К.В. Базилевич писал: «Автор возражает против плюрализма в истории, т.е. против множественности причин. Но исторический плюрализм может

---

²⁸⁹ Там же. С. 53.

²⁹⁰ Юшков С.В. К вопросу об образовании русского государства в XIV – XVI вв. (По поводу статьи профессора П.П. Смирнова) // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 58.

²⁹¹ Смирнов И. О путях исследования Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 27.

²⁹² Базилевич К. К вопросу об исторических условиях образования Русского государства // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 26-44.

быть различным: один он у буржуазных историков, другой – у марксистов. Принципиальная разница между теми и другими заключается в том, что буржуазные историки, изучая множественность причин, не выделяли ведущую причину или выделяли её неправильно, тогда как марксисты рассматривают эту множественность в единстве исторического процесса, в основе которого лежит развитие производительных сил человеческого общества»²⁹³.

Таким образом, к середине 1940-х гг. среди историков обозначились два условных лагеря в связи с трактовкой одного из коренных положений марксистского учения. Сторонники первого выступали приверженцами монофакторного подхода в оценке движущих сил государственного строительства, представители второго (более многочисленные) склонялись к положению о взвешенном сочетании различных движущих сил в истории. При этом и те, и другие однозначно определяли себя историками марксистского толка и стремились к легализации своих выводов через отсылки к идеям, закреплённым в сочинениях Маркса – Ленина – Сталина.

Приверженцы сведения внутренней логики процесса централизации к действию единственного фактора оказались в очевидном меньшинстве. В 1920-е гг. влиятельным сторонником такого подхода являлся М.Н. Покровский, отстаивавший теорию торгового капитала. Того же рода оказались воззрения П.П. Смирнова. Однако его теоретический демарш с попыткой обвинить в ненаучности коллег-медиевистов встретил единодушный отпор²⁹⁴. Это выступление дало повод критически оценить имеющиеся в отечественной историографии наработки, ещё далеко отстоявшие от создания законченной теории русского централизованного

---

²⁹³ Там же. С. 36.

²⁹⁴ И.И. Смирнов отмечал, что та теоретическая схема, которую подверг нападкам П.П. Смирнов в своей статье, есть «результат коллективной работы советских историков, нашедшей своё выражение прежде всего в вышедших учебниках для начальной, средней и высшей школы, а также в многочисленных коллективных обсуждениях и дискуссиях по вопросу о Русском централизованном государстве». (Смирнов И. О путях исследования Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 44.)

государства. В редакционной (без авторства) статье «Вопросов истории» (№ 11-12 от 1946 г.) концепция П.П. Смирнова была названа порочной в своей методологической основе. Указывалось, что учёный «искажает исторические факты, пытаясь втиснуть их в прокрустово ложе своей надуманной и ошибочной схемы»²⁹⁵. Не обошлось и без сравнения с М.Н. Покровским, что с учётом известных обстоятельств, служило практически уничижающей характеристикой. Позже А.М. Панкратова определила подход П.П. Смирнова как «вульгарно-материалистическую точку зрения, богдановщину»²⁹⁶. В целом, отповедь, которую получили воззрения П.П. Смирнова, показывает произошедшую консолидацию ведущих исследователей в части исходных методологических позиций. Не отказываясь от постулата о главенствующем значении развития производительных сил в механике исторического процесса, историки находили нужным сделать упор на множественности сопутствующих обстоятельств (география, торговля, внешняя угроза и т.д.), без учёта которых представлялось невозможным положительно решить вопрос о подлинных причинах складывания русского централизованного государства. Дискуссия 1946 г. оживила работу в этом направлении, стала своего рода смотрам теоретического арсенала советской марксистской науки.

Подведём итог. В ходе борьбы за утверждение марксистского метода, развернувшейся в отечественной исторической науке после революции и испытавшей новый подъём с конца 1930-х гг., научным сообществом был наработан комплекс идейно-теоретических положений, позволивший приблизиться к построению марксистской теории русского централизованного государства. Учёные-медиевисты усвоили комплекс опорных идеологем, определивших трактовку исторического процесса в духе диалектического материализма, партийности и советского патриотизма. Данные идеологемы стали узловыми точками идейно-

---

²⁹⁵ Об образовании централизованного русского государства (к итогам дискуссии) // Вопросы истории. 1946. № 11-12. С. 5.

²⁹⁶ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 85. Л. 16.

воспитательной матрицы, созданной отечественной исторической наукой в тесной спайке с партийно-правительственным аппаратом. Как отмечала А.М. Панкратова, работы В.И. Ленина и И.В. Сталина положили начало новому этапу в развитии исторической науки в СССР²⁹⁷. На этой теоретической основе была выстроена соответствующая дискурсивная модель, позволявшая чётко выражать ключевые смыслы новой исторической концепции.

Освоение марксистского метода советскими историками воплотилось в систему теоретических положений, обеспечивших к середине 1940-х гг. согласованную позицию ведущих исследователей по ряду принципиальных вопросов касательно метода исторического познания. К этому времени в отечественной историографии возобладало представление о плюралистических основаниях исторической действительности, то есть множественности причин, определивших протекание процесса централизации русского государства.

Таким образом, идеи материалистического монизма оказались переплетёнными с теоретическими установками, воспринятыми советскими учёными от предшествующих поколений исследователей. В этом отчётливо прослеживается преемственность научных школ, традиций научной работы. О достигнутом согласии в подходах свидетельствует записка Отделения истории и философии АН СССР от 1952 г. за подписью А.П. Сидорова. Она констатировала, что «Советская историческая и философская науки, опирающиеся на единственно правильный марксистско-ленинский метод познания общественной жизни, направляемые указания Коммунистической партии, добились значительных успехов в разрешении ряда актуальных проблем теории и практики»²⁹⁸. Принятие указанного метода предполагало рассмотрение многообразия общественных отношений в категориях диалектики базиса и надстройки. Единое методологическое основание

---

²⁹⁷ Панкратова А.М. Советская наука за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.; Л., 1942. С. 11.

²⁹⁸ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 220. Л. 2.

было подведено под исследование явлений социальной, экономической, политической и духовной жизни. Бесспорное достоинство марксистской методологии проявилось в системной разработке обширного комплекса вопросов, составляющих полноту исторической действительности. Не только политические институты, но вся ткань культурного бытия русского народа была логически и содержательно встроена в исследование процесса централизации. Д.С. Лихачев отмечал в этой связи: «Трудный процесс создания русского национального государства наложил отчётливый отпечаток на всю русскую культуру конца XIV – начала XVI в. Именно в этот период складывались своеобразные черты русской государственности, русской культуры, русского характера»²⁹⁹.

Работа историков со второй половины 1930-х гг. шла по двум основным направлениям. Во-первых, она была обращена к пересмотру старых теорий – как дореволюционных, так и связанных со школой М.Н. Покровского. По замечанию Б.Д. Грекова, историками-марксистами был произведён «радикальный пересмотр» научного наследия по вопросам о происхождении русского государства³⁰⁰. Во-вторых, в поле научного исследования включались темы, не находившие достаточного отражения в прежней историографической традиции. Это создание марксистской периодизации процесса государственного строительства, разработка теории феодализма и феодальной монархии, изучение динамики и содержания классовой борьбы.

---

²⁹⁹ Лихачев Д.С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (Конец XIV – начало XVI в.). М., 1946. С. 6.

³⁰⁰ Греков Б.Д. Изучение истории СССР за 25 лет // Исторический журнал. 1942. № 10. С. 86.

Глава 2. Проблема периодизации процесса создания русского централизованного государства

В главе исследуется вопрос о периодизации русского централизованного государства в отечественной историографии 1930-х – начала 1950-х гг. Данная проблема рассматривалась учёными как одна из центральных в деле создания марксистской концепции отечественной истории. Выделение этапов складывания государства призвано отразить в концентрированном виде подходы к научному пониманию этого процесса. П.Ф. Баканов писал, что задача историка в этом деле состоит в том, чтобы наметить «правильные вехи периодизации», которые служили бы «наиболее всеобъемлющим показателем внутреннего существа исторического развития»³⁰¹. А.М. Панкратова указывала: «Вопросы периодизации для нас, прежде всего, вопросы мировоззренческого характера. По существу, это вопросы создания основ марксистско-ленинской концепции исторической науки»³⁰². Она же подчёркивала, что решение проблемы периодизации позволяет приблизиться к пониманию законов исторического развития³⁰³. Отсюда видно, сколь высокое значение придавалось данной проблеме в историографии рассматриваемого периода. От её разрешения зависел подход к пониманию внутренней сути исторического процесса. Споры о периодизации были неотделимы от полемики о применении марксистского метода в научной работе.

Полагаем, что вопрос о периодизации складывания централизованного государства заслуживает специального рассмотрения в рамках отдельной главы. Методологическое значение периодизации в том, что она предопределяет понимание

---

³⁰¹ Баканов П. О принципе периодизации и начальном периоде истории СССР капиталистической эпохи // Вопросы истории. 1950. № 2. С. 76.

³⁰² АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

³⁰³ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.

сущности исторических явлений и событий, задаёт логику исследовательской работы в конкретных направлениях. Как отмечал Н.М. Дружинин, «всякая периодизация общеисторического процесса должна охватывать всю полноту социально-экономической, политической и культурной жизни»³⁰⁴. Таким образом, периодизация предоставляет исследователю теоретическую матрицу, предпосылающую принципы дальнейшей работы с выбранным историческим материалом.

§1. Основные подходы и их характеристика

Задачи параграфа: выявить и проанализировать подходы к решению проблемы периодизации создания централизованного государства в историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг., проследить изменения в развитии данных подходов; определить степень и характер влияния идейно-политического фактора на выводы историков; оценить степень конечной проработанности проблемы в исследовательской и учебной литературе названного периода.

Периодизация исторического процесса всегда была важна для историков как инструмент последовательной и систематической организации научного познания. Грамотно выделенные этапы исторического развития общества формируют первичную структуру понимания и теоретического освоения событий прошлого. Потому вопрос о периодизации занял важное место в трудах советских историков с началом работы над созданием новой концепции истории СССР. По словам сотрудника Института истории АН СССР С.И. Якубовской, строго продуманная научная периодизация истории СССР служит необходимым условием для успешного

---

³⁰⁴ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 68. Л. 201.

развития советской исторической науки, а также для правильной организации преподавания в средних и высших учебных заведениях³⁰⁵. И.И. Смирнов указывал: «Периодизация истории СССР, устанавливая основные этапы исторического развития СССР, основные исторические периоды, в смене которых выражается закономерный характер развития общества, подытоживает собою изучение всего процесса исторического развития нашей Родины»³⁰⁶.

Становление централизованного государства было длительным и сложным процессом, растянувшимся более чем на сотню лет. Изучение процесса такой длительности закономерно предполагает его разложение на ряд взаимосвязанных ступеней. Это способствует выявлению ведущих тенденций в массе событий, составляющих единство изучаемого предмета. Благодаря этому, формируется чёткое видение процесса в целом, понимание его сути и закономерностей. Проблема периодизации являлась одной из ключевых для отечественной историографии на всех этапах её развития. Дореволюционная наука даёт примеры различных подходов к периодизации складывания великорусской державы. Ступени государственного строительства выделялись учёными в зависимости от принятой концептуальной модели. С особой наглядностью это проявилось в структуре учебников по отечественной истории. Так, материал учебника Д.И. Иловайского был организован в логике, отражавшей преемственность правящих династий и укрепление монархической власти³⁰⁷. Показательны также «Лекции по древней русской истории» М.К. Любавского, в которых подход к периодизации единого государства отражал идею о зарождении и становлении монархического абсолютизма как идеала

---

³⁰⁵ Якубовская С. К вопросу о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 6. С. 85.

³⁰⁶ Смирнов И. Общие вопросы периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 77.

³⁰⁷ В редакции 1901 г. выделяются такие разделы: V. Возвышение Москвы; VI. Уничтожение уделов и укрепление монархической власти; VII. Прекращение династии Владимира Великого и Смутное время (Руководство к русской истории. Средний курс. Изд. 40-е. Сост. Д. Иловайский. М., 1901. С. 179).

политического устройства общества³⁰⁸. В похожем ключе³⁰⁹ выстроен учебник С.Ф. Платонова³¹⁰. В разгар послереволюционного наступления на «буржуазную» науку историка ругали как «реакционера» и «апологета самодержавия»³¹¹.

Затейная большевиками перестройка науки в русле идей марксистской философии, потребовала теоретического переосмысления прежних схем и подходов к периодизации исторического процесса. Как писала А.М. Панкратова в статье «Вопросы периодизации истории СССР»: «Наша задача заключается в том, чтобы творчески изучить величайшее учение классиков марксизма-ленинизма по вопросам, связанным с периодизацией истории СССР и научиться конкретно применять его в нашей исследовательской работе»³¹². Эта проблема поднималась историками уже в 1920-е гг. Насаждение марксистских постулатов означало возникновение новых ориентиров в исследовательской работе. Русский исторический процесс предполагалось вписать в формационную схему, разработанную на основе фактов западноевропейской истории. Возникшее почти сразу затруднение состояло в том, чтобы получить набор объективных критериев для вычленения общественно-экономических формаций применительно к реалиям собственно русского прошлого. Определение сущности и содержания конкретных формаций с поправкой на местные особенности составляло особое поле полемики в среде отечественных историков уже в 1920-е гг. Изыскания в данном направлении представляли безусловную

---

³⁰⁸ К примеру, в редакции 1915 г. «Лекции» содержат следующие разделы: XVIII. Установление единодержавия в Московской Руси и возвышение значения великокняжеской власти; XIX. Борьба с пережитками удельной эпохи при Иване III и Василии III и установление монархического абсолютизма; XX. Монархический абсолютизм и монархическое боярство с царствование Ивана Васильевича Грозного: разгром боярства и упадок его общественного и политического значения и т.д. (Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1915. С. V.)

³⁰⁹ Фукс А.Н. Отражение концепции отечественной истории в школьном учебнике С.Ф. Платонова // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начала XX века. Воронеж: 1983. С. 34-44.

³¹⁰ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Изд. 9-е. Пг., 1917.

³¹¹ Шмидт С.О. Предисловие // Платонов С.Ф. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1.: М., 2010. С. 11.

³¹² АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 67. Л. 26.

значимость, поскольку обустроивали теоретическую платформу для создания марксистской концепции отечественной истории. Так, в ходе дискуссии в Институте красной профессуры в 1930 г. велись споры о том, что следует считать признаками, характеризующими формацию. В частности С.Д. Кунисский, комментируя звучавшие высказывания, заявил, что общественная формация «есть комплекс общественных явлений, которые проникнуты известным внутренним единством», то есть представляет собой «некое целое»³¹³.

Тогда же историки горячо обсуждали вопрос о том, возможно ли рассматривать в качестве отдельных формаций крепостничество и торговый капитализм³¹⁴. Некоторые авторы предлагали их как промежуточные ступени от феодализма к капитализму. Утверждение единого типологического перечня этапов социально-экономического развития было необходимым условием периодизации истории СССР. Так же и для построения теории централизации русского государства требовалось чётко соотнести данный процесс с конкретной формацией. Задачей учёных было не только логически разметить поле исторических событий, но и дать марксистское обоснование такой разметки.

Одним из первых периодизацию централизованного государства в ключе исторического материализма предложил М.Н. Покровский. Он полагал, что создание государства великороссов приходится на период XVI–XVII вв., объясняя это развитием торгового капитала. Именно тогда, по мнению учёного, возникло и политическое единство великорусской народности³¹⁵. Соответствующие события были отнесены М.Н. Покровским к началу складывания в России буржуазных отношений (как то понимал сам автор). Он писал: «Политическое единство “великорусской народности” мы встречаем лишь в начале XVII века под влиянием экономических условий, много более поздних, чем “уничтожение последних

³¹³ Против механистических тенденций в исторической науке. М.; Л., 1930. С. 154.

³¹⁴ Дискуссия о социально-экономических формациях // Историк-марксист. 1930. № 16. С. 104-161.

³¹⁵ Покровский М.Н. Русская история. М., 1922. С. 169.

уделов». Московское государство XVII было результатом ликвидации феодальных отношений в их наиболее древней форме, а московские князья, до Василия Ивановича включительно, тем менее могли думать о такой ликвидации»³¹⁶.

Опыты М.Н. Покровского в части периодизации оказались не востребованы последующей историографией. Слабым местом его трудов стала малая теоретическая ясность в установлении границ общественных формаций и определении принципов их смены в рамках российской истории. Теоретическое наступление на школу М.Н. Покровского в 1930-е гг. и последовавший её разгром оживили дискуссию о периодизации русского централизованного государства. Обостряясь и затухая, она длилась со второй половины 1930-х до начала 1950-х гг.

Заметную роль в решении проблемы сыграл политический фактор. Как отмечает А.Н. Фукс, «новая концепция истории страны требовала новой периодизации, контуры которой были чётко намечены И.В. Сталиным»³¹⁷. Советский вождь был, безусловно, далёк от академического анализа проблемы. Потому предложенные им тезисы не представляли чёткой научной схемы и не содержали в явном виде указаний на выделение конкретных этапов централизации. Сам И.В. Сталин подчёркивал, что говорил лишь в общем о вопросе образования многонациональных централизованных государств на востоке Европы и о факторах, ускоряющих этот последний процесс³¹⁸. То есть не имел намерения анализировать и оценивать события национальной истории. Тем не менее, в его высказываниях содержались хорошо различимые ориентиры, составившие в итоге теоретический костяк периодизации складывания централизованной державы. Особую значимость имело положение о появлении в Восточной Европе «многонациональных централизованных государств». Этот сталинский тезис был подхвачен историками и

---

³¹⁶ Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. Кн. 1. М., 1966. С. 236.

³¹⁷ Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). М., 2017. С. 299.

³¹⁸ Сталин И.В. Письмо тт. Цветкову и Альпову // Сочинения. Т. 9. М. 1948. С. 178.

развёрнут в чёткую логическую схему. Согласно ей, централизация происходила как объединение русских земель с формированием новых надстроечных институтов, послуживших созданию независимой державы, которая по мере поступательного расширения превратилась в многонациональную политическую общность.

Предложенная И.В. Сталиным формулировка «многонациональное централизованное государство» была прочно встроена в научный дискурс и закрепились в понятийном аппарате исторической науки. В дальнейшем по поводу её трактовки возникли противоречия, суть которых сводилась к выяснению того, было ли государство многонациональным изначально, либо сделалось таковым по мере развития³¹⁹. Данные споры показательны характеризуют историографическую ситуацию изучаемого периода. Они показывают, как постулированию подвергались не только труды покойных классиков марксизма-ленинизма, но и теоретические суждения И.В. Сталина, появлявшиеся одновременно с движением научной мысли и становившиеся неотъемлемой её частью.

Мельком И.В. Сталин обратился к проблеме периодизации русской истории в «Замечаниях» (1934) по поводу проекта школьного учебника группы Н.Н. Ванага. Советский руководитель отметил, что в конспекте «свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены; самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»³²⁰. Сталинская критика не давала конкретного начертания периодизации русской истории, но вместе с тем отражала видение советским руководителем ключевых ступеней исторического процесса. И.В. Сталин, безусловно, считал себя человеком, знающим историю. Показательна

---

³¹⁹ Подробнее об этом см. второй параграф настоящей главы.

³²⁰ Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 40

его беседа с С.М. Эйзенштейном, в ходе которой вождь отчитывал кинорежиссёра за фильм «Иван Грозный», начав с вопроса: «Вы историю изучали?»³²¹.

В «Замечаниях» И.В. Сталин «подсказал» учёным смысловые ориентиры дальнейшей работы. Выдвинутые им понятия «самодержавие», «феодализм» и «раздробленность» стали частью дискурса о русском централизованном государстве и отразились в структуре его периодизации. Однако решение научной проблемы требовало чёткого выделения исторических периодов. Главнейшей задачей в этой связи являлось определение оснований (принципов) периодизации. От этого зависело, в каком ключе будут трактоваться конкретные явления, события и процессы. Формационная теория рассматривает историю как прогрессивный процесс поступательной смены социальных систем – общественно-экономических формаций. Такая схема была усвоена исторической наукой, однако нуждалась в согласовании с конкретным историческим материалом. В частности, исследователям предстояло дать ответ на вопрос, какому формационному типу соответствовало русское государство в период централизации.

В марксистском понимании исторический процесс разделялся на следующие ступени: первобытный коммунизм, рабовладельческое общество, феодализм, капитализм, коммунизм³²². Попытки расширить этот перечень дополнительными формами провалились к началу 1930-х гг. Основным фактором перехода от одной ступени к другой признавалось развитие производительных сил общества. Особый вес этому положению придавали суждения И.В. Сталина, изложенные в Кратком курсе истории ВКП(б), учившем о главенствующей роли способа производства материальных благ в деле общественного развития³²³. Этот тезис был безоговорочно принят историками и широко применялся при выработке периодизации истории СССР.

---

³²¹ Марьямов Г.Б. Кремлёвский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 84.

³²² Разумовский И. Формация общественно-экономическая // БСЭ. Т. 58. М., 1936. С. 210-223.

³²³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 114.

В борьбе с подходами «буржуазных» историков, советские учёные отказались от принятых прежде критериев периодизации, предполагавших ориентацию на личность правителя, смену форм организации государственной власти, либо перемены в экономических отношениях. Кардинальным отличием марксистского подхода стало применение принципов диалектического материализма. Историками были усвоены тезисы о взаимной обусловленности базисных производственных отношений и надстройки в форме политических институций. Историки-марксисты видели в этом возможность уйти от однобокости в освещении прошлого и дать комплексную оценку исторической действительности. Н.М. Дружинин подчёркивал, что периодизация общеисторического процесса должна охватывать всю полноту социально-экономической, политической и культурной жизни, как она отражается в основных явлениях исследуемого исторического времени³²⁴. Сообразно такой установке периодизация русского централизованного государства предполагала широкое, многостороннее освещение жизни народа с выявлением и обобщением характерных её черт, которые позволяли бы типологически выделить массив явлений и событий в качестве полноценного исторического периода.

Каждая ступень становления централизованного государства требовала чёткого названия, концентрированно отражающего суть соответствующего периода. В связи с отказом от наивного понимания исторической динамики как череды сменяющих один другого правителей историкам требовалось новое дискурсивное освоение этапов исторического процесса. Сделать это было необходимо в контексте выявления особенностей общественно-политического развития общества. Понятия, применяемые для описания выбранного периода, должны были корреспондировать с типологическими особенностями соответствующей формации.

---

³²⁴ Дружинин Н. О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 90.

Первым примером периодизации истории СССР после разгрома концепции М.Н. Покровского служит школьный учебник А.В. Шестакова (1937). С ним, по выражению передовицы «Правды», советская школа получила «твёрдое и надёжное пособие для политического воспитания будущего советского гражданина»³²⁵. В труде группы А.В. Шестакова были учтены нарекания И.В. Сталина к предшествующим проектам. В структуре учебника выделены первобытно-коммунистическая, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая формации и социализм (как первая ступень коммунистической формации)³²⁶. В рамках освещения феодального периода авторы специально выделили проблему создания русского централизованного государства. Вопрос о его периодизации был решён разделением процесса на два этапа: 1) создание русского национального государства и 2) расширение русского государства³²⁷.

Учебная литература, созданная в дальнейшем, несла в себе черты описанной схемы. В учебнике А.М. Панкратовой для 8-го класса материал был организован в той же логике. Вопросу были посвящены соответственно разделы: «Создание русского национального государства» (включал главу XII «Княжение Ивана III и Василия III») и «Расширение русского государства и превращение его в многонациональное государство» (включал главу XIII «Царствование Ивана IV»)³²⁸. Как видно, в учебнике была акцентирована мысль о стадийном переходе от национального государства великороссов к многонациональной державе. По мысли авторов, это произошло после захватов Иваном IV земель в Поволжье и Закавказье: «Русское государство из национального стало превращаться в многонациональное,

---

³²⁵ Правда. 1937. № 231 (7191). 22 августа.

³²⁶ Шестаков А.В. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 87.

³²⁷ Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 33-42.

³²⁸ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1940.

то есть состоявшее из разных народов»³²⁹. Данная схема воспроизводилась в переизданиях учебника вплоть до начала 1950-х гг.³³⁰

Формулировки учебника для средней школы в большей мере соответствовали духу сталинских указаний, согласно которым на востоке Европы государства образовывались как смешанные, объединявшие несколько народов до их складывания в нации³³¹. Очевидно стремление авторов привести собственные формулировки в большее соответствие посылкам советского руководителя, успевшим к исходу 1930-х гг. сделаться каноничными³³². Предложенная схема отвечала также требованиям Постановления СНК и ЦК ВКП(б) о том, что преподавание гражданской истории должно содержать не только изложение событий и фактов, но и «характеристику исторических деятелей»³³³. Последнее требование было реализовано в приведённых названиях глав. Они как будто превращали фигуры правителей в точку смысловой фокусировки в ходе изложения материала. Такое методическое решение контрастировало со стремлением к обезличиванию истории, присущим школе М.Н. Покровского. Таким образом, учебник М.Н. Панкратовой не только продолжил, но и развил подход группы А.В. Шестакова к периодизации образования централизованного государства. Книга выдержала немало переизданий: в 1953 г. она была напечатана в 12-й раз.

Похожий подход к периодизации централизованного государства был реализован в учебниках для высших учебных заведений. 1-й том «Истории СССР» с древнейших времён до конца XVIII в., адресованный студентам исторических

---

³²⁹ Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 39.

³³⁰ см. например: История СССР: учебник для VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1943.

³³¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 34.

³³² Тихомиров Н.В. Отражение процесса централизации Русского государства в школьных учебниках истории конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 4. С. 404.

³³³ К изучению истории. М., 1937. С. 18.

факультетов (1939), содержал раздел «Феодальное абсолютистское государство», состоящий из трёх глав: «Образование Русского государства при Иване III», «Усиление Русского государства при Василии III (1505–1533 гг.)» и «Начало превращения Русского государства в многонациональное централизованное государство в XVI в.»³³⁴ В таком варианте периодизация получила важное дополнение: два крупных периода – правление Ивана III и Василия III – были разделены в смысловом отношении по принципу преемственности. Первый был интерпретирован как время появления централизованного государства, а второй – как время его укрепления, сопряжённый с усилением централизованных начал. Авторы придавали большое значение роли Ивана III: при нём «в конце XV и начале XVI в. начал складываться централизованный государственный порядок, что имело большое значение для укрепления государственного единства»³³⁵. Особое внимание уделялось царствованию Ивана IV, которое характеризовалось как «решающий момент в истории оформления централизованного феодального государства»³³⁶.

В течение 1940-х гг. смысловые акценты, расставленные в первых учебниках, сохранялись и переносились в различные вспомогательные издания. К примеру, раздел «Феодальная монархия в России во 2-й пол. XV–XVII вв.» появился в структуре списка рекомендованной литературы для студентов и преподавателей, изданного в 1941 г.³³⁷ В нём находим подразделы с характерными названиями: «Образование русского национального государства» и «Расширение русского национального государства и превращение его в многонациональное государство в XVI в.»³³⁸. Та же тенденция отражена в методических рекомендациях о преподавании истории в условиях Великой Отечественной войны (1942). В

---

³³⁴ История СССР. Т. I. С древнейших времён до конца XVIII в. М., 1939. С. 786.

³³⁵ Там же. С. 281.

³³⁶ Там же. С. 301.

³³⁷ История СССР с древнейших времен до конца XIX в. Список рекомендованной литературы и основных пособий. М., 1941.

³³⁸ Там же. С. III.

предложенной трактовке, русское государство конца XV в. являлось национальным великорусским³³⁹. Начало его превращения в многонациональную державу связывалось с «успешной борьбой за Поволжье» царём Иваном IV³⁴⁰. Та же логика прослеживается в структуре 1-го тома «Хрестоматии по истории СССР» (1951), составленной М.Н. Тихомировым, В.И. Лебедевым и В.Е. Сыроечковским. Заглавия тематических разделов воспроизводят устоявшуюся схему: «Образование русского национального государства» и «Начало превращения Русского государства в многонациональное централизованное государство в XVI веке»³⁴¹.

Тот же подход использовали авторы научно-популярной литературы. Таков коллективный труд «Наша великая Родина», вышедший вскоре после войны³⁴². В нём сохранилась идея о превращении русского государства в многонациональное в середине XVI в.: «Народы Поволжья, ранее покорённые татарами, стали теперь подданными Русского государства. Включив в свой состав нерусские национальности, Русское государство превращалось в многонациональное государство»³⁴³.

Приведённые примеры показывают высокое влияние в исторической науке исследуемого периода взглядов А.В. Шестакова, С.В. Бахрушина и К.В. Базилевича – соавторов первых учебников для школы и вузов, непосредственно участвовавших в написании разделов об образовании русского централизованного государства. С конца 1930-х гг. по середину 1950-х гг. в историографии оформилась и закрепились теоретическая схема, отражавшая опорные представления марксистской теории о содержании и динамике общественно-политических процессов на Руси в XIV–XVI

---

³³⁹ Баевский Д.А., Греков Б.Д., Додонов И.К., Бахрушин С.В. Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Вып. 4. Ташкент, 1942. С. 37

³⁴⁰ Там же. С. 45

³⁴¹ Хрестоматия по истории СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. Изд. 4-е. М., 1951. С. 539.

³⁴² Михайлов Н., Панкратова А., Волин Б., Карпинский В. Наша великая Родина. М., 1946.

³⁴³ Там же. С. 129.

вв. Устойчивость понятийного аппарата, использованного авторами разного времени свидетельствует о теоретической преемственности в работе советских учёных. Это не означает, впрочем, отсутствия разногласий внутри сообщества историков. Так, после выхода второго издания вузовского учебника В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова и С.В. Бахрушина (1948)³⁴⁴ он был подвергнут критике на учёном совете Института истории АН СССР в декабре того же года. Одно из нареканий было связано именно с периодизацией. Как отметил Н.Л. Рубинштейн, с ней в учебнике «не всё благополучно: нет необходимой чёткости». По мнению выступавшего, это было вызвано тем, что «у нас нет ещё единой точки зрения по вопросу о периодизации, и наши разногласия нашли своё отражение в учебнике»³⁴⁵.

Другим примером служит вышедшая в том же году (1948) вторая редакции 1-й части учебника «История СССР» для неисторических вузов (с древнейших времён до 1861 г.) Книга содержала специальный раздел «Создание русского централизованного государства и установление самодержавия». Входившие в его состав главы (XI–XV), посвящённые периоду централизации, были написаны М.Н. Тихомировым – на тот момент деканом истфака МГУ. В части хронологии данный труд не выходил за устоявшиеся рамки: оформление централизованного государства ограничивалось XV – второй половиной XVI вв. Однако примечательно, что на структурном уровне автор подчёркнуто обезличил исторический процесс: в названиях разделов и глав отсутствовали упоминания о выдающихся русских правителях, что отличало работу от прочих учебников данного времени³⁴⁶.

Надо отметить, что именно от М.Н. Тихомирова прежде исходили критические замечания по поводу «нечёткости» периодизации в упоминавшемся учебнике для

---

³⁴⁴ История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., 1948.

³⁴⁵ О втором издании первого тома учебника по истории СССР // Вопросы истории. № 3. 1948. С. 150.

³⁴⁶ Тихомиров М.Н., Дмитриев С.С. История СССР. Т. I. С древнейших времён до 1861 г. М., 1948.

исторических факультетов³⁴⁷. Характерно, что учебник самого М.Н. Тихомирова подвергся разгромной критике сразу после выхода в свет. На заседании кафедры истории СССР истфака МГУ автора уличили в неверной периодизации эпохи феодализма, а также в превратных оценках русских правителей³⁴⁸.

Итак, работа над учебниками для школы и вуза имела большое теоретическое значение для выстраивания периодизации исторического процесса. Отечественная наука обрела чёткую платформу, оформившую структурно-смысловой задел для решения проблемы периодизации создания централизованного государства. Модель, предложенная в 1937 г. группой А.В. Шестакова, получила высокую оценку историков и официальное одобрение партийно-государственного руководства. В рамках большого периода, связанного с процессом централизации, были выделены две ступени государственного строительства: 1) территориальное сосредоточение и формирование институциональных основ единой державы; 2) её укрепление и дальнейший рост. Характерно, что обе ступени удачно поддавались персонализации (корреспондировали с образом соответствующего правителя), что сближало советскую историографии модель периодизации с дореволюционными образцами.

Последующая работа историков по решению конкретных исследовательских проблем велась с опорой на теоретические достижения, отражённые в первых стабильных учебниках. Намеченные ими принципы периодизации внутри феодальной формации получили развитие в научных трудах 1940-х – начала 1950-х гг. В монографической литературе вопрос о периодизации централизованного государства встречается в разной степени проработанности. Трудов, специально посвящённых политической централизации на Руси, за это время подготовлено немного. В работах на смежную тематику картина поступательного оформления

---

³⁴⁷ О втором издании первого тома учебника по истории СССР // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 147.

³⁴⁸ Ковеля В.В. История одного учебника: эпизод из научной деятельности М.Н. Тихомирова // Археографический ежегодник. М., 2016. С. 166.

державы дана в общих чертах. В капитальном труде В.В. Мавродина «Образование русского национального государства» (1941)³⁴⁹ рассмотрены события со времени феодальной раздробленности до объединения земель северо-востока Иваном III. В работе чётко прописана схема разворачивания процесса централизации. События периода 1425–1453 гг. характеризуются как «последний бой» отживающего удельно-вотчинного строя и «зарождающегося централизованного государства»³⁵⁰. Основоположником последнего представлен Василий Тёмный, при котором «укреплялся новый политический строй, зарождалась централизованная сильная власть»³⁵¹. После происходит складывание великорусского государства при Иване III и его укрепление при Василии III. Наконец, в XVI в. при Иване Грозном окончательно укрепляется централизованное государство с абсолютной монархической властью, подавляются попытки бояр и князей реставрировать удельные порядки»³⁵². В.В. Мавродин особо выделяет положение о происходившем тогда же преобразовании национальной державы в многонациональную³⁵³.

Таким образом, автор последовательно воспроизвёл в основных чертах схему Шестакова–Панкратовой с необходимым учётом сталинских постулатов. Тем не менее, по вопросу о многонациональности русского государства В.В. Мавродин сделал примечательную оговорку. По утверждению учёного, в правление Ивана III, то есть во время своего становления «Русское национальное государство несло уже в себе черты многонационального государства во главе с правящими классами великорусской национальности»³⁵⁴. Такое уточнение, по всей видимости, понадобилось для обоснования преемственности дальнейшего процесса перерастания национального политического образования в многонациональное.

---

³⁴⁹ Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Изд. 2-е. М., 1941.

³⁵⁰ Там же. С. 110.

³⁵¹ Там же. С. 120.

³⁵² Там же. С. 132.

³⁵³ Там же. С. 134.

³⁵⁴ Там же. С. 136.

Поздняя работа В.В. Мавродина «Образование единого русского государства» (1951)³⁵⁵ представляет существенно дополненный и уточнённый текст монографии 1941 г. В ней прежняя схема периодизации воспроизведена без изменений: правление Ивана III привело к «созданию единого государства, ликвидации уделов и успешной обороне Русской земли»; в свою очередь Иван IV дал «последний бой» старым порядкам, присущим времени феодальной раздробленности³⁵⁶.

К.В. Базилевич в лекциях для слушателей Высшей партийной школы в 1940 г. изложил процесс образования русского государства сообразно той же схеме. Материалы выступлений были напечатаны отдельными брошюрами, а через несколько лет обобщены в едином издании³⁵⁷. Названия лекций в точности воспроизводят названия разделов учебника А.М. Панкратовой, вышедшего в том же году: «Образование русского национального государства» (лекция 11)³⁵⁸ и «Расширение русского национального государства и превращение его в многонациональное» (Лекции 12 и 13)³⁵⁹. Позднее К.В. Базилевич подготовил учебно-методическое пособие «Образование русского национального государства. Иван III» (1946). Главным итогом правления великого князя было названо появление в конце XV в. «сплочённого сильного государства»³⁶⁰. В то же время автором делалась оговорка, что Ивану III лишь «удалось создать прочное основание для развития централизованного государственного порядка», осуществление которого в полной мере было достигнуто «при его ближайших преемниках»³⁶¹. Наконец, в фундаментальной монографии 1952 г. историк прямо говорил о

---

³⁵⁵ Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951.

³⁵⁶ Там же. С. 311.

³⁵⁷ Базилевич К.В. История СССР. От древнейших времён до конца XVII века. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1949.

³⁵⁸ Базилевич К.В. Лекция 11. Образование русского национального государства. Стенограмма лекции, прочитанной 20 декабря 1939 г. М., 1940.

³⁵⁹ Базилевич К.В. Лекции 12 и 13. Расширение русского государства и превращение его в многонациональное. Стенограмма лекций, прочитанных 21 и 27 декабря 1939 г. М., 1940.

³⁶⁰ Базилевич К.В. Образование русского национального государства. Иван III. М., 1946. С. 38.

³⁶¹ Там же. С. 48.

«молодом Русском централизованном государстве», сложившемся к концу XV столетия³⁶². Однако в контексте изложения чётко прослеживается мысль о незавершённости централизации, открытости процесса государственного строительства после Ивана III. Характерна авторская оговорка о том, что к началу XVI в. «политическая раздробленность русских земель была в основном преодолена»³⁶³. Такая формулировка указывает на логическую необходимость следующей, завершающей, ступени централизации.

В указанных сочинениях ни В.В. Мавродин, ни К.В. Базилевич не останавливаются специально на анализе правления Ивана IV, хотя коротко упоминают о его значимости в деле государственного строительства. Между тем, с начала 1940-х гг. представления о царствовании Ивана Грозного как о поворотном этапе отечественной истории укрепляются в советской историографии. Этому способствует подъёмом своеобразного культа первого русского царя. Так, С.В. Бахрушин в трудах, посвящённых Ивану IV, не единожды подчёркивает, что процесс централизации невозможно полагать окончанным при Иване III. В книге «Иван Грозный» (1942) он пишет: «государство, возникшее на переломе между XV и XVI вв., отнюдь не может считаться централизованным в полном смысле этого слова»³⁶⁴ в силу не изведённых ещё пережитков удельной раздробленности. Тот же тезис повторен в переиздании названного труда (1945): «трудно ещё говорить о какой-либо в то время законченной системе централизованного управления»³⁶⁵.

С.В. Бахрушин участвовал в подготовке материалов для 1-го издания БСЭ. Им написана статья «Московское государство», в которой временные границы данного феномена определены от конца XV до XVIII вв.³⁶⁶ Складывание основ

---

³⁶² Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. С. 11.

³⁶³ Там же. С. 18.

³⁶⁴ Бахрушин С.В. Иван грозный. М., 1942. С. 7.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Бахрушин С.В. Московское государство // БСЭ. Т. 40. М., 1938. С. 451.

государственной системы учёным отнесено ко 2-й половине XV – началу XVI вв.³⁶⁷ В исторической науке взгляды С.В. Бахрушина были востребованы долгое время. Об этом свидетельствует переиздание учебников, подготовленных с его участием, а также издание статей и монографий, осуществлённое после кончины историка. В посмертной публикации (1954) читаем: «В конце XV – начале XVI в. сложилось единое централизованное Русское государство (Великое княжество Московское), объединившее всю территорию, населенную русским народом»³⁶⁸.

С трактовкой С.В. Бахрушиным исторического значения эпохи Ивана Грозного была согласна М.В. Нечкина – автор статьи о первом русском царе в 1-м издании БСЭ. По её утверждению, в результате реформ 1549–1556 гг. «новый порядок местного управления заменял прежнюю раздробленную феодальную администрацию централизованным аппаратом, подчиненным центральной власти; прежде расплывавшиеся и оседавшие в руках бояр-кормленщиков средства теперь сосредоточивались в руках ответственных чиновников и притекали в Москву»³⁶⁹. Таким образом, М.В. Нечкина примыкала к общему мнению о царствовании Ивана IV как особом периоде становления русского централизованного государства.

В том же ключе проблему временных границ решал И.И. Смирнов. В сочинении «Иван Грозный» (1944) он писал о XV и XVI вв. русской истории как об «эпохе возникновения и формирования национального государства, пришедшего на смену феодальной раздробленности удельных времён»³⁷⁰. П.А. Садиков также полагал правление Ивана IV завершающим этапом централизации. По его наблюдению, «в опричных репрессиях исчезли остатки феодальной раздробленности, и Московское царство становилось централизованным

---

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV–XVII вв. М., 1954. С. 258.

³⁶⁹ Нечкина М.В. Иван Грозный // БСЭ. Т. 27. М., 1933. С. 327.

³⁷⁰ Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944. С. 8.

государством с сильной монархической властью во главе»³⁷¹. Б.Г. Верховень в монографии, посвящённой Ивану Грозному (1939), проводил мысль о централизации как процессе большой исторической длительности, подчёркивая преемственность политики московских правителей. В его трактовке начало централизация почти совпадает со становлением княжеского рода Даниловичей: уже Иван Калита «своей политикой собирания земли русской и укрепления московского княжества положил начало образованию русского национального государства»³⁷². Н.И. Шатагин в труде «Русское государство в первой половине XVI века» (1941) использовал устоявшуюся схему периодизации, предложив собственные уточняющие характеристики деятельности трёх московских правителей. При Иване III возникает «могущественное по тому времени русское государство»³⁷³. Василий III произвёл разгром боярской оппозиции (при нём самодержавие «торжествовало»), но не добился полного её истребления: та, «притаившись, ждала удобного случая для нового выступления»³⁷⁴. Оно произошло при Иване IV, которому в завязавшейся борьбе «удалось обеспечить победу самодержавия»³⁷⁵.

Как видно, хронологическая рамка процесса централизации была практически единообразно представлена в трудах советских историков. Установленный временной отрезок имел значительную, более чем вековую, продолжительность. Положение о незавершённости процесса централизации к началу XVI в., его растянутости до второй половины столетия, в разных формулировках отражено в монографиях и статьях 1940-х – начала 1950-х гг. Косвенно данная тема затронута Б.Д. Грековым в труде «Главнейшие этапы в истории крепостного права в России» (1940). Учёный писал: «Вторая половина XV и первая половина XVI века есть время

---

³⁷¹ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М. ; Л., 1950. С. 63.

³⁷² Верховень Б.Г. Россия в царствование Ивана Грозного. М., 1939. С. 4-5.

³⁷³ Шатагин Н.И. Русское государство в первой половине XVI века (Очерки из политической истории Руси в первой половине XVI века). Свердловск, 1941. С. 42

³⁷⁴ Там же. С. 64.

³⁷⁵ Там же. С. 126.

больших хозяйственных и политических успехов русского народа. Это время созидания централизованного Русского государства, время ликвидации самостоятельности русских феодальных княжеств»³⁷⁶. И далее: «Нам хорошо известно, что великокняжеская, а потом царская власть в централизованном Русском государстве крепла, успешно борясь с феодальной раздроблённостью. Этот рост был результатом долгой, упорной и в конечном счете победоносной борьбы со знатью светской и церковной»³⁷⁷. Следуя в русле марксистской парадигмы, усиленной теоретическими указаниями И.В. Сталина, исследователь сопрягал процесс государственного строительства с изменениями в сфере аграрных отношений. «Борьба за землю заполнила собою вторую половину XV и значительную часть XVI века», – резюмировал историк³⁷⁸.

Труды Б.Д. Грекова имели огромное значение для исследователей докапиталистической эпохи. Учёный принимал участие в написании учебника по истории для вузов, то есть был напрямую причастен построению периодизации отечественной истории. Проблема развития производительных сил в деревне, развития эксплуатации крестьянства рассматривалась историками как стержневая в контексте разысканий об общественно-политических отношениях в феодальную эпоху. Потому выводы Б.Д. Грекова во многих отношениях служили отправной точкой для формирования научных представлений об периодизации русской истории эпохи феодализма.

Значимость «крестьянской» темы для периодизации была обусловлена теоретическими изменениями послереволюционной историографии. Среди прочего, это связано со сдвигом научно-исследовательских приоритетов. И.И. Смирнов так описывал произошедшие трансформации: «Марксистская история крепостного права в России означала коренное изменение направления в изучении вопроса,

---

³⁷⁶ Греков Б.Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М. ; Л., 1940. С. 25.

³⁷⁷ Там же. С. 41.

³⁷⁸ Там же. С. 42.

принципиально иной новый подход к проблеме. Суть этой новой, марксистской постановки вопроса заключалась в том, что изучение крепостного права в России переставало быть исследованием отдельных правовых норм (или их совокупности) и причин, эти нормы породивших, а превращалось в изучение общественного строя древней Руси как строя крепостнического, феодального. «Крепостное право» переставало, таким образом, быть самодовлеющей целью исследования, а превращалось лишь в юридическое выражение социально-экономических, феодально-крепостнических отношений древней Руси»³⁷⁹. Таким образом, процесс государственного строительства понимался как содержательно связанный с развитием крепостничества. Для уточнения периодизации русской истории немалое значение имели исследования об эволюции сельского хозяйства и ремесла. Отечественным историкам удалось проследить процессы, протекавшие в отдельных производственных областях, и сформировать законченное представление об их исторической динамике. Уже в середине 1930-х гг. Б.Д. Греков характеризовал XV в. как «время, когда ясно наметились итоги нового этапа в истории русского феодализма, когда разрозненные феодальные княжества слились в Московское государство»³⁸⁰.

Б.А. Рыбаков в труде «Ремесло древней Руси» выделил несколько значимых вех в развитии ремесленных отношений, привязав их к важнейшим этапам политического развития русских земель. Он соотнёс переломные моменты русской истории с конкретными датами: 1240 г. «разделяет два периода в истории русской культуры»; 1462 г. – начало княжения Ивана III открывает эпоху, «переломную во всех отношениях»³⁸¹. В целом, постулат о «переломном» характере правления Ивана III не вызывал разногласий в среде историков.

---

³⁷⁹ Смирнов И.И. Проблемы крепостничества и феодализма в советской литературе // Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М. ; Л., 1942. С. 94.

³⁸⁰ Греков Б.Д. Известия академии истории материальной культуры. Вып. 72. М.; Л., 1934. С. 88-89.

³⁸¹ Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 695.

В марте 1941 г. под редакцией А.В. Шестакова вышел сборник «Очерки по истории СССР: Часть II. Феодално-крепостнический период истории СССР», обобщивший труды историка, печатавшиеся ранее в периодических изданиях. Книга содержала разделы, посвящённые вопросам политической централизации Руси: «Феодальная монархия при Иване III и Василии III» (раздел III) и «Расширение русского государства и превращение его в многонациональное» (раздел IV)³⁸². Логика организации материала сохранила вид, предложенный в учебнике для начальной школы (1937). Согласно выводам автора, при Иване III и Василии III была окончательно ликвидирована феодальная раздробленность и укреплен аппарат централизованной государственной власти³⁸³, а в царствование Ивана IV «продолжалась борьба за укрепление и расширение русского государства», которое превращалось из национального в многонациональное³⁸⁴.

В 1942 г. А.М. Панкратова подготовила крупную обзорную статью для сборника, посвящённого 25-летию исторической науки в СССР, в которой остановилась на вопросе периодизации складывания централизованного государства. «В развитии русского феодализма, – писала А.М. Панкратова, – устанавливаются теперь более отчетливые грани между периодом феодальной раздробленности и периодом феодально-самодержавного строя. При Иване III уже создается Русское национальное государство, а при Иване IV “собрание” земель завершается, оформляется централизованное Русское государство»³⁸⁵. Таким образом, схема периодизации, предложенная создателями школьных учебников, за несколько лет прошла апробацию и переместилась в крупные академические труды.

---

³⁸² Очерки по истории СССР. Ч. 2. Ташкент, 1941.

³⁸³ Там же. С. 103.

³⁸⁴ Там же. С. 117.

³⁸⁵ Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.; Л., 1942. С. 18.

Это свидетельствует о сложившемся в сообществе историков согласии по части начертания периодизации создания русского централизованного государства.

Анализ научных трудов 1940-х гг. показывает единство мнений о времени начала и окончания данного процесса. В монографиях и статьях воспроизводится набор положений, образовавших теоретический основу периодизации складывания единого русского государства. Авторы единодушны в трактовках периода конца XV – начала XVI вв. как этапа, на котором были заложены политико-правовые основы государства. Такое же согласие заметно в оценках середины – 2-й половины XVI в. как точки невозврата в борьбе пережитками удельной раздробленности. Те же положения сохранились в научной литературе 1-й половины 1950-х гг. Это период выхода фундаментальных монографий и обобщающих коллективных трудов, отражавших результаты многолетней работы историков над проблемой образования русского централизованного государства.

Л.В. Черепнин в труде «Основные этапы развития феодализма в России» рассмотрел становление централизованного государства как неотъемлемую часть процесса развития феодализма в России. Он опирался на схему, включавшую три главных ступени в развитии феодальных отношений: 1) становление феодального типа производства; 2) расцвет феодализма и 3) его упадок³⁸⁶. Период XV–XVI вв. автор описывал как «время сложившегося, развитого феодализма»³⁸⁷. Ему предшествовал подъём трудовой деятельности народных масс, благодаря которой были преодолены бедственные последствия монгольского разорения, усилены начала политической централизации. Таким образом, с конца XV и в XVI вв. Л.В. Черепнин констатировал протекание процесса «укрепления централизованного государства»³⁸⁸. Сходная позиция отражена в сборнике «Очерки истории СССР XIV–XV вв.» (1953). Согласно представленным в нём выводам, образование русского

---

³⁸⁶ Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодализма в России. М., 1955. С. 6.

³⁸⁷ Там же. С. 13

³⁸⁸ Там же. С. 22.

централизованного государства произошло в годы правления Ивана III. В главе первой читаем: «Период XIV–XV вв. – это время объединения земель северо-восточной Руси вокруг Москвы как политического и культурного центра, время образования русской (великорусской) народности и постепенного складывания Русского централизованного государства»³⁸⁹.

Можно заметить, что в названных работах образование государства чётко отделено от проблемы собирания русских земель вокруг Москвы. Последнее не наделялось авторами самостоятельной значимостью. В центре внимания оставалось формирование политико-правового аппарата московских князей, сделавшегося ядром централизованной государственной системы. Территориальная консолидация северо-востока выступала скорее условием этого процесса, нежели его содержанием.

Итак, теоретическая схема периодизации складывания централизованного государства была в основном принята научным сообществом к началу 1940-х гг. Она включала три основных ступени: создание государства в правление Ивана III, его укрепление при Василии III и завершение централизации при Иване IV. Помимо этого некоторые учёные указывали на возможность включения в периодизацию дополнительных вех. К примеру, Л.В. Черепнин предлагал считать отдельным этапом феодальную войну 2-й четверти XV в. По мнению историка, её значение «как очень серьёзного этапа образования Русского централизованного государства недостаточно оценено в нашей исторической литературе»³⁹⁰. В трудах других исследователей феодальной войне также отводилось видное место. Примером служат наброски С.В. Бахрушина об Иване III³⁹¹. Однако, в отличие от Л.В. Черепнина, никто из ведущих исследователей не придавал указанным событиям значения самостоятельного периода.

---

³⁸⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Ч. II. М., 1953. С. 7.

³⁹⁰ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 136. Л. 43.

³⁹¹ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 333. Л. 3. об.

Особое место в схеме периодизации централизованного государства Л.В. Черепнин отводил крестьянскому восстанию под началом И. Болотникова. Этим событием, по мысли учёного, завершалось время образования и укрепления русской державы, за чем следовал «новый период русской истории»³⁹². Такая точка зрения оказалась мало востребована в историографической традиции 1930-х – начала 1950-х гг. и не стала предметом серьёзного обсуждения в научном сообществе.

К.В. Базилевич некоторое время выдвигал идею об особом периоде в истории русского государства, который он называл «феодалная концентрация». «Для меня кажется необходимым, – писал учёный, – при сохранении единства исторического процесса выделить данный период – конец XIV в. и первую половину XV в. – в качестве исторической ступени к образованию Русского государства. От предшествующего периода он отличается разрушением всей системы “великого княжества Владимирского”, представлявшего собою совокупность русских крупных и мелких феодальных владений под главенством общего “великого князя” <...> От последующего периода, захватывающего вторую половину XV в. и XVI в., данный период отличался отсутствием политического единства и иными формами в организации государственной власти, сохранившей характер феодально-вотчинного управления»³⁹³. Сторонниками учёного в этом вопросе выступали С.В. Бахрушин и Н.Л. Рубинштейн³⁹⁴. Однако предложение К.В. Базилевича не встретило достаточной поддержки в сообществе историков. По мнению критиков, учёный недооценил фактор классовой борьбы, что и выразилось в предложении названного понятия. Как отметил Л.В. Черепнин: «Периодизация, предложенная проф. К.В. Базилевичем, была не совсем удачной, и сам он от него (*понятия «феодалная концентрация»* –

---

³⁹² Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 63.

³⁹³ Базилевич К.В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 42

³⁹⁴ АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Д. 44. Л. 13.

Н.Т.) отказался»³⁹⁵. Оппоненты обратили внимание на то, что категория «концентрация» подразумевает объединение, протекающее спокойно, без конфронтации. «На самом деле, – указывал Л.В. Черепнин, – этот процесс сопровождался серьёзной политической борьбой»³⁹⁶.

На протяжении долгого времени в советской науке не поднимались и не выносились на широкое обсуждение вопросы о теоретических основаниях периодизации отечественной истории, не велась полемика о соответствующих принципах и критериях. В то же время создание концепции истории СССР требовало не только представить в общем виде схему периодизации, но и дать её методологическое обоснование.

§2. Дискуссия о периодизации отечественной истории (1949-1951 гг.)

В параграфе исследуется научная дискуссия о теоретических основаниях периодизации истории СССР. Анализируются позиции участников, полученные выводы, их влияние на развитие научных представлений. Обсуждения происходили в Академии общественных наук при ЦК КПСС, в Институте истории АН СССР, а также на совместных заседаниях кафедр Академии Общественных наук и МГУ³⁹⁷ и освещались на страницах журнала «Вопросы истории». Целью дискуссии было выявить и обосновать марксистских принципов периодизации отечественной истории. Выступления крупных исследователей имели серьёзное значение в том числе для уточнения и согласования позиций историков касавшего периодизации процесса создания централизованного государства.

---

³⁹⁵ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 136. Л. 41.

³⁹⁶ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 136. Л. 41.

³⁹⁷ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 68. Л. 24.

Задачи параграфа: сравнить и проанализировать подходы историков к построению периодизации; выявить основные позиции и спорные положения; установить влияние результатов дискуссии на развитие научных представлений о периодизации складывания русского централизованного государства.

Широкое обсуждение проблемы периодизации истории СССР состоялось в конце 1949 – начале 1951 гг. Важное место в контексте дискуссии занял вопрос об основаниях (принципах) периодизации эпохи феодализма и, в частности, централизованного русского государства. В ноябре 1949 г. К.В. Базилевич выступил с докладом в Академии общественных наук³⁹⁸, в котором предложил схему периодизации истории СССР эпохи феодализма. В её рамках учёный выделил крупный этап, названный им «Возникновение и развитие товарно-денежных отношений (денежная рента) (середина XV – середина XVIII в.)». Внутри него выделялся период «Образования русского централизованного государства и форма феодально-сословной монархии (1453–1572)»³⁹⁹. Одновременно К.В. Базилевич опубликовал в журнале «Вопросы истории» статью «Опыт периодизации истории СССР феодального периода», в которой обосновал собственный подход к периодизации образования централизованного государства. Начало процесса автор относил ко времени правления Ивана III, предлагая «провести хронологическую грань, отделяющую конец феодальной раздробленности от начала образования централизованного государства в середине 80-х годов XV века»⁴⁰⁰. С этого времени до начала XVI в. закладываются основы русской державы, на их основе царь Иван IV довершает централизацию. Деятельность последнего, по мнению автора, придала политической системе ту форму, «которая без значительных изменений сохранилась

---

³⁹⁸ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 68. Л. 6.

³⁹⁹ Там же. Л. 174.

⁴⁰⁰ Базилевич К.В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 74.

до конца XVII в.»⁴⁰¹. Концом данного периода К.В. Базилевич считал «ограничение опричнины после 1572 г.»⁴⁰², искоренившей пережитки раздробленности. Следующую ступень в развитии русского государства историк определил как превращение его из национального в многонациональное. Данный процесс, по мнению К.В. Базилевича, занял время с середины XVI в. по конец XVII в.⁴⁰³.

В качестве опорной конструкции для периодизации учёный предложил три шкалы, основанные на нескольких признаках: 1) развитие производительных сил и производственных отношений; 2) изменения в системе политических институтов; 3) это комплекс исторических явлений, типичных для конкретного исторического периода. Первые две шкалы историк считал основными, поскольку благодаря им прослеживалась содержательная взаимосвязь между общественно-экономическим развитием и установлением определённого политического строя. Третья, «низшая», шкала «должна дать дальнейшую детализацию» исторического процесса⁴⁰⁴. Методика К.В. Базилевича строилась на признании ведущей роли экономических факторов (изменение формы феодальной ренты). В этой связи базисные отношения и были помещены автором в первую, важнейшую, категорию признаков.

В том же номере «Вопросов истории» была напечатана статья Н.М. Дружинина «О периодизации истории капиталистических отношений в России»⁴⁰⁵. Содержательно она не касалась эпохи феодализма, но содержала соображения общеметодологической значимости. По мнению автора, «всякая периодизация общеисторического процесса должна охватывать собой всю полноту социально-экономической, политической и культурной жизни, по крайней мере, в основных, ведущих явлениях каждого исторического этапа. Было бы ошибкой, если

---

⁴⁰¹ Там же. С. 83.

⁴⁰² Там же. С. 86.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Там же. С. 89-90.

⁴⁰⁵ Дружинин Н. О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 90-106.

бы, устанавливая хронологические грани, мы следили исключительно за изменениями хозяйственной жизни: такая периодизация была бы чисто экономической, она не включала бы в себя других сторон исторического процесса, не раскрывала бы обратного воздействия – надстройки на базис, которое всегда учитывалось и подчёркивалось классиками марксизма»⁴⁰⁶. Исходя из этого, учёный провозглашал «классовую борьбу как основной критерия» периодизации исторического процесса⁴⁰⁷.

Тезисы К.В. Базилевича и Н.М. Дружинина определили две теоретические платформы, две группы программных положений. Обе притязали на развитие коренных постулатов исторического материализма и, что также немаловажно, теоретических указаний И.В. Сталина. Ключевое противоречие состояло в том, что следовало признать главным критерием периодизации: развитие производственного базиса (К.В. Базилевич) или обострение классовой борьбы (Н.М. Дружинин). За названными выступлениями последовала серия ответных статей, публиковавшихся «Вопросами истории» на протяжении 1950–1951 гг. В данной дискуссии вам интересны тезисы, так или иначе касающиеся проблемы периодизации образования централизованного русского государства.

С возражениями К.В. Базилевичу выступил С.В. Юшков. Он указал на ошибочность представленной схемы, вызванную отсутствием в ней глубокого анализа развития производительных сил и производственных отношений⁴⁰⁸. Вместо этого, отмечал С.В. Юшков, автор «оперирует только некоторыми экономическими категориями, главным образом, видами феодальной ренты»⁴⁰⁹. Критический посыл касался в целом подхода к периодизации, утвердившегося в научной и учебной

---

⁴⁰⁶ Там же. С. 90.

⁴⁰⁷ Там же. С. 91.

⁴⁰⁸ Юшков С. К вопросу о формах русского феодального государства до XIX в. // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 71.

⁴⁰⁹ Там же.

литературе.⁴¹⁰ Выступление С.В. Юшкова актуализировало давние противоречия между сторонниками идей С.В. Бахрушина и «советскими государствоведами, в частности теоретиками государства и права»⁴¹¹. Фундаментальная ошибка К.В. Базилевича виделась С.В. Юшкову в превратном понимании развития форм политической организации, а именно – в отказе от предлагаемой историками-правоведами концепции перехода от раннефеодальной монархии к сословно-представительной монархии. Эту ступень учёный считал неизбежной для процесса государственной централизации в России⁴¹².

Далее возражения С.В. Юшкова касались установления нижней границы процесса централизации. В отличие К.В. Базилевича, он полагал, что начало складывания централизованного государства «несомненно, надо связать со временем Ивана Калиты, а конец – с опричниной Грозного, ликвидировавшей те элементы, которые были носителями феодальной раздробленности»⁴¹³. Отрезок времени, приходящийся на княжения Ивана III и Василия III, представлял, по мнению автора, «не начало и не конец процесса, а один из его этапов»⁴¹⁴. Данное суждение не содержало принципиальной новизны. Положения о преемственности Ивана III деяниям Ивана Калиты высказывались и ранее. К примеру, В.В. Мавродин в труде «Образование Русского национального государства»⁴¹⁵ уделял значительное внимание политическим мероприятиям первых Даниловичей. Однако события того времени историк рассматривал как предпосылки централизации, отмечая, что лишь «к середине XV столетия создались все условия для превращения Московского княжества в Русское государство»⁴¹⁶. Таким образом С.В. Юшков не вполне уместно,

---

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Там же. С. 72.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ Там же. С. 81.

⁴¹⁴ Там же.

⁴¹⁵ Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Изд. 2-е. М., 1941.

⁴¹⁶ Там же. С. 128.

на наш взгляд, пытался апеллировать к событиям начала XIV в. Рассматривать их как логически связанные с государственным строительством при Иване III, безусловно, правильно с точки зрения преемственности, однако видеть в них особый период процесса централизации государства является явной натяжкой. Показательно, что выпад С.В. Юшкова не нашёл сочувствия среди коллег, о чём свидетельствует отсутствие созвучных тезисов в работах как предшествующего, и последующего времени. Таким образом, удар по позициям К.В. Базилевича, С.В. Бахрушина и др. не достиг цели.

Вместе с тем взгляды С.В. Юшкова подвергались критике уже до начала рассматриваемой дискуссии. Примером служит отзыв С.В. Бахрушина на переиздание 1-й части книги С.В. Юшкова «История государства и права» (1947). В отзыве отмечалось, что автор «делает попытку дать периодизацию»⁴¹⁷ России, однако «вопрос об образовании централизованного государства проф. Юшков не додумал до конца»⁴¹⁸. Рецензент отметил несостоятельность попыток учёного связать начало образования государства с деятельностью Ивана Калиты. Он указывал, что советские историки «правильно отделяют “начало объединения северо-восточной Руси” в XIV в. от образования Русского государства в XV в.»⁴¹⁹. «Никак нельзя, – писал С.В. Бахрушин, – эпоху, когда Русская земля была ещё разбита на большое число крупных и мелких княжеств, связывать, как это делает автор, с процессом превращения Русского государства (*так в тексте – Н.Т.*)»⁴²⁰.

Ещё один участник дискуссии, А.А. Зимин, поддержал в целом периодизацию К.В. Базилевича, но высказал замечания по части предложенной методологии. Он отметил недостаточное внимание автора к классовой борьбе. Именно её «могучие взрывы», по мнению А.А. Зимины, «определяют грани важнейших периодов в

---

⁴¹⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 514. Л. 1.

⁴¹⁸ Там же. Л. 2 об.

⁴¹⁹ Там же. Л. 2.

⁴²⁰ Там же.

истории человеческого общества»⁴²¹. Также и переходы между историческими периодами, утверждал автор, «связаны с активной борьбой трудящихся масс»⁴²². В то время как у К.В. Базилевича данный фактор представлял лишь производным от иных форм общественных отношений⁴²³. А.А. Зимин соглашался с оценкой событий конца XV в. как наметивших переход к созиданию централизованного государства. При этом он указывал на обострение в это время классовой борьбы, выразившейся «в движениях городских низов Новгорода во время присоединения его к Москве и псковских смердов в 1483–1486 гг. и особенно в реформационно-гуманистическом движении конца XV – начала XVI века»⁴²⁴. Кроме того учёный видел в 3-й четверти XVI в. время «укрепления многонационального централизованного государства и превращения его в сословно-представительную монархию»⁴²⁵. Здесь налицо солидарность А.А. Зимина со взглядами С.В. Юшкова на проблему динамики форм общественно-политического устройства феодальной России.

Тезис о первостепенности фактора классовой борьбы в марксистской периодизации поддержал П.Я. Мирошниченко. По его мнению, К.В. Базилевич «зачастую недооценивает классовую борьбу»⁴²⁶. Вслед за другими авторами, П.Я. Мирошниченко разделял мнение об особом значении конца XV в. для формирования централизованного государства. Он артикулировал высказанное А.А. Зиминим соображение о том, что причина его создания кроется не только в развитии экономики, но также в межклассовых противоречиях⁴²⁷. Иначе говоря, в упрёк К.В. Базилевичу (и его сторонникам) ставилось неправильное соотношение производственного и классового факторов.

---

⁴²¹ Зимин А. Некоторые вопросы периодизации СССР феодального периода // Вопросы истории. 1950. № 3. С.70.

⁴²² Там же.

⁴²³ Там же.

⁴²⁴ Там же. С. 73.

⁴²⁵ Там же. С. 74

⁴²⁶ Мирошниченко П. По поводу статьи К.В. Базилевича // Вопросы истории. 1950. № 2. С. 90.

⁴²⁷ Там же.

П.Я. Мирошниченко пошёл и дальше, заявив смелый тезис о завершении складывания русского государства лишь с преодолением Смуты. «Крупным недостатком статьи, – писал он о публикации К.В. Базилевича, – является отказ автора от характеристики периода крестьянской войны и борьбы с польской и шведской интервенцией. Согласен, что начинать этот период (*образования государства – Н.Т.*) нужно последней четвертью XVI в., но кончать его, мне кажется, следует всё же 1613 годом. Это год восстановления государственной машины, завершения усилий русского народа в борьбе с сильным натиском иностранной интервенции»⁴²⁸. Данное суждение не было, в целом, замечено последующей историографией, хотя оно представляет интерес как попытка концептуально осмыслить события Смуты, встроив их в единую схему периодизации отечественной истории эпохи феодализма.

Как можно заметить, П.Я. Мирошниченко полагал нужным расширить перечень принципов периодизации за счёт антропологического фактора. Об этом говорит специальное упоминание русского народа как деятельного участника, субъекта в период борьбы со Смутой. Учёный заострил внимание на пренебрежении К.В. Базилевичем рядом важных сторон общественной жизни: «Периодизация совсем не учитывает явлений идеологии, культуры, а эти факторы очень важны не только потому, что, возникнув на почве экономики и политики, они влияют на них, но и потому, что отражают определённые этапы исторического развития страны. Предложенная периодизация не определяет единства разных сторон исторического процесса внутри одного и того же периода»⁴²⁹. Тем самым предлагалось существенно нарастить число критериев периодизации. В дальнейшем это сыграло положительную роль не только при выяснении ступеней процесса централизации, но и для развития научных изысканий в ряде смежных предметных областей.

---

⁴²⁸ Там же. С. 92.

⁴²⁹ Там же.

А.П. Пьянков также выступил с критической теории К.В. Базилевича. Формулируя в духе марксистской диалектики, он призывал трактовать процесс централизации как обусловленный «двумя основными факторами: состоянием производительных сил на каждом этапе и классовыми отношениями между феодалами и крестьянами»⁴³⁰. Автор настаивал на принятии в качестве ведущего критерия периодизации «типичных явлений в организации феодального способа производства»⁴³¹. Таким образом, стержневой темой для А.П. Пьянкова являлось нарастание крепостнической эксплуатации. Оспорил учёный и понимание оппонентом времени начала централизации. «Объединение страны, – писал он, – началось несколько ранее централизации, но уже в XV в. оба эти процесса протекали синхронно, вместе с тем уже тогда можно было наблюдать заметное усиление великокняжеской власти. Следовательно, образование Русского централизованного государства началось не после “объединения русских земель вокруг Москвы”, как это утверждает К.В. Базилевич, а ещё до завершения этого объединения»⁴³². Здесь отчётливо заметна перекличка с тезисами С.В. Юшкова.

Другой участник дискуссии, И.С. Миллер, согласился с оппонентами К.В. Базилевича в недооценке им фактора классовой борьбы в периодизации феодальной эпохи⁴³³. При этом, по мнению И.С. Миллера, классовую борьбу не следовало превращать в единственный критерий периодизации, а следовало правильно сочетать этот фактор с представлениями о развитии экономического базиса⁴³⁴. Автор предложил дополнить модель периодизации включением «наиболее выдающихся событий классовой борьбы (если даже они и не совпадают с

---

⁴³⁰ Пьянков А. О периодизации истории феодальных отношений в России // Вопросы истории. 1950. № 5. С. 84.

⁴³¹ Там же.

⁴³² Там же. С. 81.

⁴³³ Миллер И. К вопросу о принципах построения периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 11. С. 66.

⁴³⁴ Там же.

переломными моментами в развитии базиса) и наиболее выдающихся моментов подъёма борьбы за независимость»⁴³⁵. В качестве таковых автор предложил рассматривать татаро-монгольское иго, его угнетающее воздействие на развитие русского народа и последующую борьбу Руси с монгольским владычеством⁴³⁶. Наконец, существенным упущением оппонента И.С. Миллер видел пренебрежение фактором развития нации и национального сознания: «Плоха та периодизация, которая отводит этому первостепенному фактору третьеразрядное место»⁴³⁷. С точки зрения вопроса о создании национального великорусского государства в XV–XVI вв. это обстоятельство имело существенное значение.

В последнем номере «Вопросов истории» за 1950 г. вышла статья И.И. Смирнова, в которой историк предложил собственный подход к созданию периодизации на основе политического принципа. «Изучение этапов политического развития, этапов развития государства, – писал учёный, – является средством выявления и определения этапов развития и материального производства, ибо смена одного политического строя другим, одной формы государства другой является выражением и показателем изменений и в материальном производстве, показателем изменений в экономическом базисе общества»⁴³⁸. Таким образом, И.И. Смирнов уделял особое внимание надстроечной структуре и высшему её воплощению – государственному аппарату. В этом отношении учёный несколько дистанцировался как от сторонников подхода К.В. Базилевича (производственный фактор), так и от сторонников подхода Н.М. Дружинина (классовый фактор). Главный упрек оппонентам со стороны И.И. Смирнова – их тяготение к отвлечённому схематизму: «марксист не может просто говорить “классовая борьба”. Марксистское, революционное понятие классовой борьбы признаёт вполне развитой, “настоящей”,

---

⁴³⁵ Там же. С. 70.

⁴³⁶ Там же. С. 68.

⁴³⁷ Там же. С. 71.

⁴³⁸ Смирнов И. Общие вопросы периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 80.

“общенациональной” классовую борьбу лишь, тогда, когда в форме этой борьбы находит своё выражение борьба за власть, за устройство государственной власти»⁴³⁹.

И.И. Смирнов предложил чёткое определение хронологических пределов периода создания централизованного государства. Его начало он связывал с освобождением Руси от монгольского гнёта и объединением разрозненных земель «в единое государство с единым правительством, с единым руководством»⁴⁴⁰. Завершение централизации автор относил к началу XVII в. Им также была предложена трёхчастная схема внутреннего деления периода централизации на этапы. Во многом она повторяла хорошо известную схему Шестакова–Панкратовой (первый, объединительный, этап совпадает с правлением Ивана III и Василия III; второй связан с укреплением и расширением государства при Иване IV). Однако И.И. Смирнов достроил эту схему третьим этапом, содержанием которого видел «борьбу за национальную самостоятельность Русского государства, “за утверждение своей независимости”, прежде всего, против польско-литовского нашествия в начале XVII в., а также против шведской интервенции»⁴⁴¹. Таким образом, учёный пополнил число сторонников национального измерения в периодизации.

Внимание ряда исследователей к национальному фактору свидетельствует о востребованности национально-культурной тематики в историографии конца 1940-х – начала 1950-х гг. Действительно, подъём патриотической риторики накануне и в годы Великой Отечественной войны оказал мощное воздействие на идейно-воспитательную политику государства, а через неё – на сферу научной работы. Национально-освободительная борьба и противостояние агрессивным посягательствам извне стали для советского народа не только мобиливающим фактором, но также нравственным императивом, обусловившим выживание в тяжелейших условиях. Это обстоятельство, ставшее частью общественного

---

⁴³⁹ Там же. С. 87.

⁴⁴⁰ Там же. С. 98.

⁴⁴¹ Там же.

сознания, ярко отразилось в ходе дискуссии о периодизации, что и видно по приведённым выше цитатам.

Завершила дискуссию статья В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнина «О периодизации России эпохи феодализма»⁴⁴². Авторы подчёркивали значимость фактора классовой борьбы, но требовали обязательной привязки его к развитию производственного базиса⁴⁴³. Централизацию русского государства они разделили три этапа: «Первый этап – конец XV – середина XVI в., до времени обострения классовой борьбы, вылившейся в ряд восстаний и приведшей к реформам 50-х годов, направленным к укреплению аппарата власти. Второй этап – опричнина. Третий этап – усиление крепостничества в конце XVI века. Крестьянская война под руководством Болотникова. Борьба русского народа с иностранной интервенцией»⁴⁴⁴.

Заслуживает внимания тезис авторов о том, что русское государство являлось многонациональным уже со времени основания: «в его состав, кроме русского народа, входили мордва, мари и другие приокские и поволжские народы, карелы, коми и другие народы Севера. Источниками отмечены и антифеодальные движения среди нерусских народов (мордва, коми и др.), направленные против господства русских феодалов. В середине XVI в. происходит дальнейшее расширение территории русского многонационального государства, что имеет своим последствием и увеличение размаха классовой борьбы»⁴⁴⁵. Таким образом, В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнин предложили новую трактовку известного сталинского постулата об образовании многонациональных государств на востоке Европы. Авторы настаивали, что в данном контексте понятия «национальное» и «многонациональное» не являются взаимоисключающими, поскольку национальным

---

⁴⁴² Пашуто В., Черепнин Л. О периодизации истории России эпохи феодализма // Вопросы истории. 1951. № 2. С. 52-80.

⁴⁴³ Там же. С. 55.

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ Там же. С. 67.

русское государство может именоваться постольку, поскольку именно русскому народу принадлежала роль объединителя прочих народностей.

В редакционной (без авторства) статье «Вопросов истории» (март 1951) были подведены итоги дискуссии. Как важное достижение отмечалось единодушие историков по вопросу о насущной необходимости пересмотра старой периодизации. Главным её пороком была названа неизжитая привязка к «векам» и «царям», в то время как «история народов, история трудящихся масс отодвигается на второй план»⁴⁴⁶. Применительно к проблеме периодизации русского государства это означало сохранение в той или иной мере лично-ориентированного подхода, имевшего место ещё в дореволюционной историографии. В итоге принципы дробления процесса централизации на этапы, определения их временных рамок продолжали корреспондировать с представлениями о политической деятельности крупных общерусских правителей: Ивана III, Василия III и Ивана IV. И участники дискуссии в явной или неявной форме воспроизводили эту взаимосвязь. Действительно, за словами о реформах, опричнине и т.д. неизбежно обнаруживалась личность правителя, замыкавшая на себе большой комплекс процессов в политической надстройке.

Редакция журнала отметила тесную взаимосвязь проблемы периодизации с решением ряда важнейших вопросов отечественной истории, среди которых был назван вопрос «о характере социально-экономических предпосылок государственной централизации Руси в XIV–XV вв.»⁴⁴⁷ Историки в этой связи наметили ряд проблемных направлений: экономическое, политическое, социальное, национальное и т.д. Их решение требовало самостоятельных отраслевых исследований.

Центральное место в дискуссии занял вопрос о критериях выделения периодов для конкретных исторических формаций. Их обсуждение обнаружило своеобразный

---

⁴⁴⁶ Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1951. № 3. С. 54.

⁴⁴⁷ Там же. С. 53

теоретический дуализм. Все авторы в обязательном порядке стремились обосновывать свои доводы ссылками на труды классиков исторического материализма. При этом выяснилось, что ядро данного учения, раскрывающее диалектическую связь базиса и надстройки внутри общественно-экономической формации, понимается учёными по-разному. С одной стороны, всеми признавалась роль экономических отношений и классовой борьбы в общественном развитии. С другой стороны, возникшая проблема их методологического ранжирования выявила немалые расхождения в понимании значимости данных факторов для исторического процесса. Историки фактически разделились на два лагеря в зависимости от того, какой из двух критериев оценивался ими в качестве определяющего.

В большинстве участники дискуссии поддержали тезис о классовой борьбе как главном критерии периодизации. Исключение составили К.В. Базилевич, И.С. Миллер и П.Ф. Баканов. Двое последних высказали сомнения относительно выдвижения классовой борьбы в качестве ведущего признака исторического периода. Суть их нареканий сводилась к невозможности применить этот критерий ко всем историческим формациям. Согласно П.Ф. Баканову, классовая борьба, во-первых, есть явление историческое, а потому имеет ограниченную область применения, не охватывающую социалистическую формацию. Во-вторых, применение данного принципа затруднительно и внутри конкретной формации в силу того, что «перерывы постепенности в эволюции производительных сил» могут «не совпадать с моментами обострения классовой борьбы»⁴⁴⁸. С последним соглашался И.С. Миллер: «Моменты обострения классовой борьбы в рамках феодальной и капиталистической формаций могут не совпадать с основными этапами развития феодального или капиталистического способа производства»⁴⁴⁹.

---

⁴⁴⁸ Баканов П. О принципе периодизации и начальном периоде истории СССР капиталистической эпохи // Вопросы истории. 1950. № 2. С. 75.

⁴⁴⁹ Миллер И. К вопросу о принципах построения периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 11. С. 65.

Впрочем, учёный допускал плодотворность применения названного критерия для периодизации феодального общества. В поддержку схемы К.В. Базилевича высказался также Б.А. Рыбаков. Согласно конспекту А.М. Панкратовой, в ходе прений в Академии Общественных наук учёный признал, что «периодизация К.В. (Базилевича – Н.Т.) кажется обоснованной»⁴⁵⁰.

Таким образом, в разрезе проблемы периодизации русского централизованного государства дискуссионность классовой борьбы как критерия нивелировалась. Напротив, историки активно поддерживали внедрение данного критерия в систему марксистской методологии. В дальнейшем этому немало способствовали замечания И.В. Сталина, представленные в работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950). В ней он разъяснил историческую значимость надстроечных явлений: «Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы»⁴⁵¹. Данный посыл в известной мере обесценивал скептические тезисы ряда историков о перспективах рассмотрения классовой борьбы как одной из основ новой периодизации. Тем не менее, редакция «Вопросов истории» предостерегла исследователей «от попыток рассматривать проявления классовой борьбы в качестве единственных и универсальных граней исторического процесса внутри социально-экономической формации»⁴⁵².

Дискуссия показала единодушие историков в признании теоретических основ марксистского метода, но и обнажила остро стоявшую проблему его творческого применения к материалу отечественной истории. Вопрос о периодизации русского

---

⁴⁵⁰ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 68. Л. 25.

⁴⁵¹ Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 7.

⁴⁵² Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1951. № 3. С. 55.

централизованного государства оказался тесно увязан с построением общей периодизации феодализма на Руси. Здесь перед исследователями стояли те же задачи, что и перед их коллегами в других направлениях. Среди них: определение динамики и характера изменений в базисных отношениях, установление места и роли классовой борьбы в образовании централизованного государства, выяснение степени влияния внешней угрозы как ускоряющего развитие фактора, обоснование границ процесса централизации и дальнейшее его структурное деление.

24 октября 1951 г. А.М. Панкратова выступила в институте усовершенствования учителей с лекцией «К итогам дискуссии о периодизации истории», в которой подвела итоги дискуссии, отметив основные проблемы и достижения. По её мнению, «в целом результат дискуссии был весьма положительным»⁴⁵³. Отдельно подчёркивалось, что в ходе обсуждений «не было ни одного случая отхода от научно обоснованного Марксом и Энгельсом и развитого дальше Лениным и Сталиным учения об общественно-экономических формациях»⁴⁵⁴. Это свидетельствует об установившемся в научной среде крепком согласии касаясь коренных принципов исследовательской работы, консолидации историков на общей идейно-методологической платформе. Другой вывод состоял в том, что «первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая формации остаются неизменной основой периодизации»⁴⁵⁵. Таким образом, проблема образования централизованного русского государства чётко уместилась в рамки феодальной формации.

Некоторые суждения, высказанные в ходе дискуссии, оказали заметное влияние на историческую мысль. Таковым явился вывод о многонациональности русского государства с начала его формирования. Учёными было отринуто прежде широко используемое положение о перерастании национального государства

---

⁴⁵³ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 4.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 12.

великороссов в многонациональное. По стечению обстоятельств его ведущие сторонники, С.В. Бахрушин и К.В. Базилевич, ушли из жизни в 1950 г. Именно они создали модель освещения феодального периода в первых советских учебниках по истории. А.М. Панкратова подчеркнула итоги произошедшей ревизии в одном из своих выступлений. «Раньше, – отметила она, – мы говорили о создании русского национального государства (15 век – Иван III) и говорили о создании многонационального государства (Иван IV). Сейчас большинство историков считает, что нельзя разделять искусственно проблему создания русского национального государства и многонационального государства. Русское централизованное государство с самого начала создавалось как многонациональное государство и при Иване III, и при Иване IV»⁴⁵⁶. Выводы дискуссии о многонациональном характере русского государства были основательно развиты Л.В. Черепниным. В очерке «О периодизации истории СССР периода феодализма» (1952) он, высказался «против обычного тезиса» и указал, что «Русское централизованное государство с самого начала своего образования (конец XV в.) было “смешанным”»⁴⁵⁷.

Принятие историками новой точки зрения повлекло корректировки в учебной и учебно-методической литературе. Были внесены правки в схему периодизации централизованного государства, представленной в учебнике для средней школы. Если в период работы над его первой редакцией (1937) А.М. Панкратова говорила о необходимости показать «создание многонационального государства, начиная с Ивана IV»⁴⁵⁸, то теперь понимание логики процесса заметно изменилось. В новой редакции учебника были скорректированы названия некоторых разделов и глав,

---

⁴⁵⁶ Там же. Л. 16.

⁴⁵⁷ Черепнин Л.В. О периодизации СССР периода феодализма // Известия АН СССР. 1952. Т. IX. № 2. С. 124.

⁴⁵⁸ Стенограмма доклада А.М. Панкратовой «О схеме учебника по истории СССР для средней школы» и его обсуждения на заседании сектора «История СССР» Института истории Академии наук СССР, 4 декабря 1937 г. // Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1.М., 2016. С. 250.

которые получили следующий вид: «Образование централизованного многонационального государства» (в составе – Глава XII «Московское великое княжество при Иване III и Василии III») и «Расширение Русского государства при Иване IV» (в составе – Глава XIII «Самодержавие Ивана IV»)⁴⁵⁹.

Претерпели изменения и некоторые формулировки. Для сравнения приведём абзац, содержащийся в редакциях 1943 г. и 1953 г. – до и после рассмотренной дискуссии. В учебнике 1943 г. читаем: «Таким образом, в XVI в. под властью московских царей оказался, кроме русских, целый ряд других народов: казанские и астраханские татары, мордва, мари, чувашаи, удмурты, башкиры и народы Западной Сибири. *Так русское государства начало постепенно превращаться в многонациональное государство (курсив наш – Н.Т.).* Вокруг сильного русского народа были объединены другие, более слабые народы»⁴⁶⁰.

В издании 1953 г. находим переработанную формулировку: «Таким образом, в XVI в. под властью московских царей оказался, кроме русских, целый ряд других народов: казанские и астраханские татары, мордва, мари, чувашаи, удмурты, башкиры и народы Западной Сибири. *Так образовывалось в России многонациональное государство (курсив наш – Н.Т.).* Вокруг сильного русского народа были объединены другие, более слабые народы»⁴⁶¹. Показательно, что в списке приложений к учебнику значится карта под названием «Превращение русского государства в многонациональное (1533–1598 гг.)»⁴⁶² Таким образом, переработке была подвергнута господствовавшая долгое время модель, выстроенная С.В. Бахрушиным, К.В. Базилевичем и А.В. Шестаковым ещё в исходе 1930-х гг.

---

⁴⁵⁹ История СССР. Учебник для 8 класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 12-е. М., 1953.

⁴⁶⁰ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. Ч. 1 / Под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 3-е. М., 1943. С. 143.

⁴⁶¹ История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. Ч. 1 / Под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 12-е. М., 1953. С. 153.

⁴⁶² Там же С. 240

Примечательно в этом отношении посмертное переиздание трудов самого С.В. Бахрушина, осуществлённое АН СССР в 1-й половине 1950-е гг. В 1954 г. вышел 2-й том его научных трудов, включавший статью 1947 г. «Иван Грозный в свете новейших исследований». Упоминание автором о начале постепенного превращения централизованного государства в многонациональное при Ивана IV сопровождало характерное редакторское примечание: «Русское централизованное государство с самого своего возникновения (в конце XV в.) было смешанным, состоявшим из ряда национальностей»⁴⁶³. Ту же тенденцию показывает крупный обобщающий труд «Очерки истории СССР». В томе, посвящённом периоду феодализма конца XV – начала XVII вв. (1955), русское государство середины XVI в. определено как многонациональное⁴⁶⁴ (тогда как в историографии 1940-х гг. середина XVI в. неизменно называлась временем начала превращения государства в многонациональное).

Смена трактовки в вопросе о национальном характере централизованного государства коснулась и содержания главной энциклопедии страны. 49-й том 1-го издания БСЭ (1941) содержал статью «Россия» за авторством Л.Н. Бычкова. В тексте указывалось, что «Русское национальное государство начиная с 16 в. стало превращаться в многонациональное централизованное феодальное государство»⁴⁶⁵. Из 2-го издания БСЭ данное положение исчезло. Очерк по истории России, подготовленный В.В. Мавродиным, был включён в структуру статьи об РСФСР (1955) со следующей формулировкой: «Во 2-й половине 16 в. в России, кроме русских, жили украинцы (Чернигов), белорусы (Гомель), карелы, саами (лопь), вепсы (весь), ненцы (самоядь), коми (чудь заволоцкая), ханты, манси (югра), татары, башкиры, удмурты (вотнки), марийцы (черемисы), чувашаи, мордва, кумыки,

---

⁴⁶³ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 355.

⁴⁶⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма (конец XV в. – начало XVII в.). М., 1955. С. 11.

⁴⁶⁵ Россия // БСЭ. Т. 49. М., 1941. Стб. 441.

ногайцы, кабардинцы и ряд мелких этнич. групп»⁴⁶⁶. Таким образом, автор отказывался от членения русской истории на периоды существования национального и многонационального государства. Примечательно, что В.В. Мавродиным занимал данную позицию с начала 1940-х гг. В работе «Образование русского национального государства» (1941), он писал: «Когда в XVI веке окончательно укрепилось централизованное государство, абсолютная монархия, и была подавлена имевшая место при Грозном попытка бояр и князей восстановить старые удельные порядки, Россия была уже многонациональным государством»⁴⁶⁷.

Стоит отметить, что сторонники и противники представлений об исходно национальном характере централизованного государства неизменно отсылались к рассуждениям И.В. Сталина об особенностях государственного строительства на востоке Европе⁴⁶⁸. Его указания толковались учёными сообразно их собственным представлениям о содержании исторического процесса. Это говорит о том, что сталинские тезисы не имели зачастую определяющего влияния на выводы историков, а привлекались ими в исключительно рутинных целях – для соблюдения устоявшихся требований к научной работе.

Потому интересно отметить, что рассмотренные выше изменения проникли переиздания не всех учебников. Примером служит переиздание учебника А.В. Шестакова от 1954 г. В нём находим неизменным положение о начале превращения русского государства в многонациональное после победоносных походов Ивана Грозного в земли Поволжья⁴⁶⁹. Это вряд ли свидетельствует о принципиальной редакторской оппозиции. Как показывают приведённые выше примеры, ведущей тенденцией начала 1950-х гг. явился отказ от идеи перерастания

---

⁴⁶⁶ Российская советская федеративная социалистическая республика // БСЭ. Изд. 2-е. Т. 37. М., 1955. С. 45.

⁴⁶⁷ Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Изд. 2-е. М., 1941. С. 136.

⁴⁶⁸ о тезисах И.В. Сталина, содержащиеся в докладе X съезду ВКП(б) см. §2 главы 1.

⁴⁶⁹ История СССР. Краткий курс: учебник для 4-го класса /Под ред. А.В. Шестакова. М., 1954. С. 48.

национального государства в многонациональное. Как заметила А.М. Панкратова в 1951 г., точка зрения об исходно многонациональном характере русского государства «единодушно признавалась всеми»⁴⁷⁰ ведущими участниками дискуссии о периодизации истории СССР. Таким образом, воспроизведение прежних тезисов в переизданном учебнике можно с осторожностью считать эксцессом издательско-редакторской работы. Впрочем, рассмотренные коррективы затрагивали частные вопросы периодизации, не посягая на её опорные принципы. А.М. Панкратова в статье от февраля 1950 г. заявляла: «Сейчас мы не встретим ни одного советского историка, который подверг бы сомнению или оспаривал самые основы марксистско-ленинской периодизации истории нашей страны»⁴⁷¹. По утверждению автора, «никто не собирается пересматривать или даже дискутировать по поводу [этих незыблемых для нас] методологических основ периодизации исторического процесса»⁴⁷².

Касаемо принципов периодизации также было достигнуто устойчивое согласие. В дискуссии о приоритете экономических (К.В. Базилевич) или социально-политических (Н.М. Дружинин) факторов наибольшую поддержку получила вторая позиция. По утверждению А.М. Панкратовой, «выступавшие в дискуссии историки отмечали, что в целом постановка Дружининым вопроса правильна», хотя не лишена многих изъянов⁴⁷³. Данный вывод отражал консолидированную позицию академического большинства, но при этом имел диалектический характер. «Товарищи отмечали, что без связи классовой борьбы с экономическим базисом можно привести (*так в тексте – Н.Т.*) к одностороннему развитию истории и её периодизации. Совершенно ясно, что все важнейшие принципы нельзя отделять ни

---

⁴⁷⁰ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 85. Л. 17.

⁴⁷¹ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.

⁴⁷² Там же.

⁴⁷³ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 85. Л. 7.

от способов производства, ни от изменений, которые происходили в условиях классовой борьбы – это по существу важнейшая проблема»⁴⁷⁴.

Подведём итоги. Отечественным историкам в рассматриваемый период удалось, в целом, решить одну из ключевых проблем в создании теории русского централизованного государства. В историографии данного периода процесс политической централизации Руси был представлен сообразно марксистской логике формационных переходов. Научное сообщество не было чуждо разногласий в отдельных аспектах, что, впрочем, не имело принципиального значения для начертания общей схемы периодизации. По ключевым вопросам историки достигли устойчивого согласия. Построение централизованного государства было представлено проходившим в два этапа. На 1-м этапе складывалась его территория, закреплялись новые формы феодальной эксплуатации и основы централизованного аппарата управления. На 2-м этапе укреплялась политическая система, очищаясь от вредных пережитков удельного времени, осуществлялся окончательный слом прежних порядков, утверждалась новая надстроечная конфигурация. Заметные расхождения обозначились во взглядах на время обретения русским государством многонационального характера. Впрочем, данный вопрос вряд ли можно признать имевшим принципиальную значимость. Правильнее рассматривать его, как вопрос терминологического, если не сказать риторического порядка. Характеристика русского государства в XVI в. как национально русского или многонационального не влияла по существу на выводы исследователей о причинах и закономерностях развития самой социально-политической системы.

В изысканиях об основаниях периодизации учёные выказывали стремление соблюсти важный принцип: не отрывать политическую историю от истории производственных отношений. Поэтому этапы создания государства были выделены в привязке к динамике производительных сил общества и росту классовых

---

⁴⁷⁴ Там же. Л. 8.

противоречий, но при этом оказались довольно чётко сопоставлены пребыванию у власти великих князей и царей. В этом нетрудно разглядеть примирение двух методологических подходов: «дворянско-буржуазного», размечавшего исторический процесс по времени правления государей, и марксистского, использовавшего сложный критерий, объединявший в диалектической связке изменения в экономическом базисе и факты классовой борьбы. Таким образом, преемственность в работе дореволюционных и советских историков была существенно большей, нежели о том заявляли сами историки-марксисты⁴⁷⁵. В этой связи следует отметить важное достижение отечественной историографии рассматриваемого периода, каковым стало признание того, что методология периодизации сложных процессов не способна удержаться в тесных рамках монистической теории. Последние неизбежно деформируются в ходе обстоятельного многостороннего изучения данной проблематики. Это ясно показала полемика вокруг методологических основ периодизации централизованного русского государства в середине 1940-х гг.⁴⁷⁶

В установлении хронологических границ периода создания и развития централизованного государства историки обнаружили заметное единодушие. Впрочем, споры по отдельным аспектам проблемы окончательно не утихали, и некоторые вопросы не ушли из научной повести. К таковым относился, к примеру, вопрос о становлении великорусского народа, его языка и культуры. Данный вопрос, как показала дискуссия 1949-1951 гг., исследователи считали необходимым соединить с разработкой проблемы периодизации. Такая тенденция стала

---

⁴⁷⁵ Тихомиров Н.В. Проблема возникновения централизованного русского государства в работах отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 1. С. 83.

⁴⁷⁶ Тихомиров Н.В. Дискуссия о периодизации процесса централизации Русского государства в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. / Вестник московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2020. № 3. С. 72-73.

отражением возросшего в обществе запроса на патриотическую повестку и усиления национально-патриотической риторики в структуре государственной пропаганды.

Следующая задача состояла в выявлении границ исторических периодов внутри феодальной формации. В этом направлении была проделана крупная теоретическая работа, показавшая наличие в научном сообществе твёрдых представлений о поворотных событиях в развитии русского централизованного государства. Освобождение от монгольской зависимости и политические преобразования Ивана III однозначно толковались в историографии как рубеж, определивший начало централизованного государства. Деятельность Ивана Грозного оценивалась авторами как веха на пути превращения государства в подлинно централизованное, свободное от разъедающих пережитков удельного времени.

Модель периодизации складывания централизованной державы, воплощённая в учебниках А.В. Шестакова, А.М. Панкратовой и др., оказалась довольно устойчива. Схема, предложенная группой А.В. Шестакова, была многожды воспроизведена авторами научных, учебных и учебно-методических работ, став крепкой теоретической основой построения периодизации государственного строительства. Исследователи выделяли два ключевых этапа централизации. На первом достигалось формальное единство северо-восточных русских земель путём устранения искусственных перегородок, образовавшихся вследствие экономико-правового обособления феодальных владений, формировались институциональные предпосылки дальнейшего государственного строительства. На втором достигалось окончательное политическое единство, выразившееся в коренной перестройке государственного аппарата сообразно потребностям централизованного управления и обеспечения имущественных интересов народившейся классовой группы служилого дворянства. На данном этапе происходило расширение государства вовне пределов исторического обитания русского народа, что также было продиктовано

экономическими предпосылками и привело к установлению режима крепостнической эксплуатации трудового крестьянского населения.

Вопрос периодизации складывания централизованного государства решался в неразрывной связи с представлениями о развитии феодализма в России. Потому внимание историков было обращено к различным сторонам общественной жизни XV–XVI вв.: экономической, политической, идейно-нравственной, культурной. Полемика о подходах к периодизации помогла наметить направления дальнейших научных поисков в частных предметных областях. Среди таковых: образование великорусской народности и становление национального сознания, формирование идейных основ централизованной государственности и их отражение в культуре, внешнеполитические связи, особенности классовой и внутриклассовой борьбы, взаимоотношения русского народа с иными народами в составе единого государства.

Глава 3. Ключевые проблемы в контексте теории образования русского централизованного государства

В главе исследуются ключевые проблемы, с решением которых было связано создание теории русского централизованного государства в конце 1930-х – начале 1950-х гг. В перечень названных проблем нами умышленно не включена проблема причин образования централизованного государства, поскольку не создаёт поля для специального изучения. Данный вопрос раскрывается в других разделах работы (в частности, параграфу о проблемах методологии). Как было показано ранее, советская историческая наука изучаемого периода пришла к идее многофакторности процесса централизации: её причины виделись лежащими в различных областях (социальной, политической, культурной). Потому анализ соответствующего материала в тематических параграфах данной главы будет вполне достаточным для прояснения вопроса о понимании причин централизации советскими историками интересующего нас периода. Отметим также, что сами историки не усматривали в вопросе о причинах централизации полемического потенциала. По замечанию И.А. Кудрявцева, «на вопрос о причинах образования Русского государства ответили Ленин и Сталин, так что здесь люди опираются на твёрдую почву»⁴⁷⁷.

В настоящей главе мы сосредоточимся на анализе следующих проблем: 1) классовая борьба и её влияние на образование русского государства; 2) форма правления в централизованном государстве; 3) национальный вопрос в России XV–XVI вв. и 4) роль личности в процессе государственного строительства.

---

⁴⁷⁷ АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Д. 44. Л. 13.

§1. Классовая борьба как фактор централизации русского государства

В параграфе исследуется вопрос о роли межклассовых отношений в становлении централизованного государства в оценках исследователей конца 1930-х – начала 1950-х гг. Задачи параграфа: проследить развитие научной мысли о классовой сущности русского государства в рассматриваемый период; выявить тенденции в исследованиях о классовой борьбе в XV–XVI вв.; проанализировать подходы историков к оценке межклассовых отношений периода централизации.

Марксистское учение рассматривало классовую борьбу как важнейший фактор, определяющий ход исторического процесса. Всякое досоциалистическое общество представлялось ареной борьбы угнетателей и угнетаемых и понималось как антагонистическое по своей сущности. Создание теории русского централизованного государства потребовало от историков творческого приложения марксистских тезисов к материалу отечественной истории XV–XVI вв. Этому были посвящены усилия ведущих исследователей феодального периода истории СССР.

Вопрос о классовых противоречиях рассматривался большинством историков как ведущий критерий периодизации истории СССР, в том числе эпохи феодализма. Классовый подход в исследованиях наложил отпечаток на рассмотрение всех без исключения сторон общественной жизни. Историки неизменно подчёркивали классовую природу централизованного государства. Данный постулат служил опорой теоретическим построениям, начиная с 1920-х гг. Б.Д. Греков указывал: «Если централизованное государство могло возникнуть в противовес феодальной раздробленности как форма государства, удовлетворяющая интересы помещиков и купцов, то вполне естественно, что нужды этих слоев и удовлетворялись в первую

очередь»⁴⁷⁸. По утверждению Ф.Я. Полянского, ликвидация феодальной раздробленности, как на Руси, так и на Западе, происходила в условиях «обострения классовой борьбы и необходимости обороны от внешнего врага». Потому «возникали или централизованные национальные государства с сословно-представительными учреждениями, или многонациональные государства»⁴⁷⁹. События XV–XVI вв. историки понимали как отражение сословного антагонизма, обострявшегося по мере преодоления феодальной раздробленности и складывания новой социально-политической системы. Последняя рассматривалась как надстроечная структура феодальной формации, а трактовка классовых противоречий выводилась из содержания основного экономического закона феодализма⁴⁸⁰.

Перед учёными стояла задача показать становление централизованного государства как процесс, проходивший через перипетии классовой борьбы в условиях поступательного развития феодальной формации. На оценки и выводы в этой области оказали влияние теоретические послы И.В. Сталина. Весной 1939 г. в отчётном докладе на XVIII съезде ВКП(б) он коснулся вопроса о сущности и функциях государства. «Государство возникло на основе раскола общества на враждебные классы, – рассуждал И.В. Сталин, – возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства. Орудия власти государства сосредоточивались главным образом в армии, в карательных органах, в разведке, в тюрьмах. Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) – держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так

---

⁴⁷⁸ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 2. М., 1954. С. 255.

⁴⁷⁹ Полянский Ф.Я. Феодальный строй // БСЭ Изд. 2-е. Т. 44. М., 1956. С. 612.

⁴⁸⁰ см. ниже.

было дело при рабовладельческом строе и феодализме»⁴⁸¹. По сути, советский руководитель повторил общие тезисы марксистской доктрины, дополнительно уточнив положение о функциях государства. В последнем он проявил крайность, низведя перечень государственных функций до «двух основных». Это предопределило логику научных построений о становлении централизованного государства. Ссылки на сталинские тезисы встречаются у таких исследователей, как С.В. Юшков⁴⁸², Л.В. Черепнин⁴⁸³, В.В. Мавродин⁴⁸⁴, К.В. Базилевич⁴⁸⁵ и др.

Заметное влияние на выводы историков оказал и другой сталинский труд – «Краткий курс истории ВКП(б)» (1938). В нём также нашлось место вопросу о классовых противоречиях. «Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя»⁴⁸⁶, – учила книга. В исторической науке конца 1930-х – начала 1950-х гг. прочно закрепился тезис о государстве как орудии в руках эксплуататоров. С.В. Юшков в работе «К проблеме образования феодального государства» (1948) определил государственный аппарат как «аппарат классового принуждения»⁴⁸⁷. Эта же мысль получила развитие в сочинениях Б.Д. Грекова, посвящённых русскому крестьянству в эпоху феодализма. Крепостнические отношения рассматривались автором как основа для понимания общественно-политических отношений в России XV–XVI вв. Образование централизованного государства Б.Д. Греков трактовал как результат многовековой борьбы крестьянской общины с крупными землевладельцами, из которой последние

---

⁴⁸¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., С. 334.

⁴⁸² Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1947. С. 9.

⁴⁸³ Черепнин Л.В. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 3.

⁴⁸⁴ Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Изд. 2-е. М., 1941. С. 60.

⁴⁸⁵ Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. С. 35.

⁴⁸⁶ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 120.

⁴⁸⁷ Юшков С.В. К проблеме образования феодального государства. М., 1948. С. 72.

вышли победителями и потому приобрели власть: «Они создали свой закон и аппарат, принуждающий к выполнению закона. Они создали государство»⁴⁸⁸.

В 1952 г. вышло в свет сочинение И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»⁴⁸⁹, поднявшее вопрос о фундаментальных закономерностях общественного развития в контексте теории общественно-экономических формаций. Автор подчеркнул особую значимость «экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил»⁴⁹⁰. По мнению И.В. Сталина, его применение, в отличие от законов естествознания, требует наличия общественной силы, способной преодолеть сопротивление отживших сил, интересы которых оказываются нарушенными по мере происходящих изменений⁴⁹¹. Сочинение вызвало немедленный отклик в среде историков⁴⁹². Л.В. Черепнин в докладе на сессии Института Истории АН СССР назвал сталинский труд гениальным⁴⁹³. «Совершенно очевидно, – утверждал учёный, – что замечательное идейное богатство, содержащееся в трудах И.В. Сталина, должно быть положено и в основу изучения основных проблем истории феодального общества»⁴⁹⁴.

Л.В. Черепнин выделил мысль вождя о решающем значении феодальной собственности на землю как основы феодализма⁴⁹⁵ и подчеркнул важность изучения форм собственности для лучшего понимания базиса феодальной формации, а после –

---

⁴⁸⁸ Греков Б.Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М. ; Л., 1940. С. 9.

⁴⁸⁹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

⁴⁹⁰ Там же. С. 7.

⁴⁹¹ Там же. С. 8.

⁴⁹² Похвальбы в духе времени достигали порой чрезмерного размаха. Так, Э.Н. Бурджалов без обиняков назвал свежий сталинский труд «классическим». (Бурджалов Э.Н. Значение труда И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» для изучения истории советского социалистического общества // Вопросы истории. 1953. № 3. С. 3.)

⁴⁹³ Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 38.

⁴⁹⁴ Там же. С. 39.

⁴⁹⁵ И.В. Сталин формулировал следующим образом: «Конечно, внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, но не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю» (Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 41.)

и её политико-правовой надстройки⁴⁹⁶. Историком проводилась мысль о значимости указанного вопроса в оценке процесса централизации русских земель. «Конец XV в. – начало XVII в. – читаем в статье, – время образования и укрепления Русского централизованного государства. Развивается новый вид феодальной собственности – поместная система, служившая укреплению передового слоя класса феодалов – дворянства – опоры самодержавия в его борьбе с феодальной раздроблённостью. С развитием новой формы феодальной собственности тесно связаны и изменения в положении крестьянства. В качестве экономической формы реализации земельной собственности наряду с рентой продуктами выступает денежная рента, а также барщина. Шло дальнейшее развитие неполной собственности феодала на работника производства, происходил процесс юридического оформления крестьянской крепости»⁴⁹⁷.

Вопрос о феодальной собственности явился краеугольным в деле создания теории централизованного государства задолго до сталинских формулировок. Можно сказать, что последние дали новый толчок научным исследованиям, вновь актуализировали проблему, имевшую и прежде большое значение. Об этом свидетельствуют публикации в периодической печати. Так, Б.Ф. Поршнев на страницах «Вопросов истории» в 1953 г. отмечал: «Как видим, если правильно установлен основной экономический закон какой-либо общественной формации, это открывает широкий путь к монистическому, строго научному объяснению всех сторон этой общественной формации. Раз перед нами формация антагонистическая, основанная на эксплуатации классом, владеющим средствами производства, класса непосредственных производителей, лишённых средств производства, – значит, её основной экономический закон не может быть не чем иным, как законом,

---

⁴⁹⁶ Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 40.

⁴⁹⁷ Там же. С. 63.

выражающим специфическую для этой классовой формации форму эксплуатации, экономическое отношение двух основных классов этой формации»⁴⁹⁸.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. разработка вопроса о классовой природе централизованного государства шла в неразрывной связи с критикой концепции М.Н. Покровского. С.В. Юшков утверждал, что тот «не понял, что возникновение, возвышение и дальнейшее расширение и создание централизованного русского государства предопределялись развитием феодального хозяйства и классовой борьбой, а также необходимостью обороны от нашествия, турок, монголов и других народов Востока»⁴⁹⁹. Более того, опальный историк подвергся обвинениям в отрицании классовой природы государства XV–XVI вв., непонимании его роли как инструмента подавления в руках эксплуататоров. А.М. Панкратова указывала, что М.Н. Покровский приходил почти к троцкистским выводам о государстве как «надклассовой, самодовлеющей организации»⁵⁰⁰.

Со 2-й половины 1930-х гг. отечественная историография прочно занимает позицию классового подхода в оценке централизованного государства. В борьбе со взглядами М.Н. Покровского сложилась новая модель рассмотрения исторического процесса, в обновлённой парадигме марксистской науки идея классовости становится преобладающей. Учёными были выделены классы и классовые группы, определившие диспозицию социального антагонизма в русском государстве. Это, прежде всего, крестьянство как основная масса народонаселения, производитель материальных благ, а также классы феодалов, духовенства и посадских – все в свою очередь внутренне разделённые на антагонистические классовые группы.

Классовая борьба воплощалась в сложившейся конфигурации общественных отношений, главным нервом которых, по мысли историков, была эксплуатация труда

---

⁴⁹⁸ Поршнева Б.Ф. К вопросу об основном экономическом законе феодализма // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 55.

⁴⁹⁹ Против Антимарксистской концепции М.Н. Покровского. С. 57.

⁵⁰⁰ Панкратова А. Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н.Покровского / Отв. ред. А. Сидоров. Ч. 1. М. ; Л., 1939. С. 66.

зависимых производителей классом феодальной знати. Высшей формой выражения этой борьбы явилось крепостничество. По мнению Е.А. Косминского, «Под крепостничеством следует понимать те же, что и под феодализмом (в этом смысле можно говорить о феодально-крепостнической формации) или же наиболее тяжкие формы феодальной эксплуатации, обычно связанные с отработочной рентой»⁵⁰¹.

Вопрос о феодальной ренте являлся одним из ключевых для исследователей феодальной формации. Б.Д. Греков указывал: «Земельная докапиталистическая рента есть форма присвоения землевладельцем-феодалом прибавочного труда зависимых от него непосредственных производителей. Эволюция земельной докапиталистической ренты есть в то же время эволюция процесса производства и, в конечном счёте, общественных отношений»⁵⁰². А.М. Панкратова отмечала, что в развитии феодальной ренты «находит своё выражение отношение рабочей силы к средствам производства феодального общества»⁵⁰³. Это суждение в точности соответствовало постулатам сталинского труда «Экономические проблемы социализма в СССР», которые получили хождение в научной среде под именем основного экономического закона феодализма. Его бурное обсуждение пришлось на начало 1950-х гг. Б.Ф. Поршнев писал: «Каждая общественная формация имеет свой особый основной экономический закон, и любой из них по отношению к своей формации играет ту же роль: он определяет не какую-либо отдельную сторону данного способа производства, не какие-либо отдельные процессы его развития, а самое его существо, то есть все главные стороны, все главные процессы, все важнейшие явления этого способа производства; он даёт возможность понять и объяснить весь процесс его исторического развития в целом»⁵⁰⁴. Таким образом, с позиции советской моноконцепции отечественной истории, в эпоху складывания

---

⁵⁰¹ Косминский Е. Феодализм // БСЭ. Т. 57. М., 1936. Стб. 117.

⁵⁰² Греков Б.Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М. ; Л.:, 1940. С. 15.

⁵⁰³ АРАН. Ф. 697. Оп 1. Д. 67. Л. 14.

⁵⁰⁴ Поршнев Б.Ф. К вопросу об основном экономическом законе феодализма // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 52-53.

централизованного государства классовый антагонизм являлся ключевым измерением для научного понимания всех сторон общественной жизни.

Для реалий XV–XVI ст. советская наука выделяла два главных класса-антагониста: эксплуатируемое тяглое население, образовывавшее огромное большинство в русском государстве, и узкую прослойку феодалов-эксплуататоров, составлявших опору государственного строя. Однако их взаимоотношениями не исчерпывалась полнота классовых противоречий эпохи централизации. В исторической литературе прослеживаются несколько линий классовой и внутриклассовой борьбы: крестьян и феодалов, посадов и феодалов, посадских верхов и низов, служилых дворян и вотчинной (боярско-княжеской) знати, высшего и низшего духовенства. «Взаимная борьба всех перечисленных классов и классовых групп, – отмечал И.У. Будовниц, – доходившая часто до острых столкновений, заполняет собою весь XVI в.»⁵⁰⁵. Определяющее значение имела борьба крестьян-производителей с эксплуататорским классом феодалов. Это следовало из подсказанной И.В. Сталиным идеи о «главной» функции государства – держать в узде эксплуатируемое большинство.

По наблюдению Л.В. Черепнина, в период становления централизованного государства, завершается сложение отдельных групп русского крестьянства «в единый класс зависимого крепостного населения»⁵⁰⁶. Таким образом, важнейший сюжет отечественной историографии в области складывания централизованного государства был связан с установлением крепостного права как основного инструмента обеспечения имущественных интересов феодальных сословий и оформления базисных отношений развитого феодального общества. По наблюдению С.В. Юшкова, «закрепостительный процесс как раз к концу XV и началу XVI вв.

---

⁵⁰⁵ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 41.

⁵⁰⁶ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 136. Л. 19.

получил наибольшее развитие»⁵⁰⁷. Яркое отражение борьбы крестьян и феодального государства историки обнаруживали в памятниках права XV–XVI вв. Классовый смысл этих документов раскрывался в работах С.В. Юшкова, Л.В. Черепнина и др. По словам А.М. Панкратовой, «после того, как сложилось сильное централизованное государство, защищавшее интересы феодалов, дворяне захотели узаконить этот порядок и таким образом ещё сильнее укрепить свою власть над крестьянами»⁵⁰⁸. С.В. Юшков рассматривал кодификацию права, произведённую по окончании объединения русских земель, как способ защиты интересов «общественных групп, влияние которых стало расти в эту эпоху, – помещного дворянства и купечества»⁵⁰⁹. В другом труде, характеризуя источники права эпохи централизованного государства, историк отмечал: «Как Царский судебник (*принятый Иваном Грозным – Н.Т.*), так и отдельные указы, изданные вскоре после него, регламентируют в значительной степени тот строй отношений, который характерен для начинающего развиваться процесса всеобщего закрепощения»⁵¹⁰.

Большое внимание классовому аспекту юридической литературы XV–XVI вв. уделял Л.В. Черепнин. В исследовании о русских феодальных архивах он отмечал, что издание Судебника 1497 г. «явилось ответом господствующего класса на обострение классовой борьбы в конце XV в.»⁵¹¹ и «отвечало потребностям централизованного русского государства как организации господствующего класса»⁵¹². В 1952 г. им были написаны комментарии к изданному АН СССР Судебнику 1497 г. По оценке А.А. Зимина, они «дают отчётливое представление об

---

⁵⁰⁷ Юшков С.В. К вопросу о развитии крепостного права в московском государстве в XIV–XVI вв. Свердловск, 1938. С. 13.

⁵⁰⁸ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1941. С. 118.

⁵⁰⁹ Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1947. С. 176.

⁵¹⁰ Юшков С.В. Конспект лекций по истории государства и права СССР (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1940. С. 135.

⁵¹¹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. М., 1951. С. 8.

⁵¹² Там же. С. 9.

этом памятнике как документе классовой юстиции»⁵¹³. В труде, посвящённом княжеским духовным и договорным грамотам XIV-XVI вв., Л.В. Черепнин называет эти документы орудием в осуществлении главной (по И.В. Сталину) функции государства – держать в узде эксплуатируемое большинство⁵¹⁴. В статье для «Вопросов истории» (1953) учёный утверждал: «Ряд законов о феодальной собственности, изданных в конце XV – начале XVI в., свидетельствует об активной роли надстройки в укреплении феодального базиса»⁵¹⁵. Он же в предисловии к сборнику памятников Русского права XIV-XV вв. (1955) указывал, что с образованием Русского централизованного государства в конце XV в. наступил перелом в развитии права, «когда великокняжеская власть провела большую работу по кодификации права, защищавшего классовые интересы феодалов»⁵¹⁶.

В редакционном предисловии к VIII тому «Исторического архива» (1953), содержащему официальные документы эпохи централизации⁵¹⁷, отмечалось: «публикуемые документы показывают классовую борьбу крестьян поднимавших восстания против своих угнетателей-феодалов и стоявшего за их спиной крепостнического государства»⁵¹⁸. Проблема классовых противоречий во взаимоотношениях крестьянства и феодалов, по оценкам историков-марксистов, наилучшим образом была отражена в правовых документах эпохи централизации. Идея о классовом характере государства подсказывала учёным подход к исследованию законотворческой деятельности русских правителей XV–XVI вв.

---

⁵¹³ Критика и библиография // Вопросы истории. 1953. № 5. С. 113.

⁵¹⁴ Черепнин Л.В. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 3.

⁵¹⁵ Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 61.

⁵¹⁶ Памятники русского права. Ч. 3. / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. С. 28-29.

⁵¹⁷ Документы Разрядного приказа, уставные грамоты, челобитные помещиков, Боярские списки, оброчные записи, наказы и т.д.

⁵¹⁸ Исторический архив. Т. VIII. М., 1953. С. 3.

Видное место в деле становления централизованного государства историки отводили городскому населению, которое в XV–XVI вв., согласно марксистско-ленинской теории, было охвачено классовыми противоречиями. В эпоху централизации произошли изменения, приведшие к быстрому росту таких классовых групп, как ремесленники и купечество. Они образовали заметную в социально-экономическом отношении прослойку т.н. «посадских людей». По наблюдению П.П. Смирнова, это понятие входит в употребление при Иване III, то есть как раз ко времени завершения объединительных процессов в северо-восточных землях⁵¹⁹.

Рост городов, отмечавшийся исследователями в период централизации, связывался ими с превращением посадского населения в важный фактор политического объединения страны. А.М. Панкратова указывала: «Купечество было заинтересовано в прекращении феодальных войн и объединении всех русских земель, так как это облегчило бы торговые сношения между отдельными частями страны»⁵²⁰.

В 1947 г. вышло в свет фундаментальное исследование П.П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века», посвящённое социально-экономической эволюции русских городов в феодальную эпоху. Согласно выводам учёного, в годы правления Ивана III и Василия III «пёстрые элементы удельного городского населения объединены были в одну группу государевых тяглых чёрных людей»⁵²¹ и противопоставлены нетяглому белому населению. Именно это тяглое население городов, получившее тогда же название «посадские люди», выступило, по мнению П.П. Смирнова, социальной опорой последующих преобразований Ивана IV.

---

⁵¹⁹ Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М. ; Л., 1947. С. 103.

⁵²⁰ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1941. С. 118.

⁵²¹ Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М. ; Л., 1947. С. 103.

Данные построения вскрывали классовую подоплёку внутривосточных процессов в России XVI в. и показывали с марксистских позиций процесс институционального оформления нового государственного порядка. Чёрные горожане были определены П.П. Смирновым как активное начало усиливавшихся классовых противоречий зрелого феодального общества и движущая сила централизации. Учёный полагал, что пресечение «реакционных» начинаний боярско-княжеской знати стало возможно в связи с выступлением «двух слагающихся классовых групп»: служилого поместного дворянства и посадских людей⁵²².

Любопытно, что Ю.В. Готье в статье от 1939 г. отрицал союз посадского населения с дворянством, отмечая, что он «не доказан, и едва ли его можно доказать»⁵²³. Выводы П.П. Смирнова демонстрируют наметившуюся в науке 1940-х гг. тенденцию к переосмыслению такого положения. Советская историография уже была склонна признать смычку двух классовых групп как носителей прогрессивного начала в истории. С.В. Юшков в конспекте лекций по истории государства и права (1940) называл земские соборы в XVI в. «органом влияния поместного дворянства и верхов купечества»⁵²⁴. В начале 1950-х гг. это положение сохранило актуальность, о чём свидетельствует лекция, прочитанная Л.В. Черепниным в Академии общественных наук при ЦК КПСС. В ней середина и вторая половина XVI в. названы временем, которое «характеризуется укреплением феодальной монархии, опирающейся на союз поместного дворянства и городов»⁵²⁵.

В 1940-е гг. проблему классовой борьбы в городах пристально исследовал С.В. Бахрушин. Развитие товарно-денежных отношений в XVI в. он связывал с повсеместным углублением классовых противоречий – как в сельской местности,

---

⁵²² Там же. С. 105.

⁵²³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 341. Л. 26.

⁵²⁴ Юшков С.В. Конспект лекций по истории государства и права СССР (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1940. С. 132.

⁵²⁵ Ф. 1791. Оп. 1. Д. 137. Л. 43.

так и в городах. Пик борьбы посадского населения против феодального гнёта учёный увязывал с «засильем боярской верхушки в “несовершенные лета” Ивана IV»⁵²⁶. С.В. Бахрушин отмечал возрастание социально-политического значения посадов, сосредоточивших существенные объёмы производства и торговли. На усиление роли посада в государственных делах указывал и С.В. Юшков: «С улучшением экономического положения городского населения росло его политическое влияние»⁵²⁷.

Согласно БСЭ, феодальный город являлся «крупнейшим фактором обострения классовой борьбы в феодальном обществе»⁵²⁸. Как отмечал Е.А. Косминский, автор статьи о феодализме в 1-м издании БСЭ, город представлял важный составной элемент феодальной формации. По мысли автора, город долгое время, «особенно на первых стадиях своего развития, подчинен феодальному сеньору, и его жители, являясь частью крепостными сеньора, принуждены нести в его пользу феодальную ренту. Лишь в результате долгой и упорной борьбы с сеньорами средневековые города добиваются личной свободы своих жителей и известных прав самоуправления»⁵²⁹.

Развитие классовых противоречий в среде горожан отмечал В.В. Мавродин в труде «Образование единого русского государства» (1951). По его наблюдению, чёрные люди вели ожесточённую борьбу с феодальной и ростовщической верхушкой городов и властями, их поддерживавшими⁵³⁰.

Использование марксистской теории при анализе социальных процессов вело к выявлению классовых аспектов в любых видах общественных взаимодействия. Нити классовой борьбы протягивались повсюду: от отношений производства до сферы

---

⁵²⁶ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI – начала XVII вв. М., 1952. С. 204.

⁵²⁷ Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1947. С. 181.

⁵²⁸ БСЭ. Т. 57. М., 1936. Стб. 128.

⁵²⁹ Там же.

⁵³⁰ Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951. С. 59.

религиозных поступков. Одной из форм борьбы посадского населения с феодальным угнетением, по мнению учёных, становились еретические учения. И.У. Будовниц отмечал, что русский посад XVI в., подобно городам Западной Европы, был «охвачен ересями, т.е. реформационными идеями»⁵³¹. Такое сравнение не случайно, оно показывает стремление марксистской науки к типологическим обобщениям, в рамках которых русский исторический процесс соотносился бы с западноевропейским.

По оценкам исследователей, ереси имели выраженную классовую подоплёку и вовлекали в свою орбиту преимущественно городские слои населения. К.В. Базилевич видел в ереси «жидовствующих», распространившейся в конце XV в., проявление классовых противоречий и выражение социального протеста «городского населения и низшего духовенства против господствующей церкви как орудия феодального угнетения»⁵³². Согласно утвердившейся в историографии трактовке, ереси носили «рациональный» характер, будучи противопоставляемы учению официальной церкви – идеолога и защитника феодального неравенства.

Обострение классовой борьбы историки обнаруживали в крупных городских выступлениях. В качестве яркого примера называлось московское восстание 1947 г. Оно занимает важное место в научной и учебной литературе исследуемого периода. По замечанию И.И. Смирнова, «классовые противоречия достигли к тому времени большой остроты»⁵³³. На это же указывается в монографии В.Л. Снегирева (1947)⁵³⁴. Авторы вузовского учебника по истории настаивали, что «на господствующие классы события 1947 г. произвели очень сильное впечатление»⁵³⁵. То же суждение

---

⁵³¹ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М. ; Л., 1947. С. 39.

⁵³² История Москвы. В 6 т. Т. 1. М., 1952. С. 123-124.

⁵³³ Смирнов Московское восстание 1547 // Вопросы истории. 1953. № 12. С. 106.

⁵³⁴ Снегирев В.Л. Московские слободы. М., 1947. С. 109.

⁵³⁵ История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., 1948. С. 307.

высказано в конспекте лекций Л.В. Черепнина⁵³⁶. С.В. Бахрушин подчёркивал, что московские волнения были вовсе не единичным явлением. «В 1540-х годах, – писал исследователь, – по всему государству прокатилась волна городских волнений, свидетельствовавших об обострении классовых противоречий. Эти движения в основном носят тот же резко антифеодальный характер, как и в Москве, но в них проявляется и борьба внутри посада между его низами и верхами, о которой умалчивают наши источники, трактующие о московском восстании»⁵³⁷. Волнения посада оценивались историками как мощная сила, подталкивавшая социально-политические изменения в централизованном государстве, вынуждавшая правительство реформировать систему управления в духе усиления начал самодержавия.

Пример обострения классовой борьбы горожан исследователи находили в перипетиях по случаю отъезда Ивана IV в Александровскую слободу в 1565 г. Этот эпизод оценивался как свидетельство весомого вклада посадского населения в обеспечение легитимности опричного порядка, вводимого царём. В этот решительный момент, по словам С.В. Бахрушина, «борьбы царской власти с феодальными магнатами московский посадский люд встал решительно на сторону центральной власти»⁵³⁸. Таким образом, городская среда виделась историкам активным участником процессов складывания централизованной государственности и оформления новой системы социально-политических отношений, прогрессивным началом исторического процесса.

Ещё одной темой, привлёкшей внимание исследователей, стала борьба внутри господствующего феодального класса. По мнению историков, она пронизывала события конца XV–XVI вв., а наивысшего подъёма достигла в правление Ивана IV, с особой остротой проявившись в период опричнины. Становление подходов к её

---

⁵³⁶ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 132. Л. 130.

⁵³⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 208.

⁵³⁸ Там же. С. 210.

изучению неразрывно связано с критикой концепции М.Н. Покровского. Нарекание вызвало его утверждение о борьбе бояр и дворян как столкновении конкурирующих классов⁵³⁹. «Можно только удивляться, – писал в 1939 г. Ю.В. Готье, – как Покровский мог допустить такую грубую методологическую ошибку. Историческая смена боярства дворянством, действительно, явилась результатом долгой и тяжёлой борьбы, но это была не борьба двух классов, а была борьба двух групп, двух слоёв одного и того же господствующего класса феодалов»⁵⁴⁰.

Развитие данного положения привело к укоренению в научной литературе понятий «боярская реакция» и «дворянская программа». С их помощью подчёркивалась классовая подоплёка социально-политических трансформаций в эпоху Ивана Грозного. О «годах боярской реакции» говорил К.В. Базилевич⁵⁴¹. Той же терминологией широко пользовались авторы работ о правлении Ивана Грозного. В сочинениях конца 1930-х гг. ещё заметно некоторое разнообразие фразеологии (например, «боярское самовластие» у Б.Г. Верховеня⁵⁴²). Но уже к середине 1940-х гг. для характеристики политической активности боярско-княжеской знати в XVI в. закрепляется понятие «реакция». Так, Р.Ю. Виппер пишет о «реакционной оппозиции XVI века»⁵⁴³. У С.В. Бахрушина читаем о «боярско-княжеской реакции» 1530-1540-х гг.⁵⁴⁴. О «силах внутренней реакции» говорится в монографии

---

⁵³⁹ Такая точка зрения была распространена в науке на протяжении 1920-х гг. Например, С.М. Дубровский так описывал суть общественных столкновений в XVI в.: «Переход от феодальной формы государства к абсолютной монархии сопровождается ожесточённой борьбой, именно борьбой создававшихся в рамках ещё феодального строя крепостников против государства феодалов. Эта борьба составила основу русской опричнины, которая была ничем иным, как борьбой нарождающегося класса крепостников против класса феодалов (курсив наш – Н.Т.)» (Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929. С. 86-87.)

⁵⁴⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 1. Д. 341. Л. 20.

⁵⁴¹ Базилевич К.В. Лекции 12 и 13. Расширение русского государства и превращение его в многонациональное. М., 1940. С. 4.

⁵⁴² Верховень Б.Г. Россия в царствование Ивана Грозного. М., 1939. С. 10.

⁵⁴³ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М.; Л., 1944. С. 96.

⁵⁴⁴ Бахрушин С.В. Самодержавие Ивана Грозного. М., 1946. С. 51.

(1952)⁵⁴⁵ К.В. Базилевича. Данная терминология перешла и в учебную литературу. В учебник для вузов (1948) был включён параграф «Боярско-княжеская реакция в малолетство Ивана IV»⁵⁴⁶.

Первый этап становления русского государства, сопряжённый с преодолением территориальной разобщённости, был ознаменован оформлением централизованного аппарата великокняжеской власти. В понимании историков-марксистов, на этом этапе московские правители выступали выразителями интересов почти всех слоёв населения, исключая остатки удельной знати, медленно растворявшиеся в нарождавшемся сословии служилых феодалов.

На втором этапе, связанном с укреплением и расширением московской державы, происходит превращение русского государя в защитника специфических интересов дворянской аристократии. Это закономерно приводит к нарастанию и обострению социальных противоречий между данной классовой группой и трудящимся крестьянским населением, переживающим в XVI в. усиление крепостнических порядков. Однако главным нервом социально-экономических противоречий историки видели конфронтацию внутри правящего класса, связанную с борьбой старой княжеско-боярской знати с новой формирующейся корпорацией служилого дворянства. В экономическо-правовом измерении данная борьба представлялась конфликтом двух форм землевладения: удельной вотчины с поместьем.

Историки-марксисты не могли обойти вниманием такой сюжет, как реформы Избранной рабы 1550-х гг., традиционно занимавший важное место в отечественной историографии. Большой интерес был проявлен к особенностям формирования и составу данного неформального органа. Учёных занимала не только структура, но и

---

⁵⁴⁵ Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. С. 221.

⁵⁴⁶ История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., 1948. С. 303.

сущность нового института, его значение в качестве инструмента развития начал централизованного управления.

Любопытно исследование С.В. Бахрушина (1945), по итогам которого учёный пришёл к выводу о возможности уподобить понятие «Избранная рада», используемое в сочинениях боярина Курбского, ближней думе, известной по русским источникам того же времени⁵⁴⁷. Свои выводы историк изложил в статье для журнала «Исторические записки». В ней он попытался объяснить причины возникновения и падения Избранной рады в контексте классового понимания целей и характера её деятельности. Автор оценивал совет при Иване IV как фактическое правительство, действовавшее без институционального оформления⁵⁴⁸. В действиях ближайших сподвижников царя С.В. Бахрушин видел попытку преобразовать Раду в постоянно действующее учреждение. Это он трактовал как «важный момент в истории организации правительственного аппарата централизованного государства, являвшегося определённым этапом в деле самого создания этого государства»⁵⁴⁹. Учёный делал вывод о «дворянском характере» мероприятий Избранной Рады⁵⁵⁰ и называл их целью укрепление централизованного государства, полностью отвечавшее интересам дворянства⁵⁵¹.

Корни формирования ближней думы обнаруживались историками ещё в деятельности Василия III, отказавшегося от принятия государственных решений совместно с родовитыми потомками удельных князей и заведшего обычай советоваться «сам третей» с узким кругом приближенных лиц. Об этом «новшестве» в политической жизни страны скупо упоминалось в разделах учебников и монографий, посвящённых правлению Василия III. Избранная рада понималась историками-марксистами как форма консолидации прогрессивно ориентированных

---

⁵⁴⁷ Бахрушин С.В. «Избранная рада» Ивана Грозного // Исторические записки. Т. 15. 1945. С. 39.

⁵⁴⁸ Там же. С. 45.

⁵⁴⁹ Там же. С. 42.

⁵⁵⁰ Там же. С. 51.

⁵⁵¹ Там же. С. 54.

представителей знати, сознававших неизбежность социально-политических преобразований. Их внутриклассовым антагонистом называлась боярская дума, которую В.В. Мавродин охарактеризовал как «средоточие сколков старой системы феодальной раздробленности»⁵⁵².

И.И. Смирнов подробно изучил списки «ближней думы» 1549 и 1553 гг. и представил полученные выводы в статье «Иван грозный и боярский «мятеж» 1553 г.» (1953). Учёный утверждал, что почти полное обновление состава «думы», дважды имевшее место после ликвидации «боярского правления», красноречиво свидетельствует о наличии острой политической борьбы в среде высшей знати середины XVI в.⁵⁵³.

Складывание Избранной рады исследователи полагали попыткой найти равновесие между притязаниями классовых группировок: боярско-княжеской и дворянской. Этим подводилось логическое основание под объяснение причин и характера последующих решений царя. С.В. Бахрушин считал, что Рада по своему составу являла компромисс между боярством и дворянством, а потому не могла быть последовательной в проведении программы перестройки общественно-политических отношений⁵⁵⁴. М.В. Нечкина также оценивала деятельность Рады как неудавшуюся политику классового компромисса. Свою позицию она изложившая в статье «Иван IV» для 1-го издания БСЭ⁵⁵⁵.

Логическим выводом из названных положений было утверждение о неизбежности обострения классовой борьбы внутри феодальной верхушки, предельным выражением которого стало введение царём опричнины. По утверждению Ю.В. Готье, «борьба великокняжеской и царской власти с феодальным боярством началась ещё при Ивана III. По мере того, как росло и организовывалось

---

⁵⁵² Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951. С. 192.

⁵⁵³ Смирнов И.И. Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. // Исторические записки. Т. 43. М., 1953. С. 157.

⁵⁵⁴ Бахрушин С.В. «Избранная рада» Ивана Грозного // Исторические записки. Т. 15. 1945. С. 54-55.

⁵⁵⁵ БСЭ. Т. 27. М., 1933. Стб. 327.

мелкое дворянство, ставшее союзником царя, борьба становилась всё сильнее. Её кульминационный пункт падает на время, когда была учреждена и действовала опричнина»⁵⁵⁶. Тем самым трактовка опричной политики прочно утверждалась на фундаменте классовой теории, а оценки историками событий данного периода были окончательно очищены от субъективизма и неопределённости, которая прежде произрастала на почве вульгарно-психологических рассуждений о личностных особенностях Ивана Грозного. В данном аспекте отечественная историография 1930 – начала 1950-х гг. показала строгую последовательность и логическую завершённость.

Новую грань в оценках политики централизации задавала усилившаяся к началу 1940-х гг. национально-патриотическая пропаганда. В контексте соответствующей риторики учёные трактовали пережитки раздробленности на Руси. Конфликт удельной морали и централизованных начал проецировался на комплекс актуальных идей о верности и служению отечеству. К суждениям о реакционности боярско-княжеской оппозиции добавляется идея о её антигосударственной, изменнической сущности. Так, И.И. Смирнов подчёркивал «ориентацию реакционных княжеско-боярских кругов на внешние силы, враждебные Русскому государству»⁵⁵⁷. В своей борьбе против царя княжата и бояре, по утверждению историка, «встали на путь прямой государственной измены»⁵⁵⁸. С.В. Бахрушин писал: «Как за последнее средство самозащиты от растущей царской власти бояре цеплялись за право отъезда, закрывая глаза на тот факт, что при изменившихся условиях отъезд был равносителен измене отечеству»⁵⁵⁹. Учёный показывал, что к середине XVI столетия идея отечества уже присутствовала имплицитно в ядре культурных представлений. В трудах историка данный тезис не высказан явно, но чётко прослеживается по

---

⁵⁵⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 341. Л. 26.

⁵⁵⁷ Смирнов И.И. Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. // Исторические записки. Т. 43. М., 1953. С. 179.

⁵⁵⁸ Там же. С. 181.

⁵⁵⁹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 293.

контексту рассуждений. По сути, С.В. Бахрушин говорит об отечестве как понятии, вбирающем в себя круг смыслов, определяющих нравственные координаты представлений о национальном государстве. Такая смысловая подводка обеспечивала надёжные основания выводам о конструктивном характере репрессивной политики Ивана IV, которую учёный характеризовал как «момент созидания единого централизованного национального государства, как неизбежный этап в борьбе за абсолютизм»⁵⁶⁰. Таким образом, в реалиях общенациональной мобилизации военных и послевоенных лет, прослеживается усиление патриотической составляющей в оценке антибоярских мероприятий.

Значимое место в исследованиях о генезисе централизованной государственности занимала проблема опричнины. Данный институт притягивал внимание учёных как наиболее сложный для научной трактовки. Феномен опричнины замыкал на себе комплекс проблем, переплетённых с экономическими, политическими и социальными процессами середины XVI в. Анализ его содержания и значимости оказался сопряжён с общей оценкой деятельности царя Ивана IV и всего процесса государственного строительства. Сюжеты, связанные с опричниной, в 1930-х – начале 1950-е гг. стали важной частью теории централизованного государства. Опричнина трактовалась как проявление внутриклассовой борьбы, достигшей высочайшей остроты по мере подавления остатков раздробленности.

Общим местом явилась полемика с предшествующими поколениями историков о характере опричнины. Острой критике подвергся В.О.Ключевский за отказ признавать наличие «всякого политического смысла»⁵⁶¹ в опричнине. В 1939 г. БСЭ констатировала: «кровавый террор, связанный с опричниной, искоренением боярской измены, заслонил как для современников, так и для многих исследователей

---

⁵⁶⁰ Там же. С. 300.

⁵⁶¹ Там же.

существо опричнины»⁵⁶². Историки-марксисты последовательно доказывали тезис о закономерном и прогрессивном характере репрессивной политики Ивана Грозного. Она очищалась от излишнего психологизма и встраивалась в жёсткую схему формационной динамики. Исследователи осмысливали опричнину как важный функциональный компонент политической программы царя, содержанием которой было искоренение вредных пережитков раздробленности в укреплявшемся государстве, подавление их дестабилизирующего действия на политический организм. В изводе классово-антагонистического понимания данный период стал, по оценке П.А. Садикова, «разгаром острейшей борьбы между помещичье-дворянской опричниной и княжеско-боярской феодальной знатью»⁵⁶³.

После революции одним из первых к проблеме опричнины обратился М.Н. Покровский. Его наработки имели существенное влияние на историческую мысль своего времени. Учёный отчасти воспринял воззрения некоторых дореволюционных специалистов, таких как С.Ф. Платонов. Свою оценку опричнине он дал в сочинениях «Русская история с древнейших времён», «Истории России в самом сжатом очерке» и др. По его мнению, она стала результатом «государственного переворота», произведённого помещиками вместе с богатым купечеством⁵⁶⁴. Исходной точкой опричной политики стал вопрос о частном землевладении. «Сейчас аграрная подкладка опричнины составляет, можно сказать, общее место»⁵⁶⁵, – утверждал М.Н. Покровский. Опричнина объявлялась делом рук помещиков, царь же понимался лишь как пассивный проводник имущественных интересов этого нового класса⁵⁶⁶. Тезис о взаимосвязи классовой борьбы с опричной

---

⁵⁶² БСЭ. Т. 43. М., 1939. Стб. 226.

⁵⁶³ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М., 1950. С. 26.

⁵⁶⁴ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С. 43.

⁵⁶⁵ Покровский М.Н. Русская история. М., 1922. С. 189.

⁵⁶⁶ Там же.

политикой был высоко оценен советскими историками. Ю.В. Готье назвал его принадлежащим «к числу бесспорных достижений Покровского»⁵⁶⁷.

После разгрома концепции М.Н. Покровского произошло усиление тезиса о роли субъективного начала в рассматриваемых событиях. Смена подхода к интерпретации опричнины является ярким показателем идейных сдвигов и методологических трансформаций, сопутствовавших процессу создания новой концепции русской истории. Весьма показательна теоретическая перестройка, которую претерпела трактовка опричнины в работах Р.Ю. Виппера. В первом издании книги «Иван Грозный» (1922) заметна идейная переключка с выводами дореволюционной традиции, серьёзно критиковавшей опричнину и ставившей под сомнение её целесообразность. Ранняя позиция Р.Ю. Виппера такова, что опричнина, хотя и была важной реформой, вызванной участием страны в Ливонской войне, вместе с тем являлась «взрывом мести», а также «жестом ужаса и отчаяния у царя»⁵⁶⁸. Такая оценка была названа М.В. Нечкиной «контрреволюционным апофеозом»⁵⁶⁹.

Спустя двадцать лет Р.Ю.Виппер в корне пересмотрел свою позицию и выступил с решительным осуждением подхода, который сам исповедовал ранее. В переизданной монографии об Иване Грозном (1944) он писал: «издавна повелось изображать учреждение опричнины, прежде всего, как жест ужаса и отчаяния, соответствующий нервической натуре Ивана IV»⁵⁷⁰. И тут же требовал навсегда покончить со столь «наивной романтической постановкой вопроса». Также учёный призывал уйти от порочной привычки излагать внешнеполитические события вне связи с «внутренними социально-политическими движениями и переменами»⁵⁷¹.
Правки, возникшие в позднем тексте, позволяют проследить изменения воззрений

⁵⁶⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 341. Л. 10.

⁵⁶⁸ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922. С. 53.

⁵⁶⁹ БСЭ. Т. 27. М., 1933. Стб. 329.

⁵⁷⁰ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1944. С. 59.

⁵⁷¹ Там же.

Р.Ю. Виппера вследствие безраздельного принятия марксистско-ленинской парадигмы.

Концептуальное новшество, привнесённое советскими историками в объяснение предпосылок опричнины, состояло в подключении внешнеполитического контекста, в первую очередь – войны в Ливонии. В историографии 1930-х – начала 1950-х гг. она толковалась как закономерное разрешение противоречий, связанных с объективным изменением геополитических потребностей России. С.В. Бахрушин утверждал, что «в выходе к морю состояла насущная жизненная потребность русского народа»⁵⁷². А политику террора⁵⁷³ в отношении старого боярства учёный объяснял сопротивлением, которое старая знать оказывала внешнеполитическим начинаниям царя. Так под оценку опричной политики подводилась база аргументации, позволявшая сконструировать целостную картину представлений о роли опричнины в создании централизованного государства.

Марксистская методология определяла эту роль в контексте классовых противоречий. М.В. Нечкина в статье для БСЭ (1933) отмечала, что «социальным смыслом опричнины является ликвидация боярства и смешение его с дворянской служилой помещичьей массой»⁵⁷⁴. В научных изысканиях конца 1930-х – начала 1950-х гг. опричнина представлена как составная часть цельного замысла Ивана IV о поступательном преобразовании страны. Эксцессы произвола и лихоимства опричников объяснялись порочностью исполнителей, но не самой задумки. П.А. Садиков подчёркивал, что «Ивану приходилось проводить издавна

---

⁵⁷² Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 282.

⁵⁷³ Опричнина // Очерки истории СССР: конец XV – начало XVII вв. / Под ред. И.И. Смирнова. Л., 1957. С. 135.

⁵⁷⁴ Нечкина М.В. Иван Грозный // БСЭ. Т. 27. М., 1933. С. 328.

подготавливавшуюся им реформу в самом спешном порядке, может быть, даже не совсем её продумав до конца»⁵⁷⁵.

По мнению ряда исследователей, идея централизации в целом разделялась подавляющей частью феодальной знати. Однако, «в то время как дворяне были сторонниками централизованной самодержавной власти, бояре хотели делить с царем его власть и могущество»⁵⁷⁶. В литературе опричнина трактовалась как часть программы государственного строительства, последовательно проводимой Иваном IV в условиях обострения классовых противоречий. Тем самым в историографии закрепились мысль о назревшей потребности в репрессивных мероприятиях. Действия Ивана Грозного получили сугубо рационалистическое толкование и обоснованность своего рода презумпцией исторической необходимости. Логическим следствием из этой предпосылки явилась трактовка конфликта в русском обществе в связи с наступлением опричнины. Враждебное отношение к ней боярско-княжеской знати объяснялось её реакционным отношением к укреплению царской власти в противовес удельным порядкам. «Естественно, – писал С.В. Бахрушин, – что опричнина не могла не вызвать сильного противодействия со стороны крупных феодалов»⁵⁷⁷.

Тезис о классовой природе опричнины был подкреплён генеалогическими изысканиями. Г.Н. Бибикову удалось показать особенности социального состава опричнины. По его оценкам, в числе отобранных царём слуг, помимо неродовитых людей, обнаруживаются представители старой титулованной знати. Однако княжеские роды, которым они принадлежали, «задолго до опричнины утратили связи с родовыми вотчинами и по существу ничем не отличались от нетитулованных

---

⁵⁷⁵ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М., 1950. С. 18.

⁵⁷⁶ Опричнина // Очерки истории СССР: конец XV – начало XVII вв. / Под ред. И.И. Смирнова. Л., 1957. С. 129.

⁵⁷⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 302.

землевладельцев-крепостников»⁵⁷⁸. Эти выводы укрепляли теоретические позиции марксистской науки, склонной рассматривать опричную политику как проявление борьбы между чётко обособленными феодальными группами: боярско-княжеской реакцией и служилым сословием.

Суждения историков о конфронтации старой знати с царём покоились на убеждённости в наличии крупного боярского заговора против Ивана IV, сложившегося в связи с его внутренней и внешней политикой. Признавая недостаточность источниковой базы, исследователи опирались на принцип своеобразной презумпции виновности – наличия заговора, что вполне отвечало логике классовой борьбы. Так, П.А. Садиков в своих публикациях не единожды прибегал к формулировкам, выражавшим высокую степень уверенности в наличии заговора⁵⁷⁹. При этом последовательной критики «заговорщицкой» теории никто из исследователей в рассматриваемый период не дал⁵⁸⁰.

В научных и популярных трудах широко эксплуатировался тезис о реакционном характере современников, осуждавших царский террор. При этом советская историография признавала, пусть и вынужденно, губительные последствия опричного произвола. Однако в контексте идей о целесообразности борьбы с изменой они понимались как издержки, не могущие отменить исторической значимости почина русского царя. В понимании Б.Д. Грекова,

---

⁵⁷⁸ Бибиков Г.Н. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Труды государственного исторического музея. Вып. XIV. Сборник статей по истории СССР XVI-XVIII вв. / Под ред. Г.А. Новицкого. М., 1941. С. 28.

⁵⁷⁹ см. например: «Царь взял с оставшихся членов "рады" клятву не сообщаться с удаленными, но, по-видимому, обещание это не было выполнено» (Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М., 1950. С. 12.); «Среди заговорщиков-бояр, по-видимому, не было единства в конечной цели заговора» (Там же, С. 30.).

⁵⁸⁰ И.И. Смирнов в статье для 43-го тома «Исторических записок» представил своеобразную апологию репрессивной политики Ивана IV. Он писал: «угроза открытой вооруженной борьбы за власть между сторонниками Ивана Грозного и группировкой Владимира Старицкого была весьма велика», отсюда и возникла потребность в прямых и решительных действиях против «бояр-мятежников». (Смирнов И.И. Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 // Исторические записки. М., 1953. Т. 43. С. 169.)

опричнина стала формой жестокой борьбы, в которую вылились обострившиеся к середине XVI в. классовые противоречия⁵⁸¹. Естественным и оправданным итогом такой политики исследователь видел «тяжёлый и решительный удар», который та нанесла старой знати⁵⁸². В.В. Мавродин в материале для 2-го издания БСЭ (1955) оценивал реформы Ивана IV как нанесшие сокрушительный удар феодальной аристократии и приведшие к возвышению поместного дворянства как опоры самодержавной власти⁵⁸³.

С.В. Бахрушин в статье «Московское государство» для БСЭ (1938), определил цель опричнины как «уничтожение посредством политического террора последних остатков феодальной раздробленности»⁵⁸⁴. В последующих публикациях историк не единожды повторил эту мысль. По его мнению, «основная задача опричнины была достигнута: крупное землевладение было разгромлено и наиболее могущественные феодальные фамилии истреблены или обессилены. Этим достигалось укрепление централизованного государства. Теперь опричнина становилась ненужной и даже вредной»⁵⁸⁵. Таким образом, оценка событий выдерживалась в духе диалектического материализма: сыграв положительную роль в устранении объективных социально-политических противоречий, опричнина была устранена за ненадобностью. В сборнике очерков по истории СССР феодального периода (под редакцией И.И.Смирнова), находим такую трактовку: «Разгром Иваном Грозным в годы опричнины опасных заговоров княжат и бояр, смыкавшихся с внешними врагами Русского государства, был исторически прогрессивным делом»⁵⁸⁶.

---

⁵⁸¹ Греков Б.Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М. ; Л., 1940. С. 60.

⁵⁸² Там же. С. 32.

⁵⁸³ Российская советская федеративная социалистическая республика. БСЭ. Изд. 2-е. Т 37. М., 1955. С. 45.

⁵⁸⁴ Бахрушин С.В. Московское государство // БСЭ. Т. 40. 1938. С. 460.

⁵⁸⁵ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. Стб. 304.

⁵⁸⁶ Очерки истории СССР: конец XV – начало XVII вв. / Под ред. И.И. Смирнова. Л., 1957. С. 136.

Некоторыми авторами высказывались соображения о том, что упразднение опричнины произошло лишь формально. В действительности же она прочно вросла в систему управления, продолжив существовать в качестве царского «двора»⁵⁸⁷. А.А. Зимин настаивал, что в 1572 г. царь не только не упразднил опричнину как институт, но наоборот, «распространил её на территорию всего государства»⁵⁸⁸. Тенденции предшествующего времени получили более основательное закрепление и были расширены. А это рассматривалось как дополнительное свидетельство их верности, своевременности и прогрессивности.

К.В. Базилевич сообщил представлениям об опричнине ретроспективную глубину. По его мнению, это явление не было полностью самобытным, но стало как бы фазой в развитии процесса, запущенного ещё в конце XV в. Историк полагал, что «опричнина, всегда считавшаяся характерной особенностью внутренней политики Ивана Грозного, в действительности являлась расширенным воспроизведением мероприятий, произведённых Иваном III на Новгородской земле»⁵⁸⁹.

Трактовка опричнины советскими историками согласуется со схемой, обрисованной И.В. Сталиным в работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950). В ней советский руководитель сформулировал: «Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы»⁵⁹⁰.

---

⁵⁸⁷ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М., 1950. С. 71.

⁵⁸⁸ Зимин А.А. «Послания Ивана Грозного» // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 134.

⁵⁸⁹ Базилевич К.В. Образование русского национального государства. Иван III. М., 1946. С. 51.

⁵⁹⁰ Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 7.

Сталинская формулировка интересна как герменевтическая модель, предпосылающая заданную идейно-теоретическую схему дальнейшей работе с источниковой базой. В преломлении опричной проблематики эта модель предполагала усиление диалектического подхода в истолковании характера взаимодействий между крепостническим базисом и феодальной надстройкой. В свете предложенной методологической модернизации опричнина переставала выглядеть пассивной производной от межклассового конфликта русских феодалов, а становилась как бы инструментом социального прогресса. Такой сдвиг в акцентах окончательно закреплял уход от схемы М.Н. Покровского и частично реабилитировал подходы дореволюционной историографии, подвергшиеся остракизму в первое послереволюционное десятилетие.

Впрочем, не все историки феодализма одобрительно характеризовали опричнину. С.Б. Веселовский ставил под сомнение её эффективность как средства борьбы с вотчинным сепаратизмом. Он сравнивал «спокойную, уверенную» политику переселений Ивана III с «беспорядочными» выселениями, совершавшимися Иваном Грозным. Следствием этого учёный назвал «обогащение монастырей за счёт служилого класса и разорение нескольких тысяч служилых землевладельцев и многих десятков тысяч их крестьян»⁵⁹¹. С.Б. Веселовский признавал оппозиционность своих взглядов, называя их отличными от «распространённых в нашей историографии представлений»⁵⁹². В академических кругах учёный был ценен как влиятельный специалист, однако его расхождение с постулатами новой парадигмы неминуемо вызывало нарекания вплоть до открытых нападок. Таковой стала реакция на труд «Феодальное землевладение в северо-восточной Руси» (1947): работа встретила резкую отповедь в академических выступлениях и печати. В заметке, размещённой «Литературной газетой» некто

---

⁵⁹¹ Веселовский С.Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. и его отмена в 1572 году // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 103.

⁵⁹² Там же.

А.Кротов писал о монографии: «трудно поверить, что автор её – советский учёный и что издана она в 1947 году советским научно-исследовательским учреждением»⁵⁹³.

А.М. Панкратова назвала книгу С.Б. Веселовского рецидивом буржуазной идеологии, а предложенную автором концепцию товарного характера феодальных вотчин – антимарксистской⁵⁹⁴.

В 1943 г. С.Б. Веселовский написал заметку-рецензию⁵⁹⁵ на роман «Иван Грозный» В.И. Костылёва (автор был удостоен сталинской премии). В печать она попала уже после смерти учёного, в 1971 г. Понять причину задержки нетрудно: заметка не только полна критических замечаний по поводу работы прозаика с историческим материалом, но и содержит суждения об эпохе Ивана IV, резко расходящиеся с господствовавшими положениями. Так, о периоде опричнины учёный писал: «Неумные советники Ивана из среды того же дворянства столкнули Ивана на путь чистого произвола, и так начался кровавый хаос опал и казней. В 1569 г. Иван докатился на этом пути до дна»⁵⁹⁶. Как специалист в области политической истории XVI в. С.Б. Веселовский оказался до конца востребован лишь спустя десять лет после смерти, когда его изыскания начали публиковаться А.А.Зиминим и М.Н. Тихомировым⁵⁹⁷.

Приведённые примеры характеризуют состояние умов не только учёных, но в целом интеллигенции рассматриваемого времени. В 1944 г. литератор Н.Н. Асеев, красноречиво заметил: «Мы должны лет на пять замолчать и научить себя ничем не

---

⁵⁹³ Кротов А. Примиренчество и самоуспокоенность // Литературная газета. 1948. № 72 (2455). С. 2.

⁵⁹⁴ Панкратова А.М. Против буржуазного объективизма и космополитизма // Преподавание истории в школе. 1949. № 2. С. 7.

⁵⁹⁵ По поводу трилогии тов. Костылева и возникшей о ней полемики // Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия / С.Б. Веселовский. М., 2008. С. 143-171.

⁵⁹⁶ Веселовский С.Б. Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. М., 2008. С. 160-161.

⁵⁹⁷ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины // Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 7.

возмущаться»⁵⁹⁸. Позднее о вынужденной самоцензуре откровенно высказалась М.В. Нечкина. На всесоюзном совещании историков 1962 г. она указала на разобщённость учёных в годы сталинского руководства, когда «нельзя было откровенно поделить своими мыслями, сомнениями даже с товарищами, боясь поставить их в трудное положение»⁵⁹⁹.

Таким образом, заявление определённой оценки событий эпохи Ивана IV становилось косвенным показателем лояльности историка программным указаниям политического руководства. Негласное обязательство ориентироваться на «подсказанные» сверху характеристики и суждения о прогрессивности опричнины, несомненно, деформировали научную мысль. Трактовка и оценки явления стали меняться с середины 1950-х гг. Показательна статья В.Н. Шевякова в журнале «Вопросы истории» (1956), в которой он ставил под сомнение доктринальный тезис 1930-х – начала 1950-х гг. о прогрессивном характере опричнины. В тексте она названа «хищнической, террористической формой эксплуатации, ограбления и истребления трудящихся крестьян, ремесленников, холопов», средством обогащения царя и его опоры в лице дворян-помещиков за счёт всего остального населения⁶⁰⁰.

Не только политическая сфера, но культура периода централизации была, по мысли историков-марксистов, пронизана классовым антагонизмом. В журнале «Преподавание истории в школе» от 1951 г. читаем: «Культура XVI в. воинственная. Прогрессивные произведения защищали, утверждали, укрепляли господствующую идею века – идею единства народа, государства, власти»⁶⁰¹. Ту же мысль позже повторил Л.В. Черепнин в лекции для слушателей Академии Общественных наук при ЦК КПСС (1953): «развитие русской культуры в XVI в. определялось общими

---

⁵⁹⁸ «Резкая, враждебная реакция...» // Жданов А.А., Маленков Г.М. Сталин и космополиты. М., 2012. С. 42.

⁵⁹⁹ Всесоюзное совещание историков // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 8.

⁶⁰⁰ Шевяков В.Н. К вопросу об опричнине при Иване IV // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 74.

⁶⁰¹ Мичурина Н.С. Культура московской Руси XVI в. (материал к уроку) // Преподавание истории в школе. 1951. № 5. С. 66.

явлениями русского исторического процесса, приведшего в XVI в. к созданию Русского централизованного государства»⁶⁰².

Исследователи обнаруживали в русской культуре времён Ивана III – Ивана IV проявления как прогрессивных, так и реакционных начал. Раскрытие логики классовых противоречий в развитии духовной культуры стало одной из ключевых задач научного поиска. Как важный элемент классовой борьбы историки рассматривали столкновения в идеологическом поле. Для периода XV–XVI вв. таковым являлось литературное творчество. В 1940-е – начале 1950-х гг. были написаны статьи и монографии, посвящённые проблеме идейно-политических противоречий и их отражению в памятниках письменности эпохи централизации. Исследователи стремились обнаружить отражение классового и внутриклассового антагонизма в различных жанрах литературного творчества: эпистолярном, летописном, публицистическом и т.д. По словам Л.В. Черепнина, «рост Русского централизованного государства вызвал развитие литературы, насыщенной социальными и политическими проблемами. В этой литературе нашла своё отражение классовая и внутриклассовая борьба в феодальном обществе»⁶⁰³.

Марксистская историография разглядела в русской литературе XV–XVI вв. арену столкновения интересов сразу нескольких социальных групп: боярства, дворянства, крестьянства и посадских. По наблюдению Н.С. Козлова, общественная мысль эпохи «даёт возможность выделить отдельные направления, выражающие интересы и устремления различных классов и сословий»⁶⁰⁴. Общественно-политическая мысль «вмешивалась в ход борьбы общественных классов, ставила важные общественные проблемы»⁶⁰⁵.

---

⁶⁰² АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 137. Л. 5.

⁶⁰³ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 137. Л. 20.

⁶⁰⁴ Козлов Н.С. Развитие общественно-политической мысли в период образования и укрепления русского централизованного государства. М., 1954. С. 9.

⁶⁰⁵ Там же. С. 16.

Внимание исследователей привлекали как светские сочинения, в которых социально-политические мотивы были вполне ожидаемы, так и церковная публицистика. Ярким примером служат изыскания по поводу памфлета XVI в. «Беседа Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев». А.Д. Седельников обнаружил в нём отражение нараставшего социального конфликта между верховной властью централизованного государства и представителями удельной знати. По мнению исследователя, сочинение отражало протест боярско-вотчинной элиты против укрепления смычки власти правителя с поместным дворянством⁶⁰⁶. На классовый подтекст памятника указывал также С.В. Юшков. «Взгляды боярства, – писал учёный, – были выражены в анонимном произведении “Беседа Валаамских чудотворцев”. Автор “Беседы” всячески проводил мысль о необходимости сохранения боярством прежнего влияния»⁶⁰⁷. Данная точка зрения нашла отражение в учебной литературе. В учебнике истории СССР для исторических факультетов указывалось: «Боярство выдвигало теорию о государстве, управляющем совместно со своими вассалами. Эта теория нашла себе выражение в “Беседе валаамских чудотворцев”»⁶⁰⁸.

Заметным явлением в историографии конца 1940-х гг. стала монография И.У. Будовница «Русская публицистика XVI в.»⁶⁰⁹. Формулируя задачи исследования, автор указывал, что обязанность историка состоит в том, чтобы вскрыть «религиозную оболочку» сочинений средневековых писателей и «показать, какие общественные интересы водили их пером»⁶¹⁰. Публицистика, согласно И.У. Будовницу, является зеркалом классовых конфликтов, и каждый публицист

---

⁶⁰⁶ Седельников А.Д. Две заметки по эпохе Ивана Грозного // Сборник статей к сорокалетию учёной деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934. С. 167-173.

⁶⁰⁷ Юшков С. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX в. // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 84.

⁶⁰⁸ История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., 1948. С. 329

⁶⁰⁹ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947.

⁶¹⁰ Там же. С. 4.

«отражает идеологию определённых классовых групп»⁶¹¹. Таким образом, и в эпоху централизации «публицистическое выступление являлось обычным средством идеологической борьбы»⁶¹². Пристальное внимание уделил классовой конфронтации, разворачивавшейся по линии противостояния крестьян и феодальной церкви. Заслуживает внимания предпринятый с этой позиции анализ житийной литературы, в которой автор обнаруживает отражение захватнической политики монастырей на крестьянских землях, вскрывает классовый характер деятельности святых. «Здесь не было места идиллии»⁶¹³, – констатировал исследователь. – «Стяжательство монастырей естественно вызывало большое озлобление крестьян»⁶¹⁴. Работа И.У. Будовница служит примером заметных успехов отечественной науки в области источниковедческих исследований. В то же время она демонстрирует специфику марксистско-ленинского подхода к анализу исторических источников, его выраженную классовую ориентацию.

В том же ключе написана поздняя статья И.У. Будовница (1951), посвящённая разбору выдающегося памятника удельной эпохи – «Молению Даниила Заточника»⁶¹⁵. В нём, по мнению историка, «в зачаточной форме встречаются уже те требования дворянства, которые позднее, политически окрепнув, оно заявило полным голосом»⁶¹⁶. Внимательный разбор памятника привёл исследователя к убеждению, что в тексте «в зародышевом виде» содержатся требования, получившие развитие в XVI в. в сочинениях Ивана Пересветова⁶¹⁷. Такие выводы не только задавали перспективу изучения литературных памятников в классовом контексте, но

---

⁶¹¹ Там же. С. 6.

⁶¹² Там же. С. 109.

⁶¹³ Там же. С. 11.

⁶¹⁴ Там же. С. 13.

⁶¹⁵ Будовниц И.У. Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. VIII. М.; Л., 1951. С. 138-157.

⁶¹⁶ Там же. С. 156.

⁶¹⁷ Там же. С. 152-153.

и служили пониманию культурного развития Руси как непрерывного и внутренне целостного процесса.

С именем публициста XVI в. Ивана Пересветова историография 1930-х – начала 1950-х гг. связывала положение об идейном обосновании политических преобразований Ивана IV, проводимые при содействии Избранной Рады. Тезисы, содержащиеся в сочинениях Пересветова, оценивались историками как публичное заявление социально-экономических интересов нарождавшегося сословия дворян-помещиков. В научной литературе получило широкое хождение понятие «дворянской программы», выразителем которой назывался Пересветов. Его взгляды, по характеристике И.У. Будовница – это «стройная программа, обоснованная теоретически, разработанная в практических деталях и изложенная с известным литературным мастерством. Заложенные в основу этой программы идеи были боевыми для своего времени и соответствовали тем новым задачам, которые ход исторического развития выдвинул перед Русским государством»⁶¹⁸. Ю.В. Готье видел в опричнине Ивана IV осознанную попытку царя, «опираясь на дворянство, осуществить программу Пересветова»⁶¹⁹.

Сочинения Пересветова заняли видное место в трудах исследователей эпохи централизации. Об этом наглядно свидетельствует внушительный библиографический перечень монографий, статей и рецензий, составленный А.А. Зиминым и снабжённый короткими аннотациями⁶²⁰. Противовес «дворянской программе» историки видели в теории боярского самодержавия, наиболее ярким выразителем которой считался боярин Андрей Курбский.

Марксистская историческая концепция ставила интересы государства в один ряд с интересами дворянской знати. Поэтому общественно-политические взгляды

---

⁶¹⁸ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М. ; Л., 1947. С. 218.

⁶¹⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 341. Л. 25.

⁶²⁰ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 456-479.

русского дворянства, в исследованиях 1940-х – начала 1950-х гг. содержательно переплеталась с идеологией централизованного государства. Среди памятников словесности XVI в. историками выделялись сочинения, направленные на утверждение и пропаганду концепции самодержавной царской власти. По мнению Н.С. Чаева, это, прежде всего, «Теория “Москва – Третий Рим” со всеми вспомогательными к ней построениями московских идеологов», отражавшая «успехи складывания и укрепления национального, а по форме своей – централизованного, феодального государства»⁶²¹.

Примечательно, что с начала 1940-х гг. исследователи всё больше стремились осмыслить учения о самодержавной власти в духе национальной самобытности. В них желали видеть не простую рецепцию византийских идей, но проявление творческих сил самой русской культуры, пребывавшей на подъёме в пору государственного и национального строительства. Д.С. Лихачёв в одной из статей (1944) решительно утверждал, что «политическая теория Русского государства, выросшая в условиях новой международной расстановки сил, не шла на поводу ни у Западной Европы, ни у греков или псковского и новгородского чёрного духовенства, Те же внутренние причины, которые обусловили необычайный рост Русского государства в конце XV и в XVI в., вызвали рост национального самосознания и развитие политической теории Русского государства. Создавая свою теорию, московское правительство исходило из необходимости национального объединения Руси»⁶²².

Такая трактовка не выглядит случайной. Подъём патриотических настроений в годы войны и распространение в обществе идей о величии русского народа влияли на выводы учёных об особенностях духовной культуры прошлого. Иногда, впрочем,

---

⁶²¹ Чаев Н.С. «Москва – Третий Рим» в политической практике московского правительства XVI в. // Исторические записки. Т. 17. М., 1945. С.13.

⁶²² Лихачёв Д. К вопросу о теории Русского государства в конце XV и в XVI в. // Исторический журнал. 1944. № 7-8. С. 32.

суждения исследователей приобретали гротескные формы. Так, Д.С. Лихачёв настаивал, что русские правители периода централизации вовсе были чужды теории третьего Рима, как «и идее византийского наследства через Софью Палеолог»⁶²³. По мнению автора, «настоящий толчок развитию теории Русского государства был дан изнутри – формированием русского национального государства»⁶²⁴ Схожей позиции придерживался К.В. Базилевич. Он отмечал, что брак Ивана III с византийской принцессой не использовался ни им, ни его потомками как «доказательство своих исторических и династических прав на самодержавную власть»⁶²⁵.

Эпоху Ивана IV советская историография представляла как время, когда классовая борьба достигла своего пика. Соответствующим образом идеология самодержавной власти оценивалась как достигшая расцвета и символической завершенности. По утверждению Н.С. Чаева, «в наиболее развитом виде независимость от кого бы то ни было и суверенность царской власти в Московском государстве обосновываются при Иване Грозном»⁶²⁶.

Проблема классовых противоречий в обязательном порядке освещалась в учебной литературе, хотя менее основательно, нежели в научных сочинениях. Долгое время это обстоятельство не вызывало нареканий в научном сообществе. К примеру, Н.Л. Рубинштейн в рецензии на учебник для 8-го класса средней школы отмечал, что его изложение «органически пронизано марксистским анализом»⁶²⁷. С тех пор учебник многократно переиздавался лишь с несущественными дополнениями. Через несколько лет, в 1952 г., Л.В. Черепнин на страницах «Вестника МГУ» подверг критике актуальную учебную литературу за недостаточную проработанность вопроса о классовом антагонизме. «В

---

⁶²³ Там же. С. 32.

⁶²⁴ Там же. С. 34.

⁶²⁵ Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. С. 77.

⁶²⁶ Чаев Н.С. «Москва – Третий Рим» в политической практике московского правительства XVI в. // Исторические записки. Т. 17. М., 1945. С.14.

⁶²⁷ Критические статьи и обзоры // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 116.

существующих учебных пособиях, – писал автор, – проблема классовой борьбы в период образования Русского централизованного государства не занимает достаточного места, что объясняется недостаточной изученностью источников»⁶²⁸. С таким суждением можно согласиться лишь отчасти. Отечественная наука 1930-х – начала 1950-х гг. добилась заметных успехов в названной области. Работы Д.С. Лихачева, И.У. Будовница, С.В. Юшкова, да и самого Л.В. Черепнина составили крупный вклад в развитие источниковедения. В то же время учебная литература, действительно, уделяла немного внимания классовой составляющей процесса централизации. Это хорошо видно на примере материала о внутренней политике Ивана IV. В одном из поздних изданий учебника А.В. Шестакова (1954) весьма скупо говорится о «жестокой борьбе с боярами, которые противились объединению страны, укреплению самодержавной власти царя»⁶²⁹. Об обострении противоречий между классовыми группами феодалов не сообщается, отчего политика Ивана IV обретает исключительно политический, даже отчасти патриотический смысл.

Схожую оценку даёт учебник для средней школы в редакции 1953 г. «Измены бояр и неудачи в Ливонии, – пишут авторы, – ставили особенно остро вопрос о сосредоточении власти в руках царя, о полной ликвидации боярской оппозиции и пережитков феодальной раздробленности»⁶³⁰. Впрочем, отсылка ко внутриклассовому антагонизму в книге содержится и отражена в части выводов об историческом значении антибоярской политики Ивана Грозного. Об этом читаем: «Опричнина отвечала классовым интересам мелкого и среднего дворянства. Посредством опричнины дворяне увеличили свои земельные владения, так как им

---

⁶²⁸ Черепнин Л.В. Формы классовой борьбы в Северо-Восточной Руси в XIV-XV веках (в период образования Русского централизованного государства) // Вестник МГУ. 1952. №4. С. 112.

⁶²⁹ История СССР. Краткий курс: учебник для 4-го класса / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1954. С. 48.

⁶³⁰ История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. Ч. 1 / Под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 12-е. М., 1953. С. 144.

раздавались конфискованные у бояр вотчины. Использовали дворяне опричнину и для нажима на крестьянство»⁶³¹. Впрочем, проблема классовой борьбы, о которой говорил Л.В. Черепнин, упомянута авторами вскользь и явно не определяет логику изложения материала.

Довольно слабо тема классовых противоречий звучала и в вузовском учебнике (для исторических факультетов). В разделе «Социальный характер опричнины» авторы подчёркивали её антибоярский характер, а также отмечали опору Ивана IV на среднее и мелкое дворянство при поддержке городских посадов⁶³². Однако обстоятельного раскрытия классовой сущности конфликта внутри феодальных верхов учебник не давал. Смысловой упор, как и в школьной литературе, делался на ликвидацию пережитков феодальной раздробленности⁶³³, укрепление централизованного феодального государства⁶³⁴.

Таким образом, тема державного строительства в учебниках явно преобладала над проблемой классовых и внутриклассовых противоречий. Отчасти это можно объяснить специфическими задачами, стоявшими перед авторами. Одна из важнейших среди них – воспитание гражданского патриотизма, основанного на целостном понимании прошлого как непрерывного процесса, определяющего содержание исторической памяти современных поколений. В этой связи в учебном дискурсе на передний план обоснованно выдвигалась идея о созидательной деятельности правителей, а классовые мотивы приглушались мотивами национальными. Как указывал М.А. Морозов, историческая наука призвана сыграть важную роль «в деле культивирования советского патриотизма, раскрытия и пропаганды лучших национальных традиций»⁶³⁵. Автор особо предостерегал от

---

⁶³¹ Там же. С. 146.

⁶³² История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., 1948. С. 334.

⁶³³ Там же. С. 333.

⁶³⁴ Там же. С. 336.

⁶³⁵ Морозов М. Национальные традиции и воспитание советского патриотизма. М., 1950. С. 37.

«национального нигилизма в исторической науке»⁶³⁶. В данной связи уместно вспомнить о прокатившейся по стране кампании борьбы с безродным космополитизмом.

А.М. Панкратова в военном 1942 г. наставляла коллег из учительской среды: «Строя свое преподавание, на принципах марксистско-ленинской исторической науки, преподаватель истории должен показать, что весь исторический процесс представляет процесс борьбы классов отживающих, реакционных, и классов развивающихся, прогрессивных»⁶³⁷. Тут же автор указывала на необходимость «примеров героического сопротивления русского народа иноземным завоевателям»⁶³⁸. Национально-патриотические интенции высшего государственного руководства требовали выдерживать разумный баланс между началами патриотизма и классовой критики. Особенно важным это было в таком вопросе как образование русского государства.

Авторы научных статей и монографий были свободны от воспитательного пафоса, что позволяло уделять меньше внимания патриотической составляющей. В то время как в школьной литературе она присутствовала с необходимостью, привнося свою специфику в изложение и оценку событий. Потому замечание Л.В. Черепнина о скромном месте классовой борьбы в советских учебниках, хотя и справедливо по сути, но вряд ли может считаться уместным с методической точки зрения.

Подведём итог. Объяснительная модель, основанная на классовом подходе, была усвоена историками и включена парадигму исследовательской работы. Одной из ведущих идей в работах, посвящённых становлению русского государства, стала идея о закономерном обострении классовой борьбы как обстоятельстве, неизбежно

---

⁶³⁶ Там же. С. 40.

⁶³⁷ Панкратова А.М. Преподавание истории СССР в средней школе в дни отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 05. С. 147.

⁶³⁸ Там же.

сопутствующем коренным изменениям в общественно-политическом строе. Таким образом, перед учёными стояла задача показать, как по мере усиления экономической и политической централизации драматически нарастали классовые противоречия в русском обществе. Эти противоречия надлежало выявлять и описывать в ходе работы с обширным массивом разнообразной исторической информации.

Критикуя вульгарный психологизм, широко распространённый в дореволюционной историографии, советские учёные-марксисты отринули понимание прошлого как арены сложного переплетения индивидуальных воле. Всякая историческая личность вплоть до верховного правителя толковалась отныне как носитель классовых интересов, предопределяющих всю совокупность его поступков. На этой основе была создана чёткая, но избыточно жёсткая модель интерпретации фактов, явлений и процессов как отражающих разные аспекты классового антагонизма. Идеей о классовой природе всякого феномена была проникнута исследовательская и учебная литература о русском централизованном государстве.

Иногда увлечённость попытками обнаружить классовую основу отдельных событий приводила историков к откровенно курьёзным утверждениям. Противопоставление реакционных и прогрессивных слоёв населения, доведённое до крайности, оборачивалось карикатурой. Так, Л.В. Черепнин в рассуждениях о противоборстве польской интервенции в годы Смуты делал вывод о том, что захватчики были изгнаны «в результате героической борьбы русского крестьянства»⁶³⁹.

Изучение классовой борьбы тесно смыкалось с идеями социально-политической эволюции общества. Потому события русской истории XV–XVI вв. рассматривались исследователями как прогрессивное развёртывание исторического

---

⁶³⁹ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 136. Л. 52.

процесса. Соответствующую трактовку получали столкновения и противоречия, выявлявшиеся в межсословных отношениях. Историки выделили и обосновали наличие закономерной розни не только между классами, но и внутри них – между классовыми группами. Апогеем классовой борьбы в период складывания централизованного государства была названа борьба между боярско-княжеской знатью и формирующимся сословием служилых дворян.

Как символическое выражение противоборства феодальных верхов середины XVI в. рассматривались публицистические выступления Ивана Пересветова и Андрея Курбского. Советские исследователи уделяли значительное внимание сочинениям этих авторов в контексте изысканий о построении самодержавного государства. По выражению К.В. Базилевича, Пересветов смотрел вперёд, а Курбский – в прошлое, защищая порядок, ставший анахронизмом⁶⁴⁰. Коренные положения о характере и содержании борьбы внутри господствующего класса нашли отражение в тезисах о «боярской реакции» и прогрессивном характере опричнины Ивана Грозного.

Особое место в историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. занимает тема опричнины. Сегодня отдельные положения в её трактовке, высказанные учёными рассматриваемого периода, могут быть не без оснований подвергнуты критике: за переоценку значимости классового начала и за попытку подверстать сложную конфигурацию исторических событий под лекало марксистско-ленинской типологии. Декларативно отвергая построения «буржуазной» науки как идеалистические и абстрактно-схематические, марксистская историография сама порой показывала приверженность самому жёсткому схематизму. Это, впрочем, не отменяет крупных научных достижений, которые советская наука имела на ниве изысканий о корнях, сути и значении опричнины Ивана Грозного.

---

⁶⁴⁰ Базилевич К.В. Лекции 12 и 13. Расширение русского государства и превращение его в многонациональное. М., 1940. С. 29-30.

В заслугу отечественным исследователям, несомненно, следует поставить основательную работу по выяснению социально-политических и экономических аспектов опричнины. Принципиальный отказ рассматривать данное явление в контексте вульгарного психологизма и понимать его как издержку деспотического правления позволил актуализовать ряд важнейших проблем в рамках теории централизованного государства. Это проблемы возникновения социально-экономических противоречий в процессе перехода от удельного состояния к централизованному, о генезисе феодально-крепостнического строя, о комплексном понимании задач внешней и внутренней политики России XVI в.

Творческое развитие методологических посылок исторического материализма в приложении к фактическому материалу русской истории имела положительные последствия. Они выразились в углублении научных представлений об объективных закономерностях исторического процесса. Через анализ опричной проблематики отечественная медиевистика сумела усовершенствовать подход к пониманию роли социально-экономических и политических факторов в процессе создания русского государства. Был усилен теоретический фундамент историографии вследствие планомерного вытеснения спекулятивного компонента в пользу использования модели, основанной на изучении материальных предпосылок социально-политических преобразований периода опричнины и выявлении внутренних движущих сил общественного развития.

§2. Вопрос о форме правления в русском государстве в XV–XVI вв.

Параграф посвящён проблеме характеристики политического строя русского государства в трудах отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг.

Задачи параграфа: проанализировать подходы в работе исследователей; определить основные теоретические позиции; проследить их развитие в научной и учебной литературе.

Значимое место в теории русского централизованного государства занимал вопрос о форме правления и способе организации государственной власти. Поиск ответа на данный вопрос был связан с решением крупной теоретической проблемы, состоявшей в обнаружении особенностей отечественного исторического процесса по отношению к западным государствам. Работая с материалом русской истории в рамках учения об общественно-экономических формациях, учёные стремились обнаружить специфику становления русской политической системы и способ её воплощения в конкретных исторических формах.

Вопрос о форме государственного правления в XV–XVI вв. активно дискутировался в отечественной историографии 1930–1950-х гг. Установление и описание параметров этой системы явилось одной из головных задач отечественной историографии на пути к построению теории складывания централизованного государства. Так, И.И. Смирнов полагал, что в вопросе о государственном строе «именно момент политический, характер политических событий, изменений в политическом строе, в строе государства» является «решающим моментом, придающим данному отрезку исторического развития характер закономерного этапа в истории, закономерного звена в общей цепи исторического развития, характер исторического периода»⁶⁴¹.

Советской исторической наукой был выработан комплекс критериев, на основе которых создавалась модель государства централизованного типа. Академик Б.Д. Греков писал: «Основными признаками централизованного государства являются: центральные органы управления, распространяющие свои действия на

---

⁶⁴¹ Смирнов И. Общие вопросы периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 81.

всю территорию страны; замена вассалитета отношениями подданства; ликвидация частновладельческих иммунитетов; развитие общего законодательства; единая организация военных сил, подчинённых верховной власти и служащих задачам её внутренней и внешней политики»⁶⁴².

Оформление централизованного государства рассматривалось как процесс угасания частных удельных иммунитетов, упразднения кормлений и поступательного сосредоточения полноты власти в руках московского великого князя, после – царя. В связи с определением политического строя централизованного государства одним из наиболее острых вопросов стал вопрос о степени его централизации на разных этапах развития. Существенные разногласия возникли по поводу определения полноты царской власти и степени влияния на неё представителей феодальных классовых групп.

Коренными чертами Московского великого княжества, а затем и Московского царства являлись, по устоявшимся представлениям, его классовая природа и многонациональный состав. Первая характеристика напрямую вытекала из основного посыла марксистской методологии, вторая была «подсказана» научному сообществу непосредственно И.В. Сталиным⁶⁴³. Данные положения не нуждались в критике и требовали лишь теоретического обоснования и развития с использованием источниковедческого материала. Открытым оставался вопрос о том, какую форму приняли общественно-политические отношения по завершении процесса централизации. Марксистская теория давала в распоряжение историков схему, согласно которой феодальное государство последовательно проходит несколько форм исторического существования: 1) раннефеодальная монархия, 2) сословная монархия и 3) абсолютизм. Простой перенос этих форм по хронологическому принципу признавался историками непригодным в силу принятого постулата о

---

⁶⁴² Очерки истории СССР XIV–XV вв. / Под ред. Б.Д. Грекова. М., 1953. С. 305.

⁶⁴³ Имеются в виду доклад и тезисы к докладу И.В. Сталина на X съезде партии. О поднятых в них вопросах подробно см. §2 главы 1.

специфике русского исторического процесса по отношению к западноевропейскому (его динамике, внутреннему своеобразию). Следовало изучить с марксистских позиций конкретные условия, в которых происходило становление русского государства с тем, чтобы выявить признаки, позволяющие дать объективную характеристику той или иной форме политических отношений согласно принятой классификации.

В ранней советской историографии сохранялось довольно неустойчивое понимание природы и характера власти в русском централизованном государстве. Так, М.Н. Покровский отрицал абсолютную монархию в русском государстве XV–XVI вв. По его утверждению, в «классическом феодализме» «произвола сколько угодно, но абсолютизма там нет»⁶⁴⁴. По мнению учёного, русское государство периода централизации пребывало в состоянии незавершённого перехода от феодализма к капитализму. В этих условиях цари обладали высшей властью только номинально, а на деле были ограничены влиянием имущих классов феодалов и нарождающейся торговой буржуазии⁶⁴⁵. В целом, проблема создания централизованного русского государства была исследована М.Н. Покровским весьма поверхностно. С.В. Юшков указал на это в статье для сборника против его концепции (1940)⁶⁴⁶. К.В. Базилович возражал тезису М.Н. Покровского о том, что при Иване IV «выросло не абсолютистское государство, а промежуточная политическая форма в виде системы “патриархального абсолютизма”»⁶⁴⁷. К.В. Базилович характеризовал правление первого царя как «победу самодержавной власти, опиравшейся на прогрессивные слои феодального общества XVI в. и прежде

---

⁶⁴⁴ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. М.; Л., 1933. С. 293

⁶⁴⁵ Там же. С. 298.

⁶⁴⁶ Против Антимарксистской концепции М.Н. Покровского. С. 49.

⁶⁴⁷ Против исторической концепции М.Н.Покровского С. 147.

всего на служилое дворянство», которая была исторически подготовлена всем предыдущим развитием Московского государства⁶⁴⁸.

Первыми к выяснению формы правления в централизованном государстве подступили составители учебников по истории. Во второй половине 1930-х гг. были заложены теоретические основы для последующего развития теории политического устройства русского государства. Решения, предложенные историками, были закреплены в текстах учебников для начальной, средней и высшей школы. Заслуживают внимания подходы учёных к использованию классифицирующей терминологии. Так, в научном словаре 1930-х – начала 1950-х гг. было сохранено понятие «самодержавие», которое использовалось наряду с собственно марксистскими терминами: «феодалная монархия» и «абсолютизм». В этом можно видеть стремление исследователей адаптировать формационную концепцию к особенностям материала русской истории. Историки-марксисты стремились насытить понятие «самодержавие» конкретным смыслом, анализируя характер взаимодействия царской власти с представителями феодальных сословий, прежде всего – со служилым помещным дворянством.

В учебнике А.В. Шестакова (1937) вопрос о форме государственного правления в явном виде не поднимался. Авторы использовали понятие «самодержавие» без оговорок о том, как его следует соотносить с марксистским понятийным аппаратом. Иван IV был назван в учебнике «царём-самодержцем»⁶⁴⁹, а его деяния в области государственного строительства получили следующую характеристику: «первый из московских государей объявил себя самодержавным царём и стал управлять государством самовластно, не считаясь с боярами»⁶⁵⁰. В ходе опричных репрессий, по мысли авторов, «укреплял Иван Грозный самодержавную

---

⁶⁴⁸ Там же. С. 153.

⁶⁴⁹ Краткий курс истории СССР / Под ред А.В. Шестакова. М., 1937. С. 37.

⁶⁵⁰ Там же.

власть в русском царстве, уничтожая боярские преимущества»⁶⁵¹. Характерно, что применительно к реалиям конца XVII в. использовано то же понятие: «царь-самодержавный правитель»⁶⁵². Таким образом, авторы не видели принципиальной разницы между политическим режимом периода завершения централизации и режимом, сложившимся в период утверждения романовской династии.

В учебнике под редакцией А.М. Панкратовой (средняя школа) при характеристике строя русского государства также заметно стремление авторов соединить марксистский понятийный аппарат с собственно русской терминологией. В качестве ключевой характеристики здесь также употреблён термин «самодержавие»: «При Иване III заложено было начало самодержавия, т.е. неограниченной власти великого князя. Раньше великий князь московский был “первым среди равным”, самым могущественным из многих русских князей. Теперь он стал единственным “государем” во всей Северо-Восточной Руси»⁶⁵³. Та же мысль была повторена в поздней редакции учебника (1953)⁶⁵⁴. Для времени Василия III самодержавие определено как «нарождающееся»⁶⁵⁵, но уже годы царствования Ивана Грозного чётко соотнесены с установлением самодержавной власти⁶⁵⁶. Заметно стремление авторов к более глубокой проработке вопроса о формах правления в феодальной России. Эволюция политического строя имела лучшую детализацию, нежели в учебнике для начальной школы.

Несколько отличающиеся положения были закреплены в литературе для высшей школы. Учебник «История СССР» (неисторические факультеты вузов) характеризовал форму правления в России XV–XVI вв. периода централизации как

---

⁶⁵¹ Там же. С. 40.

⁶⁵² Там же. С. 58.

⁶⁵³ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1941. С. 123.

⁶⁵⁴ История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. М., 1953. С. 133.

⁶⁵⁵ Там же. С. 136.

⁶⁵⁶ Там же. С. 146.

«феодальную монархию»⁶⁵⁷. Становление абсолютизма было отнесено к XVII в.⁶⁵⁸. Соответствующие разделы написал А.А. Савич. В частности, он указывал: «Изменения, происходившие в организации аппарата власти и управления, свидетельствовали о перерастании феодальной монархии в феодально-абсолютистскую»⁶⁵⁹.

В учебнике для неисторических факультетов 1948 г. использована терминология, отражающая иное понимание процессов. Главы, посвящённые допетровской Руси, были написаны М.Н. Тихомировым (он же выступил ответственным редактором издания). Период правления Ивана Грозного определён им как «становление самодержавия»⁶⁶⁰, а середина XVII в. названа временем «крепнущего абсолютизма»⁶⁶¹. Понятие «самодержавие» употреблено в учебнике как соответствующее по объёму понятию «монархия». В определённом смысле оно даже сближается с понятием «абсолютная монархия». В целом, издание 1948 г. продолжает логику учебника 1941 г. В обоих случаях определяющее влияние имела позиция М.Н. Тихомирова.

Влияние марксистской терминологии ощутимо в учебнике «История СССР» для вузов (исторические факультеты) под редакцией Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина и В. И. Лебедева. Правление Ивана III названо в учебнике «феодальной монархией»⁶⁶². При этом, как и в школьных учебниках, в нём свободно пользуются понятием «самодержавие»⁶⁶³. Русскому государству, созданному Иваном III, дана лаконичная характеристика: феодальное по классовой основе, централизованное по системе

---

⁶⁵⁷ История СССР. Т. I / Под ред. В.И. Пичета, М.Н. Тихомирова, А.В. Шестакова. М., 1941. С. 110.

⁶⁵⁸ Там же. С. 164.

⁶⁵⁹ Там же. С. 174.

⁶⁶⁰ Тихомиров М.Н., Дмитриев С.С. История СССР. Т. I. С древнейших времён до 1861 г. М., 1948. С. 118.

⁶⁶¹ Там же. С. 159.

⁶⁶² История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., 1948. С. 736.

⁶⁶³ Там же. С. 287.

управления, самодержавное по устройству верховной власти и русское по этнографическому составу⁶⁶⁴.

В том же ключе вопрос о форме правления решён в программе по истории СССР для вузов (1938), разработанной в Институте истории при участии К.В. Базилевича и С.В. Бахрушина. Программа содержала раздел «Феодальное абсолютистское государство»⁶⁶⁵, охватывавший период правления Ивана III и Василия III. Следующий раздел был посвящён расширению русского государства и превращению его в многонациональное при Иване IV⁶⁶⁶. Как видно, составители исходили из того положения, что централизованное государство приобрело черты абсолютистского уже на раннем этапе своего существования.

Авторы учебников и учебных программ стремились охватить конкретные формы политического бытия русского общества понятийным аппаратом марксистского учения. На этой основе сформировался понятийно-смысловой синтез, отражавший особенности понимания историками специфики государственного строительства на Руси. Примечателен способ употребления понятия «абсолютизм» («абсолютистское государство») авторами учебников. В контексте изложения оно содержательно сливается с понятием «самодержавие» («самодержавное государство»). Характерно, что в парадигме марксистского учения тождество названных терминов напрямую выводится из формулировки, данной В.И. Лениным в статье «Попытное направление в русской социал-демократии», где рассматриваемые понятия представлены как взаимозаменяемые⁶⁶⁷. Ленинские тезисы таковы: «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и

---

⁶⁶⁴ История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1939. С. 301.

⁶⁶⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 174. Л. 11.

⁶⁶⁶ Там же. Л. 13.

⁶⁶⁷ В.И. Ленин. Попытное направление в русской социал-демократии // Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1967. С. 251-252.

расходует народные деньги без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением. Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и полиции и бесправие народа»⁶⁶⁸. Данные формулировки, бесспорно, были положены советскими историками в основу изысканий о характере русского государства XV–XVI вв. Учёные пользовались категориями «самодержавие» и «монархия (абсолютная)» как де-факто равнозначными, без дополнительного уточнения их смысловой наполненности. Такая трактовка прослеживается ещё у М.Н. Покровского. В 1920-е гг. он участвовал в подготовке 1-го издания БСЭ, для которой написал статью «Абсолютизм». В ней данная форма правления в строго ленинском духе объявлялась соответствующей русскому слову «самодержавие»⁶⁶⁹.

После смерти М.Н. Покровского теоретическая разработка понятий «монархия» и «самодержавие» продолжилась. Были подготовлены новые статьи для БСЭ, опубликованные в последующие годы (1938, 1944). В статье «монархия», написанной историком-правоведом А.И. Денисовым, понятие определяется как «форма правления эксплуататорских государств, при которой верховная государственная власть формально принадлежит монарху или царю»⁶⁷⁰. Похожее определение дано понятию «самодержавие» в одноимённой статье (без указания авторства): «форма правления, характеризующаяся сосредоточением всей полноты верховной власти в руках монарха (царя, короля, императора и т.п.)»⁶⁷¹. В тексте понятие «самодержавие» употреблено как синоним «абсолютной монархии»⁶⁷². Также указывалось, что в России данная форма правления сложилась в XV в. и просуществовала вплоть до 1917 г»⁶⁷³. Примечательно, что в число редакторов-

---

⁶⁶⁸ Там же.

⁶⁶⁹ Покровский М. Абсолютизм // БСЭ. Т. 1. М., 1926. Стб. 87.

⁶⁷⁰ БСЭ. Т. 40. М., 1938. Стб. 15.

⁶⁷¹ БСЭ. Т. 50. М., 1944. Стб. 179.

⁶⁷² «Такая форма правления (С., абсолютная монархия) достигла наибольшего развития в Зап. Европе в 15–18 вв.» (БСЭ. Т. 50. М., 1944. Стб. 179.).

⁶⁷³ Там же.

консультантов 44-го тома БСЭ (где и была опубликована статья) входили Б.Д. Греков и К.В. Базилович.

Приведённые примеры показывают, что тождественное понимание терминов «самодержавие» и «монархия» получило распространение в научном сообществе и пользовалось поддержкой влиятельных специалистов в области истории русского феодализма. С конца 1930-х гг. в отечественной медиевистике заметно укрепляется влияние школы С.В. Бахрушина, задавшей направление в трактовке одного из ключевых понятий марксистско-ленинской теории государства – «абсолютизм».

Несмотря на это, по вопросу о форме правления в русском государстве продолжались споры, отразившиеся в монографиях и научных статьях. Исследователи феодализма разрабатывали новые подходы к установлению формы политического устройства русских земель в XV–XVI вв. Разыскания учёных в обязательном порядке опирались на положения марксистского учения, согласно которому форма государственного правления закономерно обуславливалась уровнем развития производительных сил общества и производными от них классовыми противоречиями. С точки зрения марксистско-ленинской теории, феодальное государство является выразителем классово-антагонистических тенденций, внутренне присущих соответствующей формации. Таким образом, государство выступает учредителем и гарантом политического порядка, призванного обеспечить интересы определённых классов или классовых групп, образующих эксплуататорскую верхушку общества. Функция государства в этих условиях состоит в том, чтобы защищать экономические потребности эксплуататоров путём насаждения механизмов неэкономического принуждения трудящихся масс эксплуатируемого населения. Коротко говоря, государство понимается как инструмент господствующих классов, используемый для удержания в повиновении классы угнетаемые. Следовательно, форма правления должна соответствовать сути классовых отношений на текущей ступени исторического развития общества. Таким

образом, в решении вопроса о строе централизованного государства историкам надлежало учитывать направленность и степень антагонистических противоречий в обществе, в той конфигурации, какую оно обрело в результате объединительного процесса к исходу XV столетия. К.В. Базилевич в одной из лекций (для слушателей Высшей партийной школы 20-го декабря 1939 г.) указал, что основания новой формы государственного устройства «по отношению к периоду раздробленности» были заложены именно на рубеже XV–XVI вв. Этой формой стала система централизованной государственности⁶⁷⁴.

В.В. Мавродин в работе «Образование русского национального государства» (1941) широко использовал понятие «самодержавие», характеризуя власть московских правителей периода централизации. По мысли автора, основы самодержавного строя были заложены в правление великого князя Ивана III и укреплены Иваном IV⁶⁷⁵. Данный подход созвучен тому, который получил отражение в учебнике для средней школы и неисторических факультетов вузов. Такую позицию В.В. Мавродин сохранил и в дальнейшем. В монографии «Образование единого русского государства» (1951) он рассуждал о, организации государственной власти в классовом антагонистическом обществе России XV–XVI вв. Учёный указал, что форма правления «в значительной степени зависит от тех требований, которые предъявляет к государству господствующий класс (а именно – удержание в повиновении больших масс эксплуатируемого населения), и от степени напряжённости борьбы эксплуатируемых масс против господствующей верхушки»⁶⁷⁶ (здесь очевидно воспроизведение рассмотренного ранее тезиса И.В. Сталина). Время формирования нового политического единства по мере преодоления удельной раздробленности историк связывал с обострением классовых

---

⁶⁷⁴ Базилевич К.В. Лекция 11. Образование русского национального государства. Стенограмма лекции, прочитанной 20 декабря 1939 г. М., 1940. С. 21.

⁶⁷⁵ Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Изд. 2-е. М., 1941. С. 198-201.

⁶⁷⁶ Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951. С. 57.

противоречий между массами трудового населения и крепнущим классом служилых землевладельцев. Задачу, стоявшую перед Иваном III, автор описывал так: «создание могущественного единого государства на Руси с централизованным управлением и самодержавной властью во главе»⁶⁷⁷. И эту задачу, по мнению В.В. Мавродина, московский правитель «сравнительно скоро и успешно разрешил»⁶⁷⁸.

Схожие выводы содержатся в трудах С.В. Бахрушина. В статье 1939 г. он писал: «Разорение и частичное истребление крупных феодалов-противников единовластия царя привело к большому усилению царской власти и к установлению самодержавия как формы диктатуры большинства господствующего класса»⁶⁷⁹. Эту точку зрения учёный не раз повторял в дальнейшем. Сочинение «Самодержавие Ивана Грозного» (1946)⁶⁸⁰ самим названием отражает позицию автора, занятую в вопросе о характере политического порядка в России XVI в. Это же сочинение, переизданное в 1954 г. под названием «Иван Грозный» (в составе сборника трудов), также содержит утверждение о самодержавной власти первого русского царя.⁶⁸¹ Описывая образ мысли и политические отношения внутри правящего класса эпохи Ивана IV, С.В. Бахрушин подчёркивал господство самодержавных идей как основного фактора целеполагания в развернувшейся внутриклассовой борьбе. Однако и здесь обнаруживается терминологическое смешение. Анализируя итоги государственного строительства при Иване Грозном, историк делает вывод, что Россия к исходу XVI в. «ещё не стала абсолютной монархией»⁶⁸². По его мнению, в указанный период лишь подготовлялся переход к абсолютизму. Осуществиться ему предстояло только при Петре I⁶⁸³. Неопределённость в соотношении понятий

---

⁶⁷⁷ Там же. С. 158.

⁶⁷⁸ Там же. С. 159.

⁶⁷⁹ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 536. Л. 11.

⁶⁸⁰ Бахрушин С.В. Самодержавие Ивана IV. М., 1946.

⁶⁸¹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 323.

⁶⁸² Там же. С. 320.

⁶⁸³ Там же. С. 331.

«абсолютизм» и «самодержавие» в трудах С.В. Бахрушина вызвана отчасти тем, что автор не проводит строго разграничения между характером царской власти *de facto* и тем, как эта власть осмысливалась её носителем и современниками.

Можно обнаружить некоторые изменения, произошедшие во взглядах С.В. Бахрушина с конца 1930-х гг. В то время учёный выступал сторонником отождествления власти Ивана III и Василия III с абсолютной монархией. В работах последующего времени уже заметна мысль о поступательном движении к абсолютизму в XV–XVI вв. В статье С.В. Бахрушина для юбилейного сборнике АН СССР к 30-летию Октябрьской революции, читаем о прогрессивной роли опричнины, которая «помогла ликвидировать остатки феодальной раздробленности и расчистила путь к созданию в будущем абсолютистского государства»⁶⁸⁴. Таким образом, в работах историка 1940-х гг. понятие «самодержавие» функционирует отличным образом от понятия «абсолютизм», однако из-за отсутствия формально закреплённого толкования происходит их концептуальное наложение.

Данное явление можно назвать широко распространённым в историографии рассматриваемого периода. Той же терминологией, к примеру, пользуется П.А. Садиков в «Очерках по истории опричнины» (1950). В них Иван Грозный прямо назван носителем самодержавной власти⁶⁸⁵, его цель описана как создание «централизованной монархии с сильною царскою властью во главе»⁶⁸⁶. Понятие «абсолютизм» автором вовсе не используется.

В целом, авторы, занимавшиеся в 1930-х – 1950-х гг. изучением русского централизованного государства, демонстрируют склонность раскладывать процесс формирования его политического строя на два этапа. Первый представляется как время зарождения самодержавной власти, формирования её институциональных

---

⁶⁸⁴ Бахрушин С.В. Иван Грозный в свете новейших исследований // Академия наук СССР. М.; Л., 1947. С. 664.

⁶⁸⁵ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 15.

⁶⁸⁶ Там же. С. 56.

основ, подготовки идейно-пропагандистского обоснования. Второй этап рассматривался как дальнейшее укрепление централизованных начал, когда феномен самодержавия (в значении близком к абсолютной монархии) складывался в своей окончательной форме. Затруднение (пожалуй, важнейшее) состояло в точном определении хронологических границ этого процесса. Однако описанная выше терминологическая чехарда делала решение такой задачи проблематичным.

Итак, представление о самодержавном характере русского государства в XV–XVI вв. надолго закрепилось в отечественной историографии. Понятие «абсолютизм» применительно к данной эпохе авторы научных работ использовали с осторожностью. В трудах крупных исследователей-медиевистов содержатся отвлечённые указания на то, что преобразования Ивана Грозного только обеспечили исторические условия для превращения России в абсолютистское государство. В.В. Мавродину, К.В. Базилевичу, И.И. Смирнову и другим историкам было свойственно признавать окончательное установление абсолютизма в XVII в. по большей части умозрительно. Область их научных интересов охватывала преимущественно иные исторические эпохи. В то же время «язык» активно изучавшегося ими XVI столетия пользовался именно понятием «самодержавие», от которого учёные, по-видимому, упорно не желали отказываться.

Отсутствие в научных трудах специального обоснования и разъяснения некоторых категорий, используемых для описания царской власти, вынуждает отыскивать значение по контексту. Если объём и содержание понятия «абсолютизм» вполне раскрывается в сочинениях классиков исторического материализма, то с термином «самодержавие» возникают затруднения. Складывается впечатление о некоторой инертности в употреблении данного понятия, унаследованного советской наукой от предшествующей историографической традиции. В связи с этим опорная схема, используемая в трудах ряда историков для описания динамики форм государственного устройства, обнаруживает известную эклектичность. Обращение

авторов к идее «самодержавия» носит преимущественно формальный характер, отчего данное понятие остаётся трудно поддающимся соотнесению с той классификацией государственных форм, которые предлагала марксистская модель, провозглашавшаяся в качестве теоретического образца.

Пожалуй, наибольшую обстоятельность в проработке терминологической стороны вопроса проявил С.В. Юшков – основоположник отечественной истории государства и права. Воззрения учёного нашли отражение в ряде статей, монографий и учебников. Написанный им учебник по истории государства и права СССР до исхода 1940-х гг. оставался, по оценке С.В. Бахрушина, «единственным опытом марксистского обзора истории государства и права СССР досоветского периода»⁶⁸⁷. В нём учёный уделил особое внимание проблеме образования централизованного государства. В частности, он подверг подробной теоретической проработке вопрос о типологической характеристике политического строя русского государства при Иване IV. Свои рассуждения он выстроил в духе строгой марксистско-ленинской методологии с привязкой к определению самодержавного строя, данному В.И. Лениным⁶⁸⁸. На этой основе путём сжатых, но чётких аналитических построений С.В. Юшков сделал вывод о том, что «к середине XVI века в Русском государстве не могли ещё существовать необходимые предпосылки для возникновения абсолютизма»⁶⁸⁹.

Те же мысли в несколько ином ракурсе историк озвучил в ходе прений на учёном совете Института истории АН СССР, состоявшемся по поводу выхода

---

⁶⁸⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 514. Л. 1.

⁶⁸⁸ «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издаёт законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги без всякого участия народа в законодательстве и контроле за управлением. Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и бесправие народа. От этого бесправия страдает весь народ, но имущие классы (особенно богатые помещики и капиталисты) оказывают очень сильное влияние на чиновников». Цит. по Юшков С.В. Учебное пособие по истории государства и права. Вып. V-VI. М., Л., 1946. С. 26.

⁶⁸⁹ Юшков С.В. Учебное пособие по истории государства и права. Вып. V-VI. М., Л., 1946. С. 26.

второго издания вузовского учебника по истории СССР (исторические факультеты). В своём выступлении С.В. Юшков отметил, что процесс развития русского государства не показан в учебнике с необходимой точностью, и настаивал, что «между ранней феодальной монархией (пусть термин не очень удачен, дайте новое название) и между абсолютной монархией должна быть сословно-представительная монархия»⁶⁹⁰.

Таким образом, в советской историографии рассматриваемого периода оформилась точка зрения на форму и характер власти в централизованном государстве альтернативная той, которую продвигали и отстаивали С.В. Бахрушин и его сторонники. Её выразителями стали, прежде всего, историки-правоведы во главе с С.В. Юшковым. Учёный предложил собственное понимание динамики форм политической власти в государстве феодального типа, подкреплённое постулатами марксизма-ленинизма. В его трактовке, по мере развития форм феодального хозяйства и смены направленности классовой борьбы формы государства сменяются в следующей очерёдности: «раннефеодальная монархия, сословно-представительная монархия и абсолютная монархия (абсолютизм)»⁶⁹¹.

По убеждению С.В. Юшкова, категория «самодержавие» являлась непригодной для описания сущности властных отношений в России периода складывания централизованного государства. Данное понятие в значении «абсолютизм» учёный видел возможным использовать применительно к политическим отношениям второй половины XVII в. Соответствующие соображения он подробно изложил в лекции «Возникновения самодержавия при Алексее Михайловиче» (1945). Среди прочего, историк указал: «одно дело – стремиться к абсолютизму, учитывая опыт и политическое развитие Западной Европы, а другое дело – наличие общественно-экономических и организационно-политических

---

⁶⁹⁰ О втором издании первого тома учебника по истории СССР // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 150.

⁶⁹¹ Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1947. С. 11.

предпосылок для возникновения абсолютизма»⁶⁹². Данное замечание разумно и методологически точно. Действительно, эпоха Ивана IV говорит о самодержавной власти устами её идеологов, и в этом отношении тексты источников, безусловно, тенденциозны. Соображения С.В. Юшкова в этой связи звучат весьма справедливо. Учёный прав, призывая исследовать суть явлений, а не способ их представления заинтересованными современниками.

Таким образом, С.В. Юшковым была проявлена заметно большая фундаментальность в подходе к решению вопроса о формировании понятийного аппарата, пригодного для раскрытия сущности социально-политической действительности XVI в. Описывать политический порядок, утвердившийся при Иване III, его сыне и внуке, исследователь предлагал термином «сословно-представительная монархия». Теория о сословно-представительной форме самодержавия в России сложилась ещё в дореволюционной историографии. Одним из её создателей стал Н.П. Павлов-Сильванский. В советской науке его воззрения были восприняты рядом историков-правоведов, которые переработали положения предшественника на основе марксистско-ленинской методологии.

Н.П. Павлов-Сильванский напрямую соотносил русской самодержавие периода складывания русского государства с синхронными формами монархического правления в Западной Европе. В его трактовке Земские соборы XVI столетия являлись способом ограничительного воздействия на царскую власть со стороны духовного, дворянского и городского сословий. В капитальном труде «Феодализм в древней Руси» (впервые издана в 1907 г.) исследователь утверждал: «Политическое значение наших трех сословий: духовенства, дворянства и горожан, в их отношениях к власти царя, было, равным образом, одинаково по существу с политическим значением сословий Франции и германских государств. Оно проявилось в земских соборах, которые, как то достаточно ясно из исследований

---

⁶⁹² Юшков С. В. Возникновение самодержавия при царе Алексее Михайловиче. М., 1945.

наших историков, представляют собою учреждение, тождественное по своей природе с французскими генеральными штатами, немецкими ландтагами, испанскими кортесами, шведским риксдагом, польским сеймом и отчасти с английским парламентом в его первоначальном виде»⁶⁹³. Эти положения получили развитие в трудах некоторых советских исследователей, среди которых был и С.В. Юшков, подчёркивавший преемственность своей концепции идеям предшественника⁶⁹⁴.

Данная позиция встретила неприятие ряда влиятельных исследователей. С.В. Бахрушин в отзыве на второе издание учебника С.В. Юшкова по истории государства и права (1947) обрушился с критикой на тезис о сословно-представительной монархии в России. «Остаётся открытым вопрос, – писал рецензент, – с какого момента следует начинать сословно-представительную монархию»⁶⁹⁵. С.В. Бахрушин отмечал, что оппонент характеризует государство Ивана Грозного лишь по внешним признакам, «основываясь на формальном наблюдении о возникновении только при этом царе земских соборов»⁶⁹⁶. При этом, указывал учёный, остаются без внимания сущностные особенности как данного правления, так и предшествовавших ему. Между тем, как «громадное большинство русских историков правильно считает, что монархия Ивана Грозного принципиально ничем не отличается от монархии отца и деда»⁶⁹⁷.

Принципиальная ошибка С.В. Юшкова, согласно С.В. Бахрушину, объясняется тем, что тот «подходит к изучению сословно-представительной монархии без учёта всех характерных черт этого государственного строя, а только с точки зрения существовали или не существовали оформленные земские соборы»⁶⁹⁸. С чем автор

---

⁶⁹³ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси. Пг., 1924. С. 141-142.

⁶⁹⁴ Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1947. С. 281.

⁶⁹⁵ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 514. Л. 2. об.

⁶⁹⁶ Там же.

⁶⁹⁷ Там же.

⁶⁹⁸ Там же.

отзыва был согласен безоговорочно, это с утверждением о перерастании государственного порядка в России в абсолютную монархию во второй половине XVII в. Впрочем, данное положение можно считать общим местом в историографии 1930-х – начала 1950-х гг.

Таким образом, оценки историками роли сословных учреждений в общественно-политической жизни страны при Иване IV были различными. В решении данного вопроса наметились два противоположных подхода. Суть разногласий определялась тем, как исследователями определялся характер взаимовлияния царской власти с одной стороны и Земских соборов и Боярской думы с другой. Ключевые позиции были представлены в рамках дискуссии о периодизации истории СССР (1949-1951)⁶⁹⁹. Данная дискуссия, помимо основного вопроса, подспудно затрагивала немало прочих, с ним связанных. Таковым оказался и вопрос о форме правления в феодальном государстве. Ряд участников прений в разной мере коснулись проблемы политического строя в XV–XVI вв. Так, К.В.Базилевич был уверен, что уже в правление Ивана Грозного русскому государству была сообщена та форма, в которой оно *mutatis mutandis* просуществовало до начала петровских преобразований⁷⁰⁰. Учёный рассматривал эту форму как воплощение победившего самодержавия, не подверженного ограничивающему и сдерживающему влиянию со стороны феодальной знати. В представлении К.В.Базилевича, это не было абсолютизмом, как тот трактовался учением исторического материализма: государственный аппарат при Иване IV не имел главного характеризующего признака абсолютизма – бюрократического механизма в надстройке. «Бюрократическая система управления, – писал учёный, – является одним из характерных признаков абсолютистского государства и в

---

⁶⁹⁹ см. §2 главы 2.

⁷⁰⁰ Базилевич К. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 83.

рассматриваемое время сложиться не могла, хотя элементы её, несомненно, имелись»⁷⁰¹.

Исследователь полагал справедливым определять государственный строй централизованного государства в период его окончательного сложения как сословную феодальную монархию⁷⁰². Он указывал на необходимость с осторожностью прилагать марксистские схемы к событиям национальной истории: общие закономерности общественного развития воплощаются в конкретной обстановке, определяющей своеобразие наблюдаемых явлений. По мысли К.В. Базилевича, механическое соотнесение сословно-представительных учреждений на Западе и земских соборов в России ошибочно, в силу того, что деятельность этих учреждений имела принципиально различные смыслы. Если в странах Европы парламентские институты использовались местной знатью для ограничения власти монарха, то в русском царстве они выступали орудием политики самодержца. К.В. Базилевич указывал: «Созыв Земского собора – это чрезвычайная мера, применение или неприменение которой полностью зависело от самого царского правительства»⁷⁰³. Феодально-сословная монархия, по убеждению учёного, господствовала в России до второй половины XVII в., когда она перерождается в абсолютистскую дворянскую монархию⁷⁰⁴.

Подход К.В. Базилевича был поддержан П.Я. Мирошниченко, по мнению которого политический порядок в XVI-XVII вв. правильным было бы считать «сословной монархией», имея в виду особенности русского государства⁷⁰⁵. «Относительная слабость третьего сословия в России, – писал учёный, – обусловила упадок сословного представительства при усилении самодержавия и предопределила

---

⁷⁰¹ Там же. С. 84-85.

⁷⁰² Там же. С. 86.

⁷⁰³ Там же.

⁷⁰⁴ Там же. С. 88.

⁷⁰⁵ Мирошниченко П. По поводу статьи К.В. Базилевича // Вопросы истории. 1950. № 2. С. 91.

различие судеб представительных учреждений у нас и на Западе»⁷⁰⁶. Данные рассуждения хорошо иллюстрируют методологическую дилемму, перед которой оказались отечественные историки. С одной стороны, от них требовалось строгое следование марксистской формационной схеме. С другой стороны, они должны были выявить и обосновать особенности исторического процесса в России.

Иная теоретическая установка содержится в подходе П.П. Смирнова. Свои взгляды он обозначил существенно ранее, в 1939 г. на заседании Сектора по истории СССР XVII в. Он разделял положение о «сословной монархии», однако подчёркивал принципиальную неотличимость российской динамики государственного строительства от западноевропейской. В изложении П.П. Смирнова, «феодализм знает две формы политической надстройки – ранне-феодальную договорную и позднее-феодальную сословную монархию, по западно-европейской терминологии»⁷⁰⁷. Преодоление раздробленности с последующим возникновением подданства единому правителю исследователь понимал как переход к сословной монархии. Он подчёркивал: «так было на Западе, так было и у нас»⁷⁰⁸. Касаемо понятий, пригодных для описания соответствующих отношений, учёный не обозначил принципиальной позиции и отмечал, что «не очень дорожит» указанными терминами⁷⁰⁹. Самого подхода, впрочем, это не меняло.

В построениях П.П. Смирнова, таким образом, не прослеживается стремления толковать политический процесс в России как качественно отличный от аналогичных процессов на Западе. Последующие публикации К.В. Базилевича и других показывают усиление в историографии принципиально иной тенденции, которая к исходу 1940-х гг. достигла преобладающего положения в историографии.

---

⁷⁰⁶ Там же. С. 91.

⁷⁰⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 210. Л. 138. об.

⁷⁰⁸ Там же. Л. 139.

⁷⁰⁹ Там же. Л. 164.

Возвращаясь к дискуссии о периодизации, отметим также выступление С.В. Юшкова как одного из убеждённых оппонентов К.В. Базилевича. В статье для «Вопросов истории» он повторил ключевые тезисы своей теории развития политической власти в России. По его мнению, «раннефеодальная монархия после образования централизованного государства сменяется новой политической формой, так называемой сословно-представительной монархией. В результате дальнейшего развития производительных сил к власти приходит дворянство, одновременно вырастает экономическое и политическое значение городского населения. Главы централизованных государств, опираясь на дворянство и городское население, переходят в решительное наступление против крупной феодальной знати. Чтобы обеспечить влияние дворянства и городского населения, создается орган сословного представительства (парламент, генеральные штаты, ландтаги, кортесы, сеймы и проч.), в котором участвуют представители дворянства, городского населения, духовенства»⁷¹⁰.

С.В. Юшков, как и К.В. Базилевич, придерживался точки зрения об отсутствии в России признаков абсолютизма до второй части XVII в. Система политических отношений, формировавшаяся в конце XV – первой половине XVI вв., понималась С.В. Юшковым как промежуточная с точки зрения закономерного движения русского государства к абсолютизму. В его трактовке, сословно-представительная монархия является «переходной политической формой от раннефеодальной монархии к абсолютной»⁷¹¹. Потому любое централизованное государство, «прежде чем превратиться в абсолютную монархию, проходит через стадию сословно-представительной монархии»⁷¹².

---

⁷¹⁰Юшков С. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 72.

⁷¹¹ Там же. С. 83.

⁷¹² Там же. С. 84.

В учреждениях сословного представительства С.В. Юшков видел инструмент влияния дворянства и торгово-ремесленной верхушки посадов на царскую власть. Два учреждения, Боярская дума и Земский собор, по мысли историка, ограничивали царскую власть в рассматриваемый период. Это ограничение признавалось им существовавшим как формально, так и фактически⁷¹³. «В период сословно-представительной монархии, – утверждал С.В. Юшков, – взаимоотношения царя, Боярской думы и Земского собора характеризовались тем, что власть царя в той или другой степени ограничивалась этими органами»⁷¹⁴. Зачаточные элементы будущей абсолютистской бюрократии автор видел в крепнувшей системе приказов, рост которой происходил в XVI – первой половине XVII вв. по мере снижения политического веса представительных учреждений.

Тезис К.В. Базилевича о наличии в период централизации «сословной феодальной монархии» был воспринят С.В. Юшковым непримиримо критически. Построения оппонента он видел едва ли не антимарксистскими. «Чьи же классовые интересы защищал этот независимый от сословий монарх?»⁷¹⁵ - задавался вопросом С.В. Юшков. В утверждении о подручном значении Земского собора он видел крупное методологическое заблуждение, препятствовавшее правильному пониманию предпосылок перехода централизованного государства к абсолютной форме монархии. В дополнение историк ссылался на существование крупного дворянского ополчения, что, по его убеждению, напрямую препятствовало складыванию механизма абсолютной монархии. В довесок С.В. Юшков указывал на отсутствие в XVI в. сформированного класса буржуазии, ссылаясь на выводы К. Маркса и Ф. Энгельса о необходимом наличии данного признака в государстве абсолютистского типа⁷¹⁶.

---

⁷¹³ Там же. С. 85.

⁷¹⁴ Там же. С. 88.

⁷¹⁵ Там же. С. 89.

⁷¹⁶ Там же. С. 90.

Взгляды С.В. Юшкова поддержал Л.В. Черепнин. В обобщающей работе (1955), посвящённой анализу основных этапов развития феодализма в России он определил её государственный строй со второй половины XVI в. как сословно-представительную монархию. По мнению Л.В. Черепнина, такая форма правления являлась типичной для европейских стран на определённом этапе развития⁷¹⁷. К позиции С.В. Юшкова присоединился также А.А. Зимин. Предложенное К.В. Базилевичем понятие «сословная монархия» он видел неудачным и не пригодным для описания политического состояния русской державы при Иване IV. Оно, по мысли учёного, «само по себе ещё не определяет специфики структуры русского централизованного государства XVI – XVII веков»⁷¹⁸. При этом А.А. Зимин не усматривал оснований «отказываться от предложенного С.В. Юшковым определения этого государства (*централизованного – Н.Т.*) как сословно-представительной монархии»⁷¹⁹.

Возражая оппонентам, К.В. Базилевич справедливо замечал, что формальная ограниченность монаршей власти есть общераспространённое явление, в котором нет смысла видеть особенность конкретного исторического периода. Ещё в 1939 г., критикуя концепцию М.Н. Покровского, отрицавшего самодержавный (абсолютный) характер власти Ивана IV, К.В. Базилевич указывал на ошибочность буквального понимания слов о неограниченности самодержавного правления. «Во всей мировой истории, – писал он, – трудно было бы найти такие примеры развития абсолютизма, где бы абсолютная власть не была связана определенным политическим порядком. Поставить себя над всем общественным порядком или подчинить его личному

---

⁷¹⁷ Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодализма в России. М., 1955. С. 24.

⁷¹⁸ Зимин А. Некоторые вопросы периодизации СССР феодального периода // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 74.

⁷¹⁹ Там же.

капризу не мог ни один деспот восточного средневековья, с какой бы легкостью он ни рубил головы своим приближенным»⁷²⁰.

В свою очередь С.В. Юшков упрекал К.В. Базилевича в «буржуазных извращениях политического значения и структуры органов власти и управления» XVI в.⁷²¹. По мнению историка, отказ от признания сословно-представительной монархии в России в указанное время препятствует возможности понять предпосылки к последующему развитию абсолютизма. Впрочем, подход К.В. Базилевича имел заметно большее число сторонников, что видно по содержанию статей, монографий, а так же учебной литературы 1930-х – 1940-х гг. Несмотря на заявленную поддержку ряда учёных, теория сословно-представительной монархии не получила широкого признания и глубокой разработки в историографии рассматриваемого времени. Идеи школы С.В. Юшкова не стали определяющими в решении вопроса о формах правления в централизованном государстве. Перевес долгое время оставался за школой С.В. Бахрушина (которой принадлежал и К.В. Базилевич). Это отнюдь не делало взгляды сторонников теории феодально-представительной монархии в России маргинальными. Однако получить признание в полной мере они сумели лишь время спустя. Крупные труды, посвящённые земским соборам и их роли в общественно-политической жизни, были опубликованы Л.В. Черепниным⁷²² и С.О. Шмидтом⁷²³ и др. уже в 1970-х гг.

Наконец, вспоминая о дискуссии в «Вопросах истории», стоит отметить замечания, высказанные А.П. Пьянковым. Об установлении самодержавного

---

⁷²⁰ Против исторической концепции М.Н.Покровского / Отв. ред. А. Сидоров. Ч. 1. М. ; Л., 1939. С. 157.

⁷²¹ Юшков С. К вопросу о политических формах русского феодального государства // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 89.

⁷²² Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978.

⁷²³ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного). М., 1973.

порядка учёный высказался довольно общё: в его понимании в период XVI—XVIII вв. «феодальные порядки достигают полного господства; складывается самодержавная монархия — диктатура крепостников-помещиков»⁷²⁴. Из столь широкой формулировки трудно заключить о точном времени закрепления абсолютизма. Однако можно с уверенностью полагать, что автор не соотносил данную политическую форму с XVI в. Схожее мнение о возрасте русского самодержавия отражено во 2-м издании БСЭ. В статье «Самодержавие» (1955), помещённой в 37-м томе (без указания авторства), указывается, что самодержавная власть утвердилась в России во второй половине XVII в., когда царь окончательно прекратил общение с Земским собором⁷²⁵. Показательно, что в статье «Абсолютизм» того же второго издания данное понятие никак не было связано с самодержавной формой правления. Неназванный автор лишь скупо указывал, что «классическим временем абсолютизма» в России явилось царствование Петра I⁷²⁶. Очевидно расхождение с определением хронологии явления, представленном в 1-м издании БСЭ. В сравнении с ним, время утверждения самодержавия (абсолютизма) в России было «передвинуто» на два столетия вперёд. Примечательно, что характеристика данной формы правления находилась в русле концепции К.В. Базилевича о сословных учреждениях как орудии осуществления царской власти. В статье читаем: «верховная власть была сосредоточена в руках царя, осуществлявшего диктатуру класса дворян-помещиков. Власть эта формально никем и ничем не ограничивалась, воля царя считалась законом»⁷²⁷.

Примечательно участие в подготовке ряда томов энциклопедии видных учёных-медиевистов: М.Н. Тихомиров и В.В. Мавродин выступили авторами нескольких крупных статей, А.И. Денисов оказался среди членов главной

---

⁷²⁴ Пьянков А. О периодизации истории феодальных отношений в России // Вопросы истории. 1950. № 5. С. 84.

⁷²⁵ БСЭ. 2-е изд. Т. 37. М., 1955. С. 661.

⁷²⁶ БСЭ. 2-е изд. Т. 1. М., 1949. С. 32.

⁷²⁷ БСЭ. 2-е изд. Т. 37. М., 1955. С. 661.

редколлегии. Это обстоятельство косвенно свидетельствует о том, что редакционная политика БСЭ в части вопроса о русском самодержавии XVI в. начала отражать позицию того крыла отечественной медиевистики, которое изначально противостояло воззрениям школы С.В. Бахрушина. В этой связи можно было бы предположить, что указанные статьи (об абсолютизме и самодержавии), написанные с разницей в шесть лет, укладываются в единую концепцию издания, будучи связаны логически и содержательно. Однако такая связь не прослеживается в должной мере: содержание статей весьма автономно. Это возвращает нас к мысли о понятийной эклектике, сохранявшейся в научной терминологии и не изжитой до конца к началу 1950-х гг.

Отметим, что специальной дискуссии о формах правления в русском государстве в изучаемый период не велось. Данный вопрос актуализовался в контексте обсуждения иных проблем, имевших общенаучное значение. Как то имело место в рамках дискуссии о периодизации истории СССР.

В исходе 1949 г. редакция журнала «Вопросы истории» поставила вопрос о недостаточной теоретической проработке вопроса о формах государственного правления эпохи феодализма⁷²⁸. Было указано на сохраняющуюся потребность в обсуждении корректности термина «сословно-представительная монархия». Редакционные рассуждения сопровождало пикантное замечание о том, что «В.И. Ленин и И.В. Сталин этим термином не пользуются»⁷²⁹. Возможно, трудная судьба указанного понятия объясняется, в том числе, и этим своеобразным обстоятельством. Идеи, подходы и формулировки, подсказанные советскими вождями, с лёгкостью приживались в академической фразеологии. В то время как понятийные и концептуальные новации, не получившие такого «пропуска», зачастую встречались с настороженностью (в качестве примера можно указать

---

⁷²⁸ Основные задачи в изучении истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 8.

⁷²⁹ Там же. С. 10.

понятие «феодалная концентрация», предложенное К.В. Базилевичем, но довольно жёстко отринутое научным сообществом).

Много позже исследователь земских соборов Л.В. Черепнин отмечал, что научная дискуссия о данном институте «не стёрла разногласий, восходящих ещё к дореволюционной историографии»⁷³⁰. В то же время, по его замечанию, были чётко сформулированы ключевые спорные позиции, намечены пути их дальнейшей теоретической разработки.

Подведём итоги. Эволюция централизованного государства рассматривалась учёными в логике, предзаданной материалистическим учением об общественно-экономических формациях. В результате разысканий о государственном устройстве России XV–XVI вв. историки установили особенность русского исторического процесса по сравнению со странами Западной Европы (чего требовали, в том числе, указания партийных руководителей). Названная особенность состояла в том, что в условиях подъёма производительных сил в XV столетии, в землях северо-востока не случилось упадка феодализма и не началось его разложение. Напротив, отношения феодальной эксплуатации показали тенденцию к укреплению. Как следствие, русское централизованное государство оказалось выстроено на базисе, существенно отличавшемся от того, какой имели западноевропейские монархии в том же временном промежутке.

Представление о политическом строе России XV–XVI вв. принадлежит смысловому ядру теории централизованного государства. В 1940-х и в начале 1950-х гг. историками критиковались и переосмысливались положения, предлагавшиеся историографией 1930-х гг. Работа по уточнению типологии державы при Иване III и его преемниках продвинула исследования в области теории государства и права, способствовала усовершенствованию теоретических основ всей советской моноконцепции отечественной истории.

---

⁷³⁰ Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978. С. 37-38.

По логике, очерченной марксизмом-ленинизмом, централизованное государство должно было закономерно стремиться к превращению в абсолютистскую державу. Данное положение не оспаривалось, однако разногласия рождались по иному поводу. Дискуссионными оказались положения о длительности перехода к абсолютизму, а также о промежуточных формах государственного правления. В полемике 1940-х – начала 1950-х гг. ведущими выразителями соперничавших подходов к определению формы правления в централизованном государстве стали К.В. Базилевич и С.В. Юшков.

Таким образом, вопрос о характере царской власти во второй половине XVI в. сохранял полемическую заострённость до середины 1950-х гг. Достичь единомыслия в это время историкам явно не удалось. И хотя исследователи, скептически оценивавшие правомерность определения власти русского царя как самодержавной, оказались в заметном меньшинстве, их аргументация не была фундаментальным образом разрушена. В итоге «юридическое» крыло исторического сообщества во главе с С.В. Юшковым осталось на позициях признания власти Ивана IV как формы сословно-представительной монархии и даже усилило со временем своё влияние. Данный подход получил развитие в трудах более позднего времени.

На протяжении 1940-х гг. преобладающее влияние сохраняла точка зрения, согласно которой ограничение царской власти со стороны господствующих сословий было преодолено ко второй половине XVI в. Данное убеждение получило широкое хождение в учебной литературе, статьях и монографиях. Её слабой стороной оставалось отсутствие смыслового размежевания понятий «самодержавие» и «абсолютизм». В сочинениях С.В. Бахрушина, К.В. Базилевича и др. они как бы перетекают одно в другое. В работах С.В. Юшкова они и вовсе поданы как

тождественные, что некоторыми современными исследователями описывается как «синонимный подход»⁷³¹.

Это свидетельствует о том, что понятие «самодержавие» не было подвергнуто достаточной критической проработке и закреплено на нормативном уровне. В историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. отсутствуют исследования о познавательных и описательных возможностях данного термина. Таким образом, не смотря на высокую степень политической доктринированности исторической науки в рассматриваемый период, в ней хорошо заметны теоретические огрехи, придающие своеобразие конечной теории русского централизованного государства.

В этой связи не лишёнными основания выглядят упреки С.В. Юшкова, обращённые к В.В. Базилиевичу, в том, что тот «очевидно, не желает считаться со взглядами советских государствоведов, в частности теоретиков государства и права»⁷³². Последние в своих построениях явили большую, по сравнению с оппонентами, последовательность в разработке понятийного аппарата для описания политических форм государства. Отражением же наиболее распространённых представлений о государственном строе России в XV–XVI вв. можно считать характеристику, данную в начале 1950-х гг. А.М. Панкратовой: «Политический строй этого периода – централизованное государство в форме феодальной монархии»⁷³³.

---

⁷³¹ Зуляр Ю.А. Генезис русского самодержавия и дискуссия о его особенностях. Учебное пособие. Иркутск, 2006. С. 6.

⁷³² Юшков С. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 72.

⁷³³ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 68. Л. 210.

§3. Национальный фактор в теории централизованного государства

В параграфе исследуется развитие научных представлений о содержании межнациональных отношений в русском централизованном государстве в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. Задачи параграфа: установить место национального вопроса в теории складывания централизованного государства; проанализировать подходы к освещению вопроса межнациональных отношений в научной и учебной литературе; проанализировать оценки исторической роли русского народа.

В советской моноконцепции отечественной истории проблему создания централизованного государства невозможно разобщить с проблемой этногенеза великороссов. Со второй половины 1930-х гг. среди историков возрос интерес к вопросу о национальном факторе в развитии русской державы. В учебнике А.В. Шестакова (1937) эта идея была отражена в заголовке раздела «Создание русского национального государства»⁷³⁴. Понятие национального государства применительно к периоду XV–XVI вв. вошло в широкое употребление. С.В. Бахрушин использует его в статье «Московское государство» для 1-го издания БСЭ (1938)⁷³⁵ рядом с понятием «централизованное феодальное государство»⁷³⁶. Различия между ними не оговорены, что указывает на их содержательную тождественность. Выступая в 1939 г. с критикой исторической концепции М.Н. Покровского, С.В. Бахрушин осуждал национальный нигилизм оппонента,

---

⁷³⁴ Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред А.В. Шестакова. М., 1937. С. 32.

⁷³⁵ «Национальное русское государство сложилось в сев.-вост. Руси во второй половине 15 – начале 16 вв. в результате объединения русских княжеств – самостоятельных феодальных государств – под самодержавной властью московских великих князей». (Бахрушин С.В. Московское государство // БСЭ. Т. 40. 1938. Стб. 451.)

⁷³⁶ Там же.

отмечая неспособность учёного увидеть национального измерения в борьбе русских земель с татарским владычеством⁷³⁷.

Национальная тема занимала видное место в творчестве В.В. Мавродина. Серьёзное отражение она нашла в работе «Образование русского национального государства»⁷³⁸. В ней учёный уделил особое внимание вопросу об этногенезе великороссов, становлении их национальной культуры. С конца 1930-х по начало 1950-х гг. им написан ряд научных статей, среди которых выделяются: «К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации»⁷³⁹ и «Основные этапы этнического развития русского народа»⁷⁴⁰. В последней В.В. Мавродин изложил свои взгляды на поступательное складывание русской народности. В пору образования централизованного государства, по мнению автора, происходило «переоформление русского населения “национальных областей” – княжеств – в великорусскую народность»⁷⁴¹. Учёный подчёркивал, что «образование централизованного Русского государства и формирование великорусской народности сопровождают друг друга и являются различными, сторонами одного и того же явления»⁷⁴².

В публичной лекции, напечатанной под заглавием «Формирование русской нации» (1947), В.В. Мавродин указывал, что «образование великорусского государства и складывание великорусской народности диктовалось процессами экономического, политического и идеологического порядка»⁷⁴³. В этом и других выступлениях учёный наметил подход к пониманию централизации как триединого процесса. Его слагаемыми являлись: 1) развитие производственных сил, 2) развитие

---

⁷³⁷ Против исторической концепции М.Н.Покровского / Отв. ред. А. Сидоров. Ч. 1. М.; Л., 1939. С. 135.

⁷³⁸ Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Изд. 2-е. М., 1941.

⁷³⁹ Мавродин В.В. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации // Советская этнография. 1947. № 4. С. 84 – 102.

⁷⁴⁰ Мавродин В. Основные этапы этнического развития русского народа // Вопросы истории. 1950. № 4. С. 55-70.

⁷⁴¹ Там же. С. 64.

⁷⁴² Там же. С. 65.

⁷⁴³ Мавродин В.В. Формирование русской нации. Л., 1947. С. 26.

политического аппарата и 3) развитие народности в её основных проявлениях (язык, самосознание, культура). Эти положения В.В. Мавродин развил в большой монографии «Образование единого русского государства» (1951)⁷⁴⁴, обобщившей многолетние изыскания о создании русского государства.

Вопрос о значимости национального фактора в исследованиях поднимала редакция «Вопросов истории» в ноябре 1949 г. В передовой статье (без указания авторства) указывалось: «Нельзя изучать историю русского централизованного государства оторванно от проблемы складывания русской (великорусской) народности»⁷⁴⁵. Процесс государственной централизации связывался историками с появлением новых форм этнокультурной интеграции на землях северо-востока, начиная с Ивана Калиты. Первое заметное проявление русского народа в истории связывалось историками с событиями Куликовской битвы. Так, методическое пособие для учителей 1942 г. весьма показательно выделяло именно русский народ как движущую силу сопротивления угнетателям в событиях 1380 г. «Учителю следует с особой силой подчеркнуть, – наставляли авторы, – что русский народ никогда не мирился с монголо-татарским завоеванием и не переставал готовиться к решительному сражению со своими поработителями».⁷⁴⁶

Авторы книги «Наша великая Родина» (1946) объявляли XIV в. временем, когда начала складываться русская народность⁷⁴⁷. К.В. Базилевич также говорил о развитии национального самосознания и борьбе за национальное единство применительно к реалиям середины XIV столетия⁷⁴⁸. В его понимании, период складывания государственности соединён с появлением великорусского народа как субъекта исторического процесса. Именно «участие в развернувшейся борьбе за

⁷⁴⁴ Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951.

⁷⁴⁵ Основные задачи в изучении СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 9.

⁷⁴⁶ Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Методическое пособие для учителей средней школы УзССР. Вып. IV. История СССР. Ташкент, 1942. С.

⁷⁴⁷ Наша великая Родина / Н.Н. Михайлов, А.М. Панкратова, Б.М. Волин и др. М., 1946. С. 120.

⁷⁴⁸ Базилевич К.В. Образование русского национального государства. Иван III. М., 1946. С. 9.

окончательное объединение страны широких слоёв русского народа»⁷⁴⁹ учёный полагал фактором, имевшим решающее значение для государственного строительства наряду с такими обстоятельствами, как экономические и политические преимущества Москвы над соперниками⁷⁵⁰.

В работах, посвящённых образованию русского государства, понятие «нация», как и производные от него («национальные интересы», «национальное государство»), не сопровождались, как правило, специальным научным определением⁷⁵¹. Однако по контексту всегда можно понять, что речь идёт о становлении политико-культурной идентичности в противовес идентичности традиционной общины. Терминологический беспорядок заметен в области учебных материалов. Примером может служить программа по истории, (1938), разработанная в Институте истории АН СССР. Применительно ко времени XV–XVI вв. в ней говорится об «объединении русской национальности»⁷⁵² наряду с «объединением великорусского племени»⁷⁵³.

При некоторой упорядоченности понятийного аппарата в дальнейшем, неустойчивость его состава прослеживаются до начала 1950-х гг. Неразберихи в поле исторического дискурса добавила статья «народ», включённая в 29-м том 2-го издания БСЭ (1954). Одно из толкований названного понятия имело следующий вид: «Самые различные формы национальной и этнической общности (например, народность, нация); нередко этим термином обозначается и такая этническая

---

⁷⁴⁹ Там же. С. 13.

⁷⁵⁰ Там же.

⁷⁵¹ Основательную проработку понятийного аппарата можно встретить в публикациях, посвящённых вопросам этногенеза и этнологии. Как пример можно указать статью Б.А. Рыбакова «Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина», в которой автор подробно разбирает аспекты различия и взаимосвязи понятий «народность» и «нация». (Рыбаков Б.А. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина // Вопросы истории. 1955. № 9. С. 40-62.)

⁷⁵² Ф. 1577. Оп. 5. Д. 174. Л. 11.

⁷⁵³ Там же. Л. 13.

общность, как племя»⁷⁵⁴. Впрочем, смежные статьи вносили определённый семантический порядок. Так, статья «Народность» определяла соответствующее понятие как «исторически сложившуюся общность людей, предшествующую образованию нации»⁷⁵⁵. В определении нации первые два издания БСЭ руководствовались известной формулировкой И.В. Сталина⁷⁵⁶. В сочинении «Марксизм и национальный вопрос» он вывел три отличительных черты нации: общность языка, общность территории, общность экономической жизни и общность психологического склада⁷⁵⁷.

В целом, в трактовке термина «нация» учёные предпочитали привычно ориентироваться на указания советского лидера. К примеру, В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнин в статье для «Вопросов истории» (1951) воспроизвели указанные выше положения. Авторы указали, что «в XV в. завершается важный этап в формировании русской народности, которая характеризуется общностью языка, территории, культуры, а также относительной общностью экономической жизни»⁷⁵⁸. В статье отмечалось, что процесс образования русского государства, «возглавлялся великорусской народностью, формирующейся русской нацией, имевшей во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию»⁷⁵⁹. Влияние теоретических указаний И.В. Сталина угадывается также в построениях С.С. Дмитриева об образовании русской нации. Историк писал: «Совокупность таких признаков нации, как язык, территория, культурная общность, развивалась постепенно, еще в докапиталистический период. Русский парод обладал

---

⁷⁵⁴ Народ // БСЭ. Изд. 2-е. Т. 29. М., 1954. С. 131.

⁷⁵⁵ Народность // БСЭ. Изд. 2-е. Т. 29. М., 1954. С. 159.

⁷⁵⁶ Нация // БСЭ. Изд. 2-е. Т. 29. М., 1954. С. 307.

⁷⁵⁷ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937. С. 5-6.

⁷⁵⁸ Пашуто В., Черепнин Л. О периодизации истории России эпохи феодализма // Вопросы истории. 1951. № 2. С. 66.

⁷⁵⁹ Там же.

определенной общностью языка, устойчивой общностью территории, наконец, известной культурной общностью уже в XIV – XV веках»⁷⁶⁰.

Значение национального аспекта в исследовании централизованного государства заметно возросло в 1940-е гг. Освещение исторической роли русского народа нередко становилось важным условием положительной оценки научных и учебно-методических трудов. Показательна критика, которой в 1948 г. было подвергнуто второе издание учебника по истории СССР (исторические факультеты) на заседании Института истории РАН. Л.В. Черепнин и М.Н. Тихомиров обратили внимание, что в учебнике «не отображен процесс образования русской народности, а без этого проблема образования национального государства теряет свою почву»⁷⁶¹.

В ходе кампании по борьбе с «буржуазным объективизмом» конца 1940-х гг. в центре внимания оказался вопрос о формировании русской (а равно других) народности. Зеркалом противоречий, обострившихся в научной среде, стали нападки на учебник «История СССР» (1948)⁷⁶², написанный М.Н. Тихомировым и С.С. Дмитриевым. Обзор теоретических ошибок, допущенных авторами, подготовили Л.В. Черепнин и П.А. Зайончковский для «Вопросов истории» (февраль 1949). Рецензенты указывали, что проблема образования русского централизованного государства рассмотрена в книге вне связи с образованием русской народности, о которой «вообще не говорится»⁷⁶³. Такой подход был охарактеризован как «теоретически неправильный»⁷⁶⁴ и противоречащим марксистско-ленинскому учению.

---

⁷⁶⁰ Дмитриев С.С. Образование русской нации // Вопросы истории. 1955. № 7. С. 43.

⁷⁶¹ О втором издании первого тома учебника по истории СССР // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 147.

⁷⁶² Тихомиров М.Н., Дмитриев С.С. История СССР. Т. I. С древнейших времён до 1861 г. М., 1948.

⁷⁶³ Черепнин Л., Зайончковский П. М.Н. Тихомиров и С.С. Дмитриев. История СССР. Т. 1. С древнейших времён до 1861 года // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 136.

⁷⁶⁴ Там же. С. 137.

В ходе полемики о периодизации истории СССР (1949-1951) И.С. Миллер отмечал как серьёзный недостаток ряда историков то, что они «упускают или в недостаточной мере учитывают такой фактор истории, как развитие нации, национального самосознания и национального движения, условия, в которых это развитие происходит»⁷⁶⁵. История СССР, указывал учёный, есть история народов СССР, и прежде всего «история русского народа, русской нации, руководящего народа среди народов нашей Родины. А для истории народов фактор национального развития имеет громадное значение»⁷⁶⁶. Выводы И.С. Миллера были категоричны: «Плоха та периодизация, которая отводит этому первостепенному фактору третьеразрядное место»⁷⁶⁷. Тот же посыл читается в построениях С.В. Юшкова. Рассуждая о чертах централизованного государства, он подчёркивал, что одним из основных его признаков должно считаться «возникновение русской народности»⁷⁶⁸.

Таким образом, вопрос о становлении русского народа и его исторической роли обрёл ключевое значение для теории централизованного государства. Дополнительный импульс интересу к образованию наций был сообщён работой И.В. Сталин «Марксизм и вопросы языкознания» (1950)⁷⁶⁹. В ней была поднята проблема взаимосвязи языка с развитием наций, диалектикой базиса и надстройки. По утверждению Б.А. Рыбакова, этот труд «открыл новую эру в изучении проблем образования племён, народностей и наций»⁷⁷⁰.

Процессы внутренней консолидации русского государства в XV–XVI вв. трудно отделить от его внешней экспансии, что вело к усложнению этнического

---

⁷⁶⁵ Миллер И. К вопросу о принципах построения периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 11. С. 71.

⁷⁶⁶ Там же.

⁷⁶⁷ Там же.

⁷⁶⁸ Юшков С. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX в. // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 83.

⁷⁶⁹ Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950.

⁷⁷⁰ Рыбаков Б.А. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина // Вопросы истории. 1955. № 9. С. 40.

состава населения. История централизации русского государства – это также история становления общности великороссов и иных народов на обширном пространстве Восточноевропейской равнины. Потому особого внимания заслуживает вопрос о том, как в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. рассматривалась внешняя политика русских царей в аспекте взаимодействия с населением присоединяемых земель.

Важность освещения истории нерусских народов СССР была подчёркнута лично И.В. Сталиным. Показательны замечания, высказанные им по поводу конспекта учебника по истории СССР, который в 1934 г. подготовила группа Н.Н. Ванага во исполнение партийно-правительственного поручения⁷⁷¹. Первое же нарекание состояло в том, что представленный текст выглядел как история Руси без истории прочих народов, вошедших в состав будущего СССР⁷⁷². Таким образом, история русского государства обрела дополнительное измерение, связанное с характеристикой межнациональных отношений в нём.

Показательно, как в этой связи выстраивалась работа Института истории, который в преддверии 3-й пятилетки мобилизовал научные кадры на решение актуальных научно-исследовательских задач. В частности, на период 1938-1942 гг. была намечена подготовка монографий по истории народностей, вошедших в состав русской державы в XV–XVI вв. Предполагалось научное освещение истории Булгарского ханства⁷⁷³, Кабардино-Балкарии, сибирских татар, Карели, а также Казанского, Астраханского и Касимовского ханств⁷⁷⁴. К этому времени историческая наука прочно усвоила сталинский посыл о многонациональном характере русского государства. Теперь перед историками закономерно вставал вопрос о содержании взаимоотношений великорусской «государствообразующей» нации с иными

---

⁷⁷¹ И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. Сборник. М., 1937. С. 22-34.

⁷⁷² Там же. С. 22.

⁷⁷³ Ф. 1577. Оп. 5. Д. 138. Л. 4.

⁷⁷⁴ Там же. Л. 5.

нациями и народностями, покорёнными русскими правителями в XV–XVI вв. Примечательно, что понятия «национальное» и «многонациональное» применительно к централизованному русскому государству употреблялись в историографии параллельно. Вопрос об их соотношении зачастую решался в пользу содержательного отождествления. Так, Л.В. Черепнин и В.Т. Пашуто полагали, что «в высказываниях классиков марксизма-ленинизма термин “национальное” не противоречит понятию “многонациональное”»⁷⁷⁵.

В условиях историографической ситуации 1930-х – начала 1950-х гг. методологическое значение имело то, как национальный вопрос трактовался И.В. Сталиным. По мнению М.Д. Коммари, советский вождь создал марксистскую теорию нации⁷⁷⁶. Его суждения ожидаемо отражались в оценках, дававшихся историками межнациональным отношениям в русском государстве. В статье «Марксизм и национальный вопрос» (1913) И.В. Сталин отмечал, что национальное обособление выполняет исключительно деструктивную функцию. Всякое размежевание при акцентировании особых национальных интересов трактовалось им как предпосылка вредного сепаратизма⁷⁷⁷. Нация, согласно И.В. Сталину, «имеет право устроиться автономно. Она имеет право даже отделиться. Но это еще не значит, что она должна делать это при всяких условиях, что автономия или сепарация везде и всегда будут выгодны для нации»⁷⁷⁸. Особенностью исторического развития России И.В. Сталин полагал её «междунациональный» характер – в противовес национальным государствам Запада. Он подчеркивал также особую роль великороссов как объединителей национальностей в рамках единого государства⁷⁷⁹.

---

⁷⁷⁵ Пашуто В., Черепнин Л. О периодизации истории России эпохи феодализма // Вопросы истории. 1951. № 2. С. 67.

⁷⁷⁶ Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР. М., 1949. С. 192.

⁷⁷⁷ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. М., 1937. С. 34.

⁷⁷⁸ Там же. С. 15.

⁷⁷⁹ Там же. С. 10.

Указанная статья не единожды перепечатывалась, очередное издание появилось вскоре после войны (1946). Одним из главнейших был и оставался тезис о том, что «если где и необходима диалектическая постановка вопроса, то именно здесь, в национальном вопросе»⁷⁸⁰. Сохраняли свою актуальность и положения о пагубности сепаратизма, а также о ведущей роли русского народа в строительстве многонационального государства.

В 1951 г. Институтом философии АН СССР был опубликован капитальный коллективный труд «Исторический материализм». Книга давала систематическое изложение теоретических основ материалистического учения и явилась крупным обобщением достижений марксистской исторической науки в СССР за 30 лет. В издании нашлось место и вопросу об отношениях между народами. Авторы заявляли: «СССР перед всем миром продемонстрировал, как надо разрешать национальный вопрос»⁷⁸¹. Значимое место в логике изложения ожидаемо занимали сталинские тезисы о понятии нации, её складывании, развитии и т.д. Работа отражала теоретические представления, закрепившиеся в историографии по поводу русской нации в её историческом становлении. М.Д. Коммари в главе, посвящённой национальному вопросу, писал: «В истории и культуре русского народа нашли своё выражение такие высокие качества, отмеченные И.В. Сталиным, как ясность ума, стойкость характера, разумное терпение»⁷⁸².

Однако благосклонные суждения о русском народе были привиты марксистской науке не сразу. Своего рода руссоцентризм в оценках событий прошлого стал плодом идейной эволюции советской политической культуры, а за ней – исторической науки, чутко реагировавшей на подобные изменения. Пафос революционной борьбы привнёс в послеоктябрьскую историографию новые смыслы, отразившиеся в трактовке взаимоотношений русского и иных народов в составе

---

⁷⁸⁰ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 314.

⁷⁸¹ Исторический материализм // Под ред. Ф.В. Константинова. М., 1951. С. 701.

⁷⁸² Там же. С. 420.

централизованного государства. Марксистская историография в первые полтора десятилетия широко использовала идею о колониальном порабощении как о сущности распространения великорусского влияния на пространстве Восточноевропейской равнины. Так, М.Н. Покровский строго держался положения о том, что не только централизованное Русское государство, но уже Московское великое княжество было «тюрьмой народов», построенной «на костях» преимущественно финских племён. В этой связи установление «великорусского гнёта», а после его окончательное свержение вырисовывались как процессы различной по характеру направленности: регрессивной и прогрессивной. Взятая М.Н. Покровским на вооружение идея классовой (и национальной) борьбы изрядно затеняла пафос государственного строительства как такового⁷⁸³.

В первой половине 1930-х гг., после смерти М.Н. Покровского, концепция «тюрьмы народов» поддерживалась в академической среде его учениками и, что немаловажно, пользовалась благосклонностью государственного руководства. Показательно, что, критикуя первый проект школьного учебника (группы Н.Н. Ванага), высокопоставленные цензоры пеняли авторам тем, что «в конспекте не подчёркнута аннексионистско-колониальная роль русского царизма, вкуче с русской буржуазией и помещиками («царизм – тюрьма народов»)»⁷⁸⁴.

М.Н. Покровский непримиримо высказывался об отношениях между народами, вошедшими в состав единого государства. «Российскую империю называли “тюрьмой народов”, – писал учёный, – Мы знаем теперь, что этого названия заслуживало не только государство Романовых, но и его предшественница, вотчина потомков Калиты. Уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было “тюрьмой народов”. Великороссия построена на костях “инородцев”, и едва ли последние много утешены тем, что в жилах великорусов

---

⁷⁸³ Покровский М.Н. Возникновение Московского государства // Историк марксист. Т. 18-19. М., 1930. С. 28.

⁷⁸⁴ К изучению истории. Сборник. М., 1937. С. 22.

течёт 80% их крови»⁷⁸⁵. Подобные трактовки были, несомненно, востребованы в годы борьбы с реальным и мнимым «великорусским шовинизмом», в пору разворачивания государственной политики коренизации на бывших имперских окраинах. Однако по мере выхода страны из революционных перипетий и стабилизации внутривластного курса, направленного к построению социализма в одной стране, пафос воинственной дерусификации мало-помалу профанировался. По наблюдению исследователя Т. Мартина, после 1933 г. масштабы политики коренизации сокращаются и происходит «реабилитация русских»⁷⁸⁶. Как пишет автор, «принятые в декабре 1932 г. Постановления Политбюро»⁷⁸⁷ положили начало чрезвычайно важному процессу полной реабилитации русской культуры и права русских на национальную самовыражение. В 1933-1938 гг. статус русских резко повысился»⁷⁸⁸. Это повышение статуса было сопряжено, в частности, с углублением идеи об объединяющей роли русской культуры в масштабах всего СССР⁷⁸⁹.

В декабре 1935 г. И.В. Сталин, выступая перед колхозниками Таджикистана и Туркменистана, объявил о «политике дружбы, политике братства между народами нашей страны»⁷⁹⁰. В 1939 г. советский руководитель вновь обратился к этой идее в отчётном докладе на XVIII партийном съезде. Он указал на необходимость «укреплять морально-политическое единство советского общества и дружественное сотрудничество рабочих, крестьян, интеллигенции, укреплять всемерно дружбу

---

⁷⁸⁵ Покровский М.Н. Возникновение Московского государства // Историк-марксист. Т. 18-19. М., 1930. С. 28.

⁷⁸⁶ Мартин Т. Империя «Положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011. С. 526-527.

⁷⁸⁷ Среди таких постановлений, к примеру, Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об украинизации в ДВК, Казахстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР», осудившее предложения об обязательной украинизации целых районов СССР и поручившее властям названных районов незамедлительно свернуть украинизацию и перевести печать и образование на русский язык.

⁷⁸⁸ Мартин Т. Империя «Положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011. С. 541.

⁷⁸⁹ Там же.

⁷⁹⁰ Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 101.

народов СССР, развивать и культивировать советский патриотизм»⁷⁹¹. Данная установка планомерно внедрялась в различных областях гуманитарной политики советского государства, будучи нацелена на преодоление идеологического разрыва между множеством национальных идентичностей. В то же время в поле официальной идеологии наметился поворот к усилению положения об особой роли русского народа среди других народов СССР. 1 февраля 1936 г. газета «Правды» вышла с передовицей, посвящённой РСФСР, в которой содержался следующий пассаж: «Все народы – участники великой социалистической стройки – могут гордиться результатами своего труда: все они – от самых маленьких до самых больших – полноправные советские патриоты. И первым среди равных является русский народ»⁷⁹².

Восстановление в правах русского народа и русской культуры проявилось и в исторической науке. После начала кампании по дискредитации концепции М.Н. Покровского его тезис о всемерном угнетении народов под властью русского царизма был несколько смягчён. Это выразилось в появлении теории «наименьшего зла», которая пришла на смену представлению о переходе малых народностей в российское подданство как проявлении абсолютного зла. Так, в 1937 г. жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший школьный учебник отмечало как общий недостаток всех представленных проектов то, что «работники исторической науки» не поняли, что переход под покровительство России был для таких стран, как Украина или Грузия, меньшим злом, нежели возможное поглощение агрессивно настроенными соседями⁷⁹³.

В ходе развития исторической науки данные положения были несколько скорректированы. Хотя сам тезис о «наименьшем зле» продержался в

---

⁷⁹¹ Там же. С. 321.

⁷⁹² РСФСР // Правда. 1936. 1 февраля. С. 1.

⁷⁹³ К изучению истории. Сборник. М., 1937. С. 38.

историографии без малого пятнадцать лет, пока не был поставлен под сомнение в ходе научного обсуждения на страницах «Вопросов истории» в 1951 г.⁷⁹⁴

В конце 1930-1940-х гг. в трудах историков прослеживается постепенный перенос акцента с колонизаторской сущности русского государства на проблему защиты и обеспечения жизненных интересов русского народа. В трудах ведущих специалистов наблюдается разворот от непримиримо враждебного восприятия деятельности русских правителей к трактовке их внешних и внутренних мероприятий как в целом благотворной для народов, попавших в орбиту русского государства. Важной задачей стало смысловое размежевание феодального государства и русского народа – их содержательное, символическое и эмоциональное разделение в научной риторике. Прежняя историческая концепция принципиально не разъединяла великороссов с идеей о великоросской державе-угнетателе. Это, к примеру, находило выражение в злобных нападках М.Н. Покровского на русских как поработителей и едва не истребителей малых народов Евразии. Критика такого подхода, решительно звучавшая со второй половины 1930-х гг., указывала не только на теоретические ошибки, но и связанные с ними опасности политического толка. Так, на собрании в Институте Истории 11 ноября 1937 г. о взглядах представителей школы М.Н. Покровского было отмечено: «когда рассматривается история того или иного народа, то рассматривается с такой точки зрения, что якобы русский народ представлял собой в целом угнетателя этих народностей. И отсюда вывод, несомненный для угнетенных до революции народностей, что они должны были понимать так, что виновником всего национального гнёта, который нёс русский военный феодальный империализм, является в целом русский народ»⁷⁹⁵. Такой тезис, подчёркивалось в заключение,

---

⁷⁹⁴ см. ниже о письме М.В. Нечкиной в редакцию «Вопросов истории».

⁷⁹⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 162. Л. 34.

«целиком и полностью был на руку националистической буржуазии»⁷⁹⁶. В том же году А.В. Шестаков с негодованием отмечал, что с точки зрения М.Н. Покровского «собственно русского народа пожалуй и нет; он (*Покровский – Н.Т.*) до того договорился, что стал утверждать, будто в жилах великорусского народа течёт выше 80% нерусской⁷⁹⁷ крови»⁷⁹⁸. «Это совершенно антинародное выступление»⁷⁹⁹, – заключал докладчик.

Итак, в первое послереволюционное десятилетие провозглашаемые марксистско-ленинским учением начала интернационализма и право наций на самоопределение нередко претворялись в политику и риторику, имевшую выраженный дискриминационный вектор по отношению к великорусской культуре. Дискурс исторической науки 1920-х гг. это хорошо показывает. Не свободны от подобных трактовок и некоторые суждения, звучавшие в 1930-е гг. В последующем намечается тенденция к дифференцированному подходу в оценке межнациональных отношений. А.В. Шестаков, к примеру, настаивал на необходимости пересмотреть «точку зрения, когда мы говорили о колониальной политике как об одноцветном чёрном пятне в истории русского государства»⁸⁰⁰.

В этом контексте наблюдается переход к теоретическому обоснованию национальных интересов русского народа. Особенно это заметно в контексте исследований процесса государственного строительства. Тогда же в историографию возвращается подзабытый с дореволюционных времён уклон к идеям о государственнической, цивилизаторской роли великороссов. По мере эволюции научной мысли идеи интернационализма начали осмысливаться в контексте представлений о направляющей роли русских в борьбе иных народов за

---

⁷⁹⁶ Там же. Л. 40.

⁷⁹⁷ в стенограмме значится «русской», что является опечаткой, о чём свидетельствует контекст высказывания.

⁷⁹⁸ АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 382. Л. 13.

⁷⁹⁹ Там же.

⁸⁰⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 162. Л. 11-11 об.

национальную самостоятельность. Авторы научно-популярного труда «Наша великая родина» (1946) писали: «Великий русский народ является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в Советский Союз. Он сплотил вокруг себя все народы нашей страны и возглавил их в борьбе за социалистическую революцию, за построение социализма. Русский народ является руководящей силой среди других народов Советского Союза. Он оказывает им огромную помощь. В дни Великой Отечественной войны русский народ своей мужественной и стойкой борьбой, своей самоотверженностью и преданностью родине ещё больше сплотил вокруг себя все народы СССР»⁸⁰¹. Подобный панегирический тон был присущ и литературе начала 1950-х гг. В труде «Исторический материализм» (1951), подчёркивалось: «Русский рабочий класс под руководством партии Ленина – Сталина показал всем народам путь к освобождению от всякого социального и национального гнета и эксплуатации, показал образец подлинного пролетарского интернационализма»⁸⁰².

Тема межнациональных отношений поднималась историками в связи с разработкой проблемы образования централизованного государства. В том, как подавались и толковались процессы территориального роста России, можно видеть отражение идейно-теоретических установок, определявших научные трактовки взаимоотношения народов в «многонациональном» государстве.

М.Н. Покровский, говоря об освоении русскими будущей территории Великороссии, с издёвкой называл их колонизаторами, «просвещёнными светом христианства», мало отличавшимися в своих действиях от испанских завоевателей XVI столетия⁸⁰³. С подъёмом и развитием идей советского патриотизма тон высказываний о великороссах в исторической литературе меняется. В научных

---

⁸⁰¹ Наша великая Родина / Н.Н. Михайлов, А.М. Панкратова, Б.М. Волин и др. М., 1946. С. 49.

⁸⁰² Исторический материализм // Под ред. Ф.В. Константинова. М., 1950. С. 449.

⁸⁰³ Покровский М.Н. Возникновение московского государства // Историк-марксист. Т. 18-19. 1930. С. 19.

трудах 1940-х – начала 1950-х гг. отчётливо наблюдается смена представлений о модальности взаимодействия русских с иными (финно-угорскими и тюркскими народами) – с угнетательской на цивилизаторскую.

Анализ учебной литературы изучаемого периода наглядно показывает изменения в этой области. Одним их ярких сюжетов русской экспансии периода централизации явились волжские походы Ивана IV, в частности, завоевание Казани. Показательно, как это событие было представлено в первом издании учебника А.В. Шестакова (1937). Книга скупно констатировала: «Иван IV решил сначала захватить татарские ханства на Волге»⁸⁰⁴. В качестве мотивов русского правителя указывалось лишь укрепление личной власти, об интересах страны не упоминается вовсе. В контрасте с образом царя-захватчика показано население Казани: «Татары сражались с отчаянной отвагой и упорством»; «без отдыха, день и ночь, они отбивались от осаждающих». Защитники города выведены в подлинно подвижническом свете: «В сражении принимали участие и татарские женщины и дети, защищаясь от врага»⁸⁰⁵. Судьба захваченной Казани описана лаконично: она «была разграблена и сожжена»⁸⁰⁶. Таким образом, отношения русского государства с покорённым населением Поволжья показаны в учебнике в парадигме, отчасти наследующей идеям М.Н. Покровского.

В поздних редакциях учебника из повествования о казанском взятии были изъяты наиболее драматичные подробности: школьникам уже не сообщали о самоотверженности татарских детей и женщин, а также о зверской жестокости русских войск. Примечательным образом фразу «Казань была разграблена и

---

⁸⁰⁴ Краткий курс истории СССР / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 38

⁸⁰⁵ Там же.

⁸⁰⁶ Там же.

сожжена» заменили заметно более примирительной: «Казань была присоединена к Московскому государству»⁸⁰⁷.

Любопытны изменения, которые в той же связи претерпел учебник А.М. Панкратовой (средняя школа). Так, в издании 1943 г. последствия захвата Казани описывались в особо мрачных тонах: «мужское население было перебито почти поголовно. Женщины и дети были обращены в рабство»⁸⁰⁸. Позднее кровожадные «подробности» были удалены из текста. К примеру, в издании 1953 г. они отсутствуют⁸⁰⁹.

Несколько иную тенденцию в освещении данного эпизода показывают вузовские учебники для неисторических факультетов (1941 и 1948). Для обоих соответствующие разделы писал М.Н. Тихомировым, что позволяет рассматривать поздний текст как своего рода авторскую редакцию. Здесь не наблюдается выхолащивания пассажей о свирепости русских завоевателей, напротив: поздняя формулировка как бы закрепляет и усиливает первоначальный посыл. Сопоставляемые фрагменты выглядят следующим образом: «Казань была взята приступом. Взрослое мужское население было почти поголовно уничтожено, а женщины и дети уведены в плен» (1941)⁸¹⁰; «Казань была взята штурмом, несмотря на геройское сопротивление её защитников. Татары сражались и после того, как русские ворвались в крепость. Взрослое татарское население Казани было уничтожено или спаслось бегством, женщины и дети попали в плен» (1948)⁸¹¹.

---

⁸⁰⁷ История СССР. Краткий курс: учебник для 4-го класса /Под ред. А.В. Шестакова. М., 1954. С. 46.

⁸⁰⁸ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. Ч. 1 / Под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 3-е. М., 1943. С. 131.

⁸⁰⁹ История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. Ч. 1 / Под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 12-е. М., 1953. С. 141.

⁸¹⁰ История СССР. Т. 1. / Под ред. В.И. Пичета, М.Н. Тихомирова, А.В. Шестакова. М., 1941. С. 137.

⁸¹¹ Тихомиров М.Н., Дмитриев С.С. История СССР. Т. I. С древнейших времён до 1861 г. М., 1948. С. 124.

Показательно, что такой подход не вызвал нареканий в научном сообществе, хотя сам учебник был подвержен самой суровой критике. Л.В. Черепнин и П.А. Зайончковский в рецензии на учебник отметили превратное освещение восстаний народов Поволжья, но оставили без внимания мрачный образ русских завоевателей в описании казанского взятия⁸¹². В.В. Ковеля характеризует Л.В. Черепнина как человека «предельно запуганного властью в ходе репрессий 1930-х гг.»⁸¹³. Этим он объясняет то, как покладисто историк переложил на язык научной критики актуальные идейно-пропагандистские послы⁸¹⁴.

Своё влияние на умонастроения учёных имела и кампания по борьбе с «безродным космополитизмом» конца 1940-х гг. Передовая статья в «Вопросах истории» (в том же номере, где публиковалась вышеназванная рецензия) яростно клеймила «безродных космополитов», которые «клеветали на великий русский народ, распространяя лживое утверждение о его вековой отсталости, об иностранном происхождении русской культуры и об отсутствии у русского народа национальных традиций. Они отрицали и дискредитировали лучшие достижения советской культуры, пытались принизить её перед растленной культурой буржуазного Запада»⁸¹⁵. В этих суждениях (безусловно, отражающих господствующие идейные установки) упор сделан на проблему исторического бытия народа, но не государства с его конкретными политическими интересами. В этом свете вполне объяснимо отсутствие критики тезисов М.Н. Тихомирова о бесчинствах русских войск при взятии Казани. В таком подходе к освещению событий ни идеологи, ни учёные не усматривали клеветнических выпадов против

---

⁸¹² Черепнин Л., Зайончковский П. М.Н. Тихомиров и С.С. Дмитриев. История СССР. Т. 1. С древнейших времён до 1861 года // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 138.

⁸¹³ Ковеля В.В. История одного учебника: эпизод из научной деятельности М.Н. Тихомирова // Археографический ежегодник. М., 2016. С. 165-180. С. 170.

⁸¹⁴ Там же. С. 166.

⁸¹⁵ О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 4.

непосредственно русского народа: завоевательная политика правящего класса содержательно размежёвывалась с идеями о великороссах как ведущей силе в истории народов Советского Союза. Уже в 1937 г. А.В. Шестаков в статье, приуроченной к выходу учебника для начальной школы, говорил о положительной роли, которую сыграло русское централизованное государство в историческом становлении народов СССР⁸¹⁶.

Не менее примечательно, как в учебниках трактовался переход малых народов под власть московской державы. В ранних редакциях учебника для 8-го класса указывалось: «Вокруг сильного русского народа были насильственно объединены другие, более слабые народы»⁸¹⁷. Из поздних редакций слово «насильственно» пропало⁸¹⁸. Так на уровне дискурсивных практик понятие «русский народ» освобождалось от отрицательных коннотаций. Любого рода негативный контекст допускался в отношении феодальных классов и созданных ими структур⁸¹⁹. В отношении же народов, населявших страну, использовалась риторика, подчёркивавшая историческую преемственность дружеского общения.

---

⁸¹⁶ Шестаков А. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 91-92.

⁸¹⁷ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. Ч. 1 / Под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 3-е. М., 1943. С. 143.

⁸¹⁸ История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. Ч. 1 / Под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 12-е. М., 1953. С. 153.

⁸¹⁹ 4 декабря 1937 г. А.М. Панкратова в докладе на секторе Истории СССР Института истории АН СССР так говорила о задачах, стоявших перед авторами готовившегося учебника: «В «Указаниях на конспекты» в 1934 г. было указано, что авторы конспекта не подчеркивают аннексионистско-колонизаторской роли русского царизма вкупе с русской буржуазией и помещиками, они не показывают царской системы «тюрьмы народов». Мы старались в нашем конспекте и теперь стараемся в учебнике, который мы сейчас пишем, это указание партии учесть прежде всего в том отношении, чтобы показать, как оформился царизм как тюрьма народов, рисуя этот процесс в непосредственной связи с вопросом о создании многонационального государства, начиная с Ивана IV — XVI века. Мы хотим этот момент показать таким образом, чтобы на всех этапах исторического процесса, когда русскому царизму пришлось выступать в качестве фактора насилия по отношению к другим народам». (Институт истории академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2016. С. 250-251.)

В монографиях крупных учёных русский народ выводится как особый субъект исторического процесса. Народное освоение земель выглядит иначе, нежели царская колонизация. В.В. Мавродин в монографии «Образование единого русского государства» (1951) указывал, что русский народ по пришествии на новые земли не насаждал там своих порядков и не навязывал местному населению своей веры и нравов⁸²⁰. Примечательно, что в ранней работе учёного «Образование русского национального государства» (1939), такого рода уточнений не содержалось.

К.В. Базилевич в труде «Внешняя политика русского централизованного государства», оконченом к 1950 г., называл русский народ «исконным хозяином великой Восточно-европейской равнины»⁸²¹. Данное утверждение характерно для историографии рубежа десятилетий. К этому времени наука не только полностью освободилась от духа обличительства русского народа в хищническом поработании соседей, но и прочно стала на путь утверждения его прогрессивной роли в мировом историческом процессе. Показательна лекция того же К.В. Базилевича (1949), с красноречивым названием «Прогрессивная роль России в политической жизни Европы»⁸²².

Редакционная статья в июньском номере «Вопросов истории» за 1953 г. сжато отразила руководящие установки марксистской парадигмы касаясь исследований в области межнациональной проблематики. Она определяла первостепенные задачи историков и наставляла: «Советская историческая наука играет огромную роль в укреплении дружбы народов СССР», а потому должна рассматривать их развитие в тесной взаимосвязи. «Она вскрывает исторические корни дружбы народов нашей страны, показывает прогрессивное значение присоединения нерусских народов к России»⁸²³.

---

⁸²⁰ Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951. С. 248.

⁸²¹ Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. С. 16.

⁸²² Базилевич К.В. Прогрессивная роль России в политической жизни Европы. М., 1949.

⁸²³ О некоторых важнейших задачах советских историков // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 8.

Таким образом, концепции русского централизованного государства был свойственен любопытный дуализм. С одной стороны, господствующие классы выступали в качестве организующей силы, структурно оформлявшей новый государственный строй. С другой стороны, русский народ как носитель творческого начала выстраивал своего рода гуманитарный стержень нарождавшейся политической конструкции. Если в традиции 1920-е гг. инвективы в сторону русского государства не предполагали разделения народа и феодальной верхушки, то после ниспровержения идей М.Н. Покровского данные объекты чётко обособились.

В определении подходов к оценке межнациональных отношений сыграли роль и международно-политические события накануне и после Великой отечественной войны. В определённой мере они повлияли на тематику и содержание исторических работ, в том числе, посвящённых созданию централизованного государства. Так, вхождение в состав СССР трёх прибалтийских республик породило задачу научно-исторического обоснования традиционно дружественных отношений русского и прибалтийских народов, как того требовали господствовавшие положения о социалистической солидарности и советском патриотизме. Образование Латышской и Эстонской ССР сопровождалось историческими публикациями, в которых отмечалась давняя связь населения этого края с русским народом и государством⁸²⁴.

Особое место в историографии 1940-х гг. занимает Ливонская война Ивана Грозного. В рамках данной темы проблема создания государства «встречалась» с

---

⁸²⁴В июльском номере «Вопросов истории» за 1940 г., вышедшем сразу после учреждения новых советских республик, помещена статья Л.Н. Бычкова «Невская битва 1240 года». В ней не единожды подчёркивается совместный характер борьбы русских и прибалтийских народов со шведскими угнетателями. (Бычков Л. Невская битва 1240 года. // Вопросы истории. 1940. № 7. С. 34-39.)

В том же номере была напечатана статья Я.Я. Зутиса, содержащая общий обзор истории Латвии и Эстонии с упоминанием о сильном влиянии России и русских на культурное и политическое становление прибалтийских народов. (Зутис Я. Борьба за Балтийское море и исторические судьбы Латвии и Эстонии // Вопросы истории. 1940. № 7. С. 60-70.)

проблемой взаимодействия русского народа с прибалтийским населением. С.В. Бахрушин, повествуя о событиях Ливонской войны, особо подчеркивал то радушие, с каким коренное население орденских земель встретило войско русского царя. В монографии «Иван Грозный» (1942) описание взятия царскими войсками крепости Феллин (1560) сопровождается рассказом о сочувствовавших русским латышах. Те «всячески помогали им и провели русских воевод»⁸²⁵. Автор указывал, что успехи Ивана IV в Прибалтике «во многом объясняются симпатиями местного населения»⁸²⁶. В переиздании 1945 г. положение о поддержке русских коренными жителями прибалтийских земель было усилено. Главу «Разгром Ливонского ордена» дополнил тезис о том, что успеху русского оружия «очень благоприятствовало сочувствие со стороны коренного эстонского и латышского населения»⁸²⁷. Новое переиздание (1946)⁸²⁸ повторяло положение о благорасположенности к русским коренных жителей. По утверждению С.В. Бахрушина, население «с большой готовностью подчинялось новой власти»⁸²⁹.

Аналогичный посыл находим у других историков. И.И. Смирнов в монографии «Иван Грозный» (1944)⁸³⁰ упоминает о помощи русским со стороны «местного латышского и эстонского населения»⁸³¹. Об том же сообщает Р.Я. Виппер в работе 1944 г.: «сказалась вражда к немцам латышей и эстонцев: местные жители помогли русским»⁸³². Тот же тезис повторяет И.А. Коротков в научно-популярной книге «Иван Грозный. Военная деятельность» (1952)⁸³³. Риторика указанных сочинений свидетельствует о стремлении к лучшему закреплению в массовом сознании

---

⁸²⁵ Бахрушин С.В. Иван грозный. М., 1942. С. 48.

⁸²⁶ Там же. С. 49.

⁸²⁷ Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1945. С. 44.

⁸²⁸ Бахрушин С.В. Самодержавие Ивана Грозного. М., 1946

⁸²⁹ Там же. С. 39.

⁸³⁰ Смирнов И.И. Иван Грозный. М., 1944.

⁸³¹ Там же. С. 77.

⁸³² Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М. ; Л., 1944. С. 52.

⁸³³ Коротков И.А. Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952. С. 46.

положения о традиционной близости «старшего брата» в лице русского народа и коренного населения эстонской и латышской республик. Данная смысловая конфигурация является хорошо читаемой проекцией идейно-воспитательных постулатов военного и послевоенного времени, призванных продемонстрировать историческое единство народов СССР в борьбе с извечной угрозой с Запада.

Иная картина наблюдается в отношении довоенной историографии. Публикации до 1940 г. (времени образования Эстонской и Латвийской ССР) не обнаруживают пристального внимания ко взаимодействию русских с прибалтийскими народностями. Данный аспект Ливонской войны не выражен ни в монографии Б.Г. Верховеня об Иване Грозном (1939)⁸³⁴, ни в публичной лекции К.В. Базилевича, посвящённой тому же периоду (1939)⁸³⁵. Последний даже подчёркивает захватнический характер действий царских войск: «На занятой территории началась раздача дворянам земель в поместья»⁸³⁶.

В свете вопроса о национальном измерении Ливонской войны примечательна эволюция соответствующей статьи в БСЭ. В 1-м издании (1938) давалось лишь общее описание боевых действий и дипломатических манёвров⁸³⁷. Во 2-м (1954) уже говорилось о тёплом отношении эстонцев и латышей к русским людям, воспринимавшимся в качестве освободителей⁸³⁸. Обе редакции хронологически разделены Великой отечественной войной, что свидетельствует о возникновении потребности в акцентировании дружбы народов именно в контексте произошедшей советизации Латвии и Эстонии.

---

⁸³⁴Верховень Б.Г. Россия в царствование Ивана Грозного. М., 1939.

⁸³⁵Базилевич К.В. Лекции 12 и 13. Расширение русского государства и превращение его в многонациональное. Стенограмма лекций, прочитанных 21 и 27 декабря 1939 г. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1940.

⁸³⁶Там же. С. 18.

⁸³⁷БСЭ. Т. 36. М., 1938. Стб. 787-789.

⁸³⁸БСЭ. 2-е изд. Т. 25. М., 1954. С. 103.

Причины этого помогают понять указания, содержащиеся в методическом пособии, подготовленном коллективом историков в 1942 г. «В условиях Великой Отечественной войны, – читаем в издании, – преподавание истории должно быть построено таким образом, чтобы из обширного исторического материала, при полном сохранении исторической последовательности и систематичности его изложения были выделены и более подробно изложены важнейшие темы, посвящённые истории освободительных войн народов Советского Союза в прошлом и помогающие понимать причины, характер и перспективы нынешней Отечественной войны»⁸³⁹. Таким образом, комплекс представлений о Ливонской войне XVI в. оказался достроен актуальными пропагандистскими представлениями XX в.: военное предприятие Ивана Грозного задним числом приобрело новое «освободительное» измерение.

Указанные тенденции служат хорошей иллюстрацией влияния идейно-политической целесообразности на формирование исторической концепции русского централизованного государства. Можно утверждать, что на попытку ретроспективного представления взаимоотношений русского и прибалтийских народов наложили отпечаток события довоенного и послевоенного периода, связанные с необходимостью инкорпорировать прибалтийские республики в политико-правовое и культурно-идеологическое пространство союзного государства. То же справедливо предположить в отношении других национальных общностей СССР. Стоит помнить сталинскую мысль, высказанную ещё до революции, об опасности «межевания людей по нациям» и укрепления национальных перегородок⁸⁴⁰. Её преломление в идеологических практиках 1940-х – начала 1950-х гг. обнаруживается в попытках построить модель советского

---

⁸³⁹Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Вып. IV. Ташкент, 1942. С. 6.

⁸⁴⁰Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937. С. 42.

интернационализма, опирающуюся на постулат об интегральной роли русского народа.

На примере освещения темы Ливонской войне видно, как в научной парадигме 1940-х гг. закреплялась идея о гармоничном включении нерусских народов в систему централизованной государственности. Неудачный исход Ливонской войны не имеет в этом смысле принципиального значения: описания боевых действий служили историкам поводом обратиться к вопросу о качественной разнице двух государственных моделей – русской и западной.

Теория централизованного государства в аспекте национальной проблематики выказывала диалектичность. С одной стороны, ею насаждалась идея о русском народе как движущей силе истории. С другой стороны, проводилась мысль об интернациональном векторе государственной политики, который был предопределён объективными потребностями развития русского народа. В духе марксистского учения данные соображения претворялись в идею о созидательной цивилизующей роли великороссов по отношению к народам нерусским, пришедшим или приведенным под власть русского государя. В ряде случаев подчинение московскому царю подносилось как единственное спасение от хищнических посягательств со стороны агрессивных соседей, угрожавших этнической и культурной самобытности малых народов.

На 1940-е гг. пришёл поворот в методике освещения исторических судеб народов СССР. Ещё в начале 1930-х годов историки, обращавшиеся к вопросам развития русской народности в XV–XVI вв. нередко подвергались обвинениям в «зоологическом национализме» и шовинизме в связи с попытками якобы подменить историю СССР историей Великороссии⁸⁴¹. Сравнительно скоро положение дел изменилось. Трактовка национального вопроса в контексте проблематики

---

⁸⁴¹ Пионтковский С.А. Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. 1930. Т. 17. С. 22-23.

централизованного государства, оказалась подчинена задачам патриотического воспитания. Нападки по поводу буржуазного шовинизма уступили место официально поощрявшейся национально ориентированной риторике⁸⁴².

Формирование представлений о России XV–XVI вв. как многонациональном государстве происходило в связи с насаждением идей советского патриотизма, обретших особую актуальность накануне и в годы Великой отечественной войны. Ключевым звеном в части соответствующих идейно-теоретических построений выступал вопрос о взаимосвязях русского (великорусского) и нерусских народов. С точки зрения интересов образовательной и воспитательной политики советского государства, было принципиально важно предложить обществу ясную модель объяснения форм и характера исторического сосуществования множества этнокультурных групп в рамках единого государственного организма.

Интересно проследить, как происходило отражение комплекса представлений о патриотизме в главном энциклопедическом издании СССР. Сличение 1-й и 2-й (послевоенной) редакций БСЭ показывает возросшее внимание к вопросам патриотического воспитания со стороны партийно-государственных и научных кругов. В 1-м издании (1939) специальная статья о патриотизме отсутствовала⁸⁴³, тогда как в 32-й том второго издания (1955) она уже была включена. Авторы разъясняли различия буржуазного национализма и патриотизма народных масс, подчёркивали особое значение патриотизма в период консолидации общества и образования национального государства⁸⁴⁴. Более того, 2-е издание содержало статью о советском патриотизме как особом патриотизме «нового, высшего типа»⁸⁴⁵. Данная идеологема, впрочем, обрела полновесный академический статус ещё ранее,

---

⁸⁴² Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. № 3. 1994. С.157-158.

⁸⁴³ Том 44-й 1-го издания БСЭ был подписан к печати 20 августа 1939 года. В нём после статьи «Патриархат» расположена статья «Пауки».

⁸⁴⁴ БСЭ. Т. 32. 2-е изд. М., 1955. С. 236.

⁸⁴⁵ БСЭ. Т. 39. 2-е изд. М., 1956. С. 236.

будучи упомянутой в статье «Родина» 1-го издания БСЭ⁸⁴⁶. Теперь же она получила основательную проработку и самостоятельное определение.

Ещё одной новацией в этом ряду стало появление во 2-м издании БСЭ (1955) отдельной статьи «Отечество»⁸⁴⁷. Последняя служила отсылкой к статьям «Родина», «Патриотизм» и «Советский патриотизм». Однако само выделение данного термина на уровне структуры издания, на наш взгляд, показательно. А единственным понятием, содержание которого в обеих редакциях было подробно раскрыто в рамках специальной статьи, явилось понятие Родины⁸⁴⁸.

Таким образом, в академическом дискурсе был закреплён комплекс положений о нравственном, эмоциональном и интеллектуальном отношении советского человека к родной стране. Примечательно, что в рассмотренных выше публикациях особо подчёркивалось влияние русского фактора на становление патриотического сознания советского человека⁸⁴⁹.

В зачаточном виде представления о содержательном переплетении национального и интернационального начал встречаются в политической публицистике первой половины 1930-х гг. К примеру, А.И. Угаров на страницах журнала «Большевик» размышлял о сути социалистической родины, которая вырастает из преодоления революционным пролетариатом своей национальной ограниченности. И хотя автор настойчиво постулировал тезис об отмирании национального государства и переходе к «отечеству всех трудящихся народных масс», он не сумел принципиально уйти от самой идеи нации как исторического

---

⁸⁴⁶ Вышинский П. Родина // БСЭ. Т. 49. М., 1941. Стб. 49-58.

⁸⁴⁷ БСЭ. Т. 31. 2-е изд. М., 1955. С. 392.

⁸⁴⁸ В томе первого издания соответствующая статья кратко больше по объёму соответствующей статьи во втором издании. Это в значительной мере обусловлено тем, что статья первого издания включает в себя ряд положений, которые при подготовке второго издания БСЭ были раскрыты в отдельных тематических статьях.

⁸⁴⁹ Так, например, в статье «Родина» 1-го издания: «Советский патриотизм имеет свои исторические традиции и преемственность с героическим прошлым народов СССР, в частности с культурой и историей русского народа». (БСЭ. Т. 41. М., 1941. С. 50.)

феномена – со своими пределами и внутренней спецификой. Более того, говоря об укреплении политической базы социализма, он уточнял, что происходит это «в обстановке могучего развития национальной по форме и социалистической по своему содержанию культуры всех народов СССР»⁸⁵⁰, и пролетарская культура «не отменяет национальной культуры, а даёт ей содержание», как и национальная культура, не отменяя пролетарскую, сообщает ей форму⁸⁵¹.

Чуть ранее философ М.Д. Каммари изящно заметил, что противоречие между национальным элементом и принципом рабочего интернационализма большевики диалектически разрешают, подчиняя вопрос о праве на самоопределение вопросу об усилении диктатуры пролетариата, «борясь как против “голового отрицания” права на самоопределение, так и против оппортунистических попыток превращения его в самостоятельный вопрос, не подчиненный вопросу о диктатуре пролетариата»⁸⁵². К данному идейно-теоретическому конструкту вскоре присоединилась концепция об особой роли русского народа в истории единого многонационального государства, что и определило в итоге своеобразие научных трактовок последнего.

Советской моноконцепция отечественной истории проецировала идеи государственного интернационализма в прошлое, обеспечивая логическую преемственность в ходе эволюции представлений о межнациональном характере русского, а затем и советского государства. Такова была общая для советской науки теоретическая установка. Со второй половины 1940-х гг. главным смысловым звеном в этой системе представлений стала категория «советский патриотизм». Особенностью понятия являлось принципиальное преобладание в его структуре русского идейного компонента.

---

⁸⁵⁰ Угаров А. О социалистической родине // Большевик. 1934. № 19-20. С. 64

⁸⁵¹ Там же. С. 65.

⁸⁵² Каммари М. Разработка т. Сталиным национального вопроса и материалистическая диалектика // Под знаменем марксизма. 1932. № 3-4. С. 90.

В 1948 г. философ А.И. Соболев на публичной лекции в Москве заявил: «Советский патриотизм сложился в ходе исторической борьбы народов нашей страны за победу Великой Октябрьской социалистической революции»⁸⁵³. По мысли докладчика, «на протяжении всей своей многовековой истории русский народ неоднократно являл миру образцы подлинного, глубокого патриотизма»⁸⁵⁴. Данный посыл позднее получил развитие в популярной книге А.М. Панкратовой «Великий русский народ»⁸⁵⁵.

Трактовка советского патриотизма задавалась непосредственно И.В. Сталиным. В знаменитой речи на приёме в Кремле 24 мая 1945 г. он объявил русский народ «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», а также «руководящим народом»⁸⁵⁶. Отсылка к сталинской формулировке угадывается в названии публичной лекции А.М. Панкратовой «Великий русский народ – выдающаяся нация и руководящая сила Советского союза», прочитанной в 1947 г.⁸⁵⁷ По мнению современного исследователя Г.В. Костырченко, победный 1945-й год стал годом «апофеоза сталинской национально-государственной доктрины, апеллировавшей к традициям русского патриотизма»⁸⁵⁸.

На встрече с руководством Союза советских писателей в мае 1947 г., И.В. Сталин произнёс фразу, предвосхищавшую в некоем роде идейно-воспитательную политику будущих лет: «есть такая тема, которая очень важна <...> Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию,

---

⁸⁵³ Соболев А.И. О советском патриотизме. М., 1948. С 3.

⁸⁵⁴ Там же. С. 10.

⁸⁵⁵ Панкратова А.М. Великий русский народ. М., 1952. С. 7-15.

⁸⁵⁶ Выступление товарища И.В. Сталина на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии // И. Сталин о Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 196.

⁸⁵⁷ Панкратова А.М. Великий русский народ – выдающаяся нация и руководящая сила Советского союза. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 10 января 1947 г. в конференц-зале Министерства высшего образования СССР. М., 1947.

⁸⁵⁸ Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009. С. 116.

научную интеллигенцию, профессоров, врачей <...> у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма»⁸⁵⁹. Идеиное ядро системы советского патриотизма, помимо теоретических положений марксизма-ленинизма, составляли также представления о ведущей роли русского народа и русской культуры в деле строительства многонационального государства. С конца 1930-х гг. получила хождение концепция русского народа как старшего брата. Впервые тезис о старшинстве в единой семье народов СССР был сформулирован в газетной статье А.Е. Садовского (1937)⁸⁶⁰, а после развит в статье Б.М. Волина «Великий русский народ» (1938). В ней говорилось: «растут и крепнут дружба и любовь всех народов СССР к первому среди равных, к ведущему среди передовых – к великорусскому народу, к его пролетариату, к его замечательной культуре и прекрасному языку»⁸⁶¹. В тексте содержался ретроспективный упрощённо-схематический обзор военно-политического противостояния русского народа могучим противникам: от Чингисхана до интервентов Антанты; перечислены выдающиеся деятели науки, искусств, общественной мысли – вплоть до Ленина и Сталина, «высшего проявления народного гения»⁸⁶². Ключевая мысль автора была такая, что «много веков русский народ плечом к плечу с другими народами творил историю России»⁸⁶³, всегда выступая ведущей силой в борьбе за национальную самобытность и самоопределения всех прочих народов страны. По мнению Б.М. Волина, именно с этой идеей прочно связывался советский патриотизм.

Возросшее внимание к великорусскому началу в централизованном государстве отразилось в структуре и содержании 2-го, послевоенного, издания БСЭ. В 37-м томе (1955) русская (великорусская) народность определялась как носитель

---

⁸⁵⁹ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1988. С. 129.

⁸⁶⁰ Вдовин А.И. Русские в XX веке. М., 2004. С. 103.

⁸⁶¹ Волин В.Б. Великий русский народ // Исторический журнал. 1938. № 5.

⁸⁶² Там же. С. 14.

⁸⁶³ Там же. С. 16.

наиболее совершенных форм хозяйственного, культурного и политического устройства изо всех народов Восточной Европы и в этой связи единственная могла «взять на себя инициативу в объединении многих нерусских народностей в одно многонациональное государство, способное сдержать напор иноземных захватчиков»⁸⁶⁴.

Примечательно, что 1-е издание БСЭ ещё повторяло тезис М.Н. Покровского о России как тюрьме народов. В статье «Россия» (Л.Н. Бычков) становление многонационального государства было представлено как «процесс превращения царской России в «тюрьму народов»⁸⁶⁵. В характеристике межнациональных отношений упор делался на бесправие и угнетение, которым подвергались нерусские народы при царизме, подчёркивались культивирование «великодержавного русского шовинизма» и насильственная русификация. Параллельно в другой статье тот же автор выказывал подчёркнутую лояльность самому русскому народу: в духе всеобщей принятой риторики тот определяется как выступающий первым среди равных в «великой семье народов многонационального Союза ССР»⁸⁶⁶.

Иным пафосом проникнута появившаяся во 2-м издании БСЭ статья «Русское централизованное государство». В ней были заметно сглажены формулировки по части национального вопроса. Автор указывал, что в состав русского государства «вошло несколько народностей (национальностей), ещё не развившихся в нации. Руководящей силой в Русском централизованном государстве явились великороссы, достигшие наиболее высокой ступени социально-экономического и культурного развития»⁸⁶⁷. Под воздействием господствовавших идеологов, эта мысль прочно вошла в систему исторических представлений, став доминантой в теории централизованного государства.

---

⁸⁶⁴ Российская советская федеративная социалистическая республика // БСЭ. Изд. 2-е. Т. 37. М., 1955. С. 45.

⁸⁶⁵ Бычков Л. Россия // БСЭ. Т. 49. М., 1941. С. 442.

⁸⁶⁶ Бычков Л. Русские // БСЭ. Т. 49. М., 1941. С. 707.

⁸⁶⁷ Русское централизованное государство // БСЭ. Изд. 2-е. Т. 37. М., 1955. С. 456.

Идейные положения об исторической роли русского народа получили развитие в ряде трудов, посвящённых присоединению малых народов Евразии к русскому централизованному государству. Г.А. Кокиев писал о положительном влиянии русского подданства на Кабарду⁸⁶⁸. В 1950 г. вышел в свет сборник статей «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа»⁸⁶⁹. Тогда же М.Н. Тихомиров на страницах журнала «Советская этнография» выступил со статьёй, в которой обосновывал тезис о добровольном присоединении Чувашии к России⁸⁷⁰. Это событие исследователь оценивал как прогрессивное, поскольку «в качестве одного из народов, подчинённых Казанскому ханству, чувашаи не имели путей для своего развития. Этот путь развития лежал перед ними только в союзе с русским народом»⁸⁷¹. Таким образом, автор воспроизвёл теоретическую модель, опиравшуюся на две коренные максимы: о русском народе как старшем брате и о союзе русского и нерусских народов как залого национального сохранения последних.

Вопрос о положительном значении присоединения народов Поволжья к России поднимался саратовским историком Г.Д. Бурдеем⁸⁷². Самарский историк К.Я. Наякшин на страницах «Вопросов истории» (1951) выступил со статьёй о присоединении к России Среднего Поволжья. В духе советского патриотизма и сталинского понимания национального вопроса он указывал, что присоединение к России татар, чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы «носило глубоко

---

⁸⁶⁸ Кокиев Г. Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 51.

⁸⁶⁹ Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа / Под ред. А.И. Новгородова. Якутск, 1950.

⁸⁷⁰ Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950. № 3. С. 104.

⁸⁷¹ Там же. С. 106.

⁸⁷² Бурдей Г.Д. Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье в XVI в. // Преподавание истории в школе. 1954. №5. 27-36.

прогрессивный характер»⁸⁷³. В суждениях о выгоде государственного сосуществования русского и тюркских народов автор проявил даже некоторый прозелитизм. Размышления заканчиваются пафосным выводом, о том, что после присоединения к России народы Поволжья «вместе с русским народом боролись против врагов трудящихся – царизма, помещиков и буржуазии – и под руководством пролетариата Росси во главе с партией Ленина – Сталина одержали всемирно-историческую победу»⁸⁷⁴.

Тот же посыл содержится в монографии А.Н. Усманова «Присоединение Башкирии к Московскому государству». По мысли автора, стремление башкир присоединиться к державе Ивана Грозного проявилось еще в 1550-е гг. и получило удовлетворение в исходе XVI в., когда «началось общение и неразрывная связь башкирского народа с великим русским народом как старшим братом»⁸⁷⁵. Схожим образом в монографии А.В. Эмаусского показан переход в московское подданство Вятской земли. В книге читаем: «Трудящиеся массы и средние классы Вятской земли приветствовали эти меры Ивана III (*уничтожение местного самоуправления и распространение в крае общерусского административного устройства – Н.Т.*), т.к. были сторонниками создания русского централизованного государства и противниками угнетавших их вятских бояр и житных людей»⁸⁷⁶. В схожем ракурсе В.Я. Евсеев преподносил отношения русских с карелами. Описывая военные действия Ивана IV против шведов под Выборгом, он рассуждал о поражении неприятеля «отчасти из-за помощи, которую из патриотических побуждений местное карельское население оказывало русским»⁸⁷⁷. В данном примере легко

---

⁸⁷³Найкшин К. К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России (письмо в редакцию) // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 110.

⁸⁷⁴ Там же. С. 111.

⁸⁷⁵ Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949. С. 98.

⁸⁷⁶ Эмаусский А.В. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949. С. 39.

⁸⁷⁷ Евсеев В.Я. Дружба карел и русских в отражении карело-финских рун // Советская этнография. 1949. № 2. С. 30.

узнаётся модель, использованная историками при описании поведения народов Прибалтики в ходе Ливонского похода Ивана IV. Как и в других публикациях, заметно влияние идеи об исторической выгоде, извлекаемой малыми народами из дружественного общения с «великим русским народом»⁸⁷⁸.

Л.В. Черепнин в обзорном докладе об этапах развития феодальных отношений в России, не преминул указать, что вхождение в состав русского централизованного государства нерусских народностей Поволжья, Приуралья и Сибири, а также малых народов севера имело для них неоспоримо прогрессивное значение. По мнению докладчика, «в Русском государстве они получили защиту от внешней опасности и возможности более быстрого развития в условиях тесного взаимодействия с более высокой материальной и духовной культурой русского народа»⁸⁷⁹.

Любопытную мысль высказал Х.Г. Гимади в статье о взаимоотношениях России с казанскими татарами (1951). По мнению автора, «татарские народные массы» всегда «выступали за мирные отношения со своими соседями, в том числе и с русскими»⁸⁸⁰. Ещё до решающего похода Ивана IV многие татары с волжского правобережья присоединились к русскому царю. «А сколько было их ко времени взятия Казани Иваном IV в 1552 году!» – подытоживал автор⁸⁸¹. Данные рассуждения стоят в стороне от вопроса о прогрессивном значении вхождения татар в русское подданство, но прекрасно ложатся в канву идейных построений об извечной дружбе народов.

В логике исторической реабилитации русского народа отечественная наука подошла к проблеме строгого теоретического разделения государства как орудия классового угнетения и народных масс как подлинного творца истории. Для создания теории русского централизованного государства такая работа имела

---

⁸⁷⁸ Там же. С. 28.

⁸⁷⁹ Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодализма в России. М., 1955. С. 25.

⁸⁸⁰ Гимади Х. О некоторых вопросах истории Татарии // Вопросы истории. 1951. № 12. С. 126.

⁸⁸¹ Там же.

большое значение, поскольку позволяла чётко расставить смысловые акценты, укрепить идейную преемственность русского царства и российской советской республики. В 1951 г. М.В. Нечкина поставила в печати вопрос о содержательном пересмотре ходовой формулы «меньшее зло», которую на протяжении десятка лет использовала советская историография, давая оценку событиям вхождения нерусских народов в состав русского государства. В письме в редакцию «Вопросов истории», учёный указала на необходимость отделить вопрос о политическом угнетении народов со стороны царизма от вопроса о сосуществовании самих народов. По мнению автора, их совместную борьбу против царизма следовало рассматривать как основу, на которой «слагалась дружба наших народов в её начальной форме»⁸⁸².

Почин М.В. Нечкиной был подхвачен коллегами. М.М. Мустафаев поддержал актуализацию поднятого вопроса, от правильного разрешения которого, по его мнению, «во многом зависит создание правдивой истории братских народов СССР как истории дружбы с великим русским народом»⁸⁸³. А.Ф. Якунин подчеркнул, что «вопрос об оценке значения присоединения к России многочисленных народностей до сих пор является актуальным и острым»⁸⁸⁴. Он, впрочем, отметил, что механическое распространение подхода М.В. Нечкиной на все случаи нежелательно: «Историк обязан подходить к оценке факта присоединения к России с точки зрения исторических судеб народа, страна которого вошла в состав России»⁸⁸⁵.

Таким образом, к началу 1950-х гг. вопрос о соотношении русского народа с политической надстройкой XV–XVI вв. получил окончательное решение. Произошедшее смысловое отделение народных масс от структур феодального государства стало закономерным завершением пересмотра постулатов школы

---

⁸⁸² Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 44-46.

⁸⁸³ Мустафаев М. О формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 97.

⁸⁸⁴ Якунин А. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопросы истории. 1951. № 11. С. 83.

⁸⁸⁵ Там же. С. 85.

М.Н. Покровского. Несмотря на их официальное ниспровержение в исходе 1930-х гг., они частично сохранили своё влияние на теоретическое ядро формировавшейся теории централизованного государства. Поначалу обособление народа от государства велось путём смягчения формулировок и усиления положений о дружбе народов. Инициатива М.В. Нечкиной артикулировала потребность разрешить проблему на методологическом уровне. Высказанные тезисы и ответы на них закрепили содержательные подвижки, которые наметились ранее в научных работах 2-й половины 1940-х гг.

Сделаем выводы. В рамках марксистской парадигмы исследования процесса централизации одним из наиболее заметных изменений надстроечного порядка историки признавали формирование русской (великорусской) народности. Понятие «национальное» применительно к русскому государству связывалось с разворачиванием творческих сил русского народа в результате успешного преодоления феодальной раздробленности. В то же время централизованное государство постулировалось как многонациональное. В историографии рассматриваемого периода понятия «народность», «народ» и «нация» употребляются нередко как равнозначные. Строгого смыслового разграничения в период 1930-х – начала 1950-х гг. они не получили, потому их использование разными авторами зачастую носит, как представляется, интуитивный характер. Как яркий пример можно привести формулировку статьи А.М. Панкратовой и А.В. Фохт от 1940 г.: «в конкретных исторических условиях XV–XVI *национальная* независимость русского народа не могла быть достигнута без закрепощения подавляющей массы населения» (*курсив наш – Н.Т.*)⁸⁸⁶. Утверждение о национальном сознании широких народных масс в качестве литературного клише широко использовалось учёными и

---

⁸⁸⁶ Панкратова А., Фохт А. Об учебниках истории СССР для средней школы // Вопросы истории. 1940. № 11. С. 118-119.

публицистами. Имевшиеся попытки нормативно закрепить смысловое разделение названных понятий не привели к упорядочению дискурса.

Вопрос о становлении русской (великорусской) народности выступает в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. как структурно и содержательно значимый компонент создания теории централизованного государства. Его складывание рассматривалось в научных трудах в привязке к вопросу о его многонациональном характере. Сам термин выглядит несколько искусственным в свете признания исследователями того, что народы России, включая великороссов, в XVI в. не вошли ещё на ступень собственно национального состояния (о чём утверждалось в ставшем хрестоматийном докладе И.В. Сталина на X партийном съезде). Потому в концепте многонациональности следует видеть известную условность, порождённую задачами идейно-патриотического воспитания советских граждан и проецирующую в прошлое образ полиэтнического конструкта XX в.

К исходу 1940-х г. академическое сообщество выказывало единомыслие относительно того, как следует понимать содержательную взаимосвязь категорий «русское» и «многонациональное» применительно к истории централизованного государства. В согласии с учением И.В. Сталина, русское централизованное государство с самого начала являлось и русским, и многонациональным⁸⁸⁷. Первое качество (национальное) определялось тем, что именно великороссы выступили носителем объединительного начала. Второе качество (интернациональное) было обусловлено присутствием многих иных народностей на землях, вовлечённых в процессы колонизации и эксплуатации.

Заметной чертой дискурса о многонациональном государстве явилось настойчивое подчёркивание особой роли русского народа, как в деле государственного строительства, так и в развитии прочих народов. Эту сторону

---

⁸⁸⁷ Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1951. № 3. С. 57.

теории централизованного государства отличает диалектичность, связанная с теоретическим размежеванием феодального государства как воплощения угнетательского начала и великорусской народности как подлинного создателя цивилизационных основ, на которых веками крепла дружба народов. В условиях подъёма идей о ведущей роли великороссов в истории русского многонационального государства перед историками возникла задача логически разделить феодальную государственную систему и народ как особых действующих субъектов. Данная задача была успешно решена.

Обращение историков к вопросу о положительном взаимодействии русского и иных народов в составе единого государства стало закономерным продолжением коренных изменений в национальной политике СССР, произошедших в 1930-гг. В послевоенное время особую актуальность обрели задачи теоретического подкрепления сталинских тезисов о главенствующей роли русского народа в единой семье советских национальностей. Историками были усвоены официальные идеологемы о дружбе народов СССР, первенстве русского народа и советском патриотизме. Они определили концептуальную рамку в освещении вопроса о присоединении к русскому государству народов Севера, Поволжья, Сибири и др. Идейным фоном работы историков явилась «рускоцентристская пропаганда», которая «играла исключительно важную роль во всей массовой культуре после войны, превосходя по своей значимости всё, кроме культа личности вождя»⁸⁸⁸. Таким образом, в советской историографии прочно утвердилась концептуальная схема, чётко выделяющая национальное начало внутри интернационального конструкта.

---

⁸⁸⁸ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб., 2009. С. 280.

§4. Роль личности в теории создания централизованного государства

В параграфе исследуются подходы советских историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. к решению вопроса о роли личности в создании русского централизованного государства. Задачи параграфа: проследить развитие представлений о роли субъективного фактора в научных трудах указанного периода; проанализировать подходы к оценке деятельности правителей русского государства в XV–XVI вв.; выявить обстоятельства, влиявшие на выводы историков.

Построение советской моноконцепции отечественной истории поставило перед учёными традиционный для историографии вопрос о роли личности в историческом процессе. Ответить на него требовалось в контексте марксистско-ленинского учения. Большое значение личностному началу придавала дореволюционная историография. Положение дел после революции существенно изменилось. Советская историческая наука в первое послереволюционное десятилетие выказывала неприятие субъективного фактора как элемента научных построений. Соответствующие положения в сочинениях «буржуазных» историков подвергались разгромной критике, равно как труды исследователей, теоретически близких старым школам. Одним из наглядных примеров служат яростные нападки историков-марксистов на работы С.Ф. Платонова. Насмешливая характеристика, данная Н.И. Поповым в учёных прениях 1931 г., гласила: «русский исторический процесс по Платонову – это блестящая галерея сильных, грозных, тишайших, властных и величественных персонажей дома Романовых»⁸⁸⁹. Сам историк объявлялся «холуйствующим верноподданническим слугой дома Романовых»⁸⁹⁰.

---

⁸⁸⁹ Н. Попов // Классовый враг на историческом фронте. М. ; Л., 1931. С. 120.

⁸⁹⁰ Там же.

Господствовавшая в 1920-х гг. концепция М.Н. Покровского строилась на воинственном отрицании значимости личностного начала для исторического процесса. После смерти историка в исторической науке некоторое время поддерживались отдельные его идеи. Главенствующее место в объяснении социально-политических процессов отводилось росту производительных сил и классовой борьбе как двигателям общественного развития. Однако уже вскоре наметились предпосылки к пересмотру некоторых концептуальных решений о соотношении классового и личностного начал в историческом процессе. После окончательного ниспровержения концепции М.Н. Покровского во 2-й половине 1930-х гг. перед историками стал вопрос о выработке нового подхода к оценке роли личности в истории.

Идейно-теоретическое наступление на школу М.Н. Покровского в исходе 1930-х гг. проявилось, кроме прочего, в критике его воззрений на место личности в историческом процессе. К.С. Базилевич отмечал, что «изучение общих факторов исторического процесса не должно закрывать от нас отдельную историческую личность как жизненную фигуру»⁸⁹¹. С.В. Юшков заострил внимание на том, что «Покровский отрицает за московскими князьями организаторские способности, отрицает за ними качества государей и политиков. А отсюда он считает излишним анализировать деятельность московских князей. “Оставим, – говорит он, – старым официальным учебникам подвиги “собирателей” и не будем вдаваться в обсуждение вопроса, были ли они политически бездарные или политически талантливые”»⁸⁹². По замечанию А.В. Фохт, «Покровский целиком игнорировал роль исторических деятелей. Он требовал показа народной массы без её вождей»⁸⁹³. «Неверный

---

⁸⁹¹ Базилевич К.С. «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. М., Л., 1939. С. 154.

⁸⁹² Юшков С.В. М.Н. Покровский о раннем периоде русского феодализма // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1940. С. 53.

⁸⁹³ Фохт А.В. М.Н. Покровский и преподавание истории // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М., Л., 1940. С. 505.

методологический подход к роли личности в истории, – по мнению А.В. Фохт, – приводил Покровского к ошибкам при характеристике исторических деятелей»⁸⁹⁴. И.У. Будовниц осудил пренебрежительное отношение М.Н. Покровского к субъективному началу в истории⁸⁹⁵. Он указал на непоследовательность того в суждениях об Иване Грозном: «то истеричный самодур <...> то умный публицист, то прогрессивный деятель»⁸⁹⁶. Отсутствие в концепции оппонента стройного многомерного представления о личности русского царя сказывалась, по мнению И.У. Будовница, на качестве понимания в целом общественно-политических процессов на Руси XVI в. С.И. Ковалёв в статье для 1-го издания БСЭ (1940) раскритиковал воззрения М.Н. Покровского на субъективное начало в истории. В статье, посвящённой учёному, он отмечал: «Экономический материализм, принятый Покровским вместо марксистского исторического материализма, привёл к тому, что в его работах политика изображается пассивно следующей за экономикой, отрицается обратное влияние идей на человеческое бытие, игнорируется субъективный фактор в истории, отрицается активная роль государства и творческая роль личности в истории»⁸⁹⁷.

Как видим, проблема определения статуса личности в событиях прошлого была тесно сплетена с дискуссиями вокруг исторической концепции М.Н. Покровского, с её критикой на протяжении 1930-х гг.

Заметное влияние на выводы историков о роли личности в истории оказали теоретические посылы И.В. Сталина. Советский руководитель изложил своё видение вопроса в рассуждениях о марксистском подходе к пониманию исторического значения социально-политической надстройки. Её активная роль в прогрессивном изменении общественного строя была подчёркнута в «Кратком курсе» истории

---

⁸⁹⁴ Там же.

⁸⁹⁵ Будовниц И.У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Исторические записки. Т. 2. М., 1947. С. 316.

⁸⁹⁶ Там же. С. 318.

⁸⁹⁷ БСЭ. Т. 45. М., 1940. Стб. 861.

ВКП(б). В книге утверждалось: «Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи. Но после того, как они возникли, они становятся серьёзнейшей силой, облегчающей разрешение новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, облегчающей продвижение общества вперёд. Здесь именно и сказывается величайшее организующее, мобилизующее и преобразующее значение новых людей, новых теорий, новых политических взглядов, новых политических учреждений»⁸⁹⁸.

Таким образом, реабилитация представлений о значимости личностного начала в истории происходила, как ни парадоксально, через обращение к положениям диалектического материализма, который совсем недавно активно использовался для изгнания субъективного фактора из исторической науки. Надстроечная составляющая (как совокупность классовых интересов и основанной на них идеологии) утверждалась в качестве деятельного начала, непосредственно влияющего на изменения в материальном базисе. На этой основе историки-марксисты в конце 1930-х – начале 1950-х гг. стремились отыскать равновесное состояние в столкновении двух изначально полярных воззрений. Наука указанного периода усиленно пыталась установить верное соотношение между субъективным началом и объективными обезличенными закономерностями в их совместном влиянии на исторический процесс.

Вопрос о личности в истории был косвенно затронут и в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г.⁸⁹⁹ (о недостатках преподавания истории в школах). Документ подчёркивал, что вместо подачи материала «в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их

---

⁸⁹⁸ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 111.

⁸⁹⁹ Постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920 – 1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: сборник документов и материалов. Ч. 1. 1920-1930-е годы / сост. М.В. Зеленев. СПб., 2006. С. 189.

хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей, учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций»⁹⁰⁰. Таким образом, идея об активной роли личности постепенно встраивалась в систему научных представлений. Это означало, что разработка вопроса о становлении централизованного государства также не может идти мимо данного фактора. В дальнейшем субъективное начало было только включено в теорию централизованного государства, но и заняло в ней одно из определяющих мест.

Установки Постановления от 1934 г. были воплощены в первых стабильных учебниках по истории СССР. В учебнике А.В. Шестакова (1937) особое внимание было уделено правителям Московского великого княжества, руководивших процессом объединения русских земель. В докладе на сессии Института Истории в конце 1937 г. А.В. Шестаков заявил: «Эта политика <...> собирателей России – Ивана Калиты, вплоть до Ивана 3-го, она настолько ясно отражена в учебнике, что там имеется рассказ о Дмитрие Донском <...> Там есть рассказ о всей той политике, которая проводилась собирателями по отношению к укреплению своего национального государства и созданию отпора поработителям»⁹⁰¹.

Как видно, в понимании создателей учебника для начальной школы процесс централизации не отделялся от деятельности выдающихся личностей, прежде всего – правителей, представителей рода московских князей. Особо были выделены фигуры Ивана III и Ивана IV, их имена были отражены в названиях тематических разделов: «Расширение Московского государства при Иване III и конец татаро-монгольского ига»⁹⁰², «Иван IV и разгром поволжских татар», «Расправа с боярами и войны Ивана

---

⁹⁰⁰ К изучению истории. Сборник. М., 1937. С. 18.

⁹⁰¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 162. Л. 8.

⁹⁰² Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 220.

IV»⁹⁰³. Таким образом, периодизация в учебнике оказалась напрямую связана с образами конкретных исторических деятелей. Персонализация исторического процесса воплощалась авторами в структурной организации материала.

Тот же подход наблюдается в учебнике А.М. Панкратовой для средней школы. Его главы получили характерные названия: «Княжение Ивана III и Василия III» и «Царствование Ивана IV»⁹⁰⁴. Примечательно, что за освещение деятельности русских правителей авторы удостоились похвалы со стороны коллег-историков. Январская статья в журнале «Большевик» за 1941 г. отметила то внимание, которое авторский коллектив уделил «выдающимся людям» – Ивану Калите и Ивану III. Больше того, рецензенты сочли необходимым усилить проработку личности Ивана Грозного, а именно – «более подробно осветить его прогрессивную роль в создании централизованного русского государства»⁹⁰⁵. В поздней редакции учебника данное пожелание было учтено: личности Ивана IV был посвящён отдельный раздел внутри параграфа. Он был наполнен лестными характеристиками, а царская опричнина была представлена как имевшая «прогрессивное значение в истории нашей страны»⁹⁰⁶.

Те же тенденции к освещению исторического процесса отразились в учебной литературе для вузов. Так, учебник для исторических факультетов содержал главы: «Образование Русского государства при Иване III» и «Усиление Русского государства при Василии III (1505–1533 гг.)»⁹⁰⁷. В этом отчётливо прослеживается преемственность школьным учебникам. Как отмечалось ранее, такое положение вполне закономерно, учитывая влияние школы С.В. Бахрушина в деле подготовки учебных материалов во 2-й половине 1930-х гг. Исключением явился учебник для

---

⁹⁰³ Там же. С. 221.

⁹⁰⁴ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1940.

⁹⁰⁵ Лебедев В., Бушуев С., Генкина Э. Ценное пособие по истории СССР // Большевик. 1941. № 2. С. 88.

⁹⁰⁶ История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. М., 1953. С. 149-150.

⁹⁰⁷ История СССР. Т. 1. С древнейших времён до конца XVIII в. / Под ред. В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина. М., 1939. С. 786.

неисторических факультетов под редакцией В.И. Пичета, М.Н. Тихомирова и А.В. Шестакова (1941).⁹⁰⁸ В нём названия глав и параграфов не содержали упоминания правителей русского государства.

После некоторых исканий советская наука выработала взвешенную теоретическую позицию в решении вопроса о роли личности в истории. В 53 томе 1-го издания БСЭ (1946) была помещена статья о субъективном факторе в историческом процессе. Её автор М.М. Розенталь формулировал следующим образом: «Исходя из материалистического понимания истории, марксизм впервые научно установил действительную роль субъективного фактора в общественной жизни и выяснил истинное соотношение, существующее между деятельностью людей и объективными материальными условиями жизни общества»⁹⁰⁹. Примечательно, что издание пришлось на послевоенное время, когда в науке (а равно в искусстве и общественной мысли) уже прочно утвердилась идея о прогрессивной роли личности в общественном развитии. Ярким её воплощением стал подлинный культ царя Ивана IV. Новое издание БСЭ (1956) подтвердило значимость субъективных начал, представив её чёткое теоретическое обоснование в категориях диалектического материализма. Статья (без указания авторства) разъясняла, что марксистское понимание роли субъективного фактора направлялось против стихийности, фатализма, самотёка, субъективизма и волюнтаризма в понимании общественных процессов⁹¹⁰.

Согласно марксистско-ленинской парадигме, деятельность правителей надлежало оценивать исходя из её соответствия объективным принципам исторического развития, выражавшимся в поступательной смене общественно-экономических формаций. На деле ориентиром для оценки великих князей и царей в трудах историков зачастую становился момент соответствия их политики

---

⁹⁰⁸ История СССР. Т. 1. / Под ред. В.И. Пичета, М.Н. Тихомирова, А.В. Шестакова. М., 1941.

⁹⁰⁹ БСЭ. Т. 53. М., 1946. С. 93.

⁹¹⁰ БСЭ. 2-е изд. Т. 41. М., 1956. С. 188.

объективным интересам общества, нередко трактовавшимся в контексте национальных интересов. Правление московской династии от Ивана Калиты до Ивана IV показывалось исследователями как важная составляющая процесса поступательного прогрессивного развития русского общества, переходе его от феодальной раздробленности к централизации как более высокой ступени развития.

Итак, историки специально уделяли внимание личностям первых правителей русского централизованного государства. Анализ их оценок в литературе конца 1930-х – начала 1950-х гг. показывает неуклонное усиление идей о значимости субъективного начала в социально-политической жизни. Широкое освещение в печати (как научной, так массовой) получила деятельность Ивана III и Ивана IV, в то время как к фигуре Василия III историки не проявили пристального внимания. В литературе рассматриваемого периода он упоминался как продолжатель дела отца, Ивана III. Тем самым его влиянию на исторические события сообщалась идея некой вторичности: второй правитель объединённого русского государства терялся на фоне величественно возросших образов предшественника и последователя. А объём материала, посвящённого правлению Василия III в учебниках, несопоставим с тем, который включали разделы, повествовавшие о его отце и сыне. Ему не было посвящено специальных монографий. Пожалуй, единственной крупной публикацией, в которой специально выделялась роль Василия III в процессе устройства русского государства, является статья И.И. Смирнова в «Исторических записках» (1948)⁹¹¹. Потому для исследования вопроса об отражении роли личности в историографии рассматриваемого периода имеет смысл обратиться к примерам, прежде всего, Ивана III и Ивана IV. Этим особы, действительно, не были обделены вниманием историков. По замечанию Л.В. Черепнина, они – «наиболее выдающиеся

---

⁹¹¹ Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. 1948. № 27. С. 18-66.

люди своей эпохи, получившие признание современников»⁹¹². В таком ключе в целом формировалось отношение учёных к названным правителям.

Иван III привлекал исследователей как деятель, за которым укрепилась слава создателя централизованного государства. Учебник А.В. Шестакова (1937) прямо указывал: «Иван III добился того, что Московское государство стало при нём крепким и единым Русским национальным государством»⁹¹³. Учебник А.М. Панкратовой поддерживал эту мысль и сообщал, что государство сложилось именно «при Иване III»⁹¹⁴.

Следует отметить, что в учебниках, несмотря на имевшую место персонализацию этапов государственного строительства, оба первых правителя объединённой России характеризовались довольно сдержанно, без нарочитого подчёркивания их достоинств и недостатков. Их личности не проступают в чередо описываемых событий. Иначе дело обстояло в монографической, статейной и научно-популярной литературе.

Пышные похвалы Ивану III были даны В.В. Мавродиным в труде об образовании русского государства (1941)⁹¹⁵. Автор, не скупясь на определения, писал: «Немудрено, что позднее с именем Ивана связывалось представление о великих преобразованиях и огромных успехах Русского государства, за что он и был прозван “Великим”. Иван III сочетал в себе все качества, унаследованные от своих предшественников и ставшие фамильными в роде Калиты: хитрость и прозорливость, хладнокровие и расчетливость, медлительность и осторожность, упорство и стойкость. Настойчиво доводивший до конца все дела, Иван III отступал

---

⁹¹² Ф. 1791. Оп. 1. Д. 132. Л. 19.

⁹¹³ Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937.

⁹¹⁴ История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1941. С. 115.

⁹¹⁵ Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Изд. 2-е. М., 1941.

перед опасностью только для того, чтобы продумать обстановку, выждать момент и снова перейти в наступление»⁹¹⁶.

С.В. Бахрушин в рукописных заметках называл Ивана III «во многих отношениях замечательным государем»⁹¹⁷. В неопубликованной рукописи историк позволил себе даже сентиментальные отступления. Обращаясь к психологической стороне портрета своего героя, он пишет: «У него перед глазами всегда стояли картины его бурной молодости»⁹¹⁸. Доходит и до фантастических подробностей: «Уверяют, что женщины падали в обморок от одного его взгляда»⁹¹⁹.

Р.Ю. Виппер дал московскому правителю возвышенно-хвалебную характеристику. «Если на протяжении средневековой истории Русского государства, – отмечал он, – кто заслужил имени Великого, так это Иван III»⁹²⁰. В том же русле лежит оценка, данная К.В. Базилевицем. Историк писал: «Выдающийся результат деятельности Ивана III становится особенно ясным, если сравнить состояние страны в начале его великого княжения с тем положением Русского государства, которое он оставил после своей смерти»⁹²¹. В монографии, посвящённой внешней политике централизованного государства при Иване III (1952)⁹²² исследователь подчеркнул особую роль правителя в международных делах: «Сосредоточение власти в одних руках дало возможность Ивану III приступить в области внешней политики к разрешению важнейших исторических задач, определивших почетное место России в системе европейских держав»⁹²³. А.М. Панкратова в книге «Великий русский

---

⁹¹⁶ Там же. С. 139.

⁹¹⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 333. Л. 21. об.

⁹¹⁸ Там же.

⁹¹⁹ Там же. Л. 22.

⁹²⁰ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. Изд. 3-е. М.; Л., 1944. С. 25.

⁹²¹ Базилевиц К.В. Образование русского национального государства. Иван III. М., 1946. С. 50.

⁹²² Базилевиц К.В. Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952.

⁹²³ Там же. С. 18.

народ» продолжила традицию хвалебных определений: Иван III назван ею «выдающимся государственным деятелем»⁹²⁴

Таким образом, в трудах ведущих историков ранний период созидания централизованного государства не остался обезличенным. Признание объективных закономерностей общественного развития не стало основанием для исключения личностного начала из числа определяющих факторов исторического процесса. Личность Ивана III стала прочно ассоциироваться с образованием великорусской державы.

В 1942 г. вышла из печати научно-популярная книга В.Л. Снегирева об Иване III⁹²⁵. Это небольшое по объёму сочинение было направлено к прямому возвеличению создателя русского государства. Используя образцовую марксистскую риторику, автор подавал исторические события зачастую в романтическом духе. Изложение было щедро снабжено хвалебными характеристиками великого князя с нередким уходом в откровенный психологизм, сурово осуждавшийся на официальном уровне. Иван III описан В.Л. Снегирёвым не только как «выдающийся человек»⁹²⁶, но и «выдержанный, настойчивый»⁹²⁷ правитель, «великий дипломат»⁹²⁸. В стремлении создать благовидный образ прогрессивного правителя автор иной раз осовременивал мотивы деятельности Ивана III, приписывая ему, к примеру, прагматичное отношение к религии⁹²⁹.

В рецензии на книгу С.А. Покровский отметил, что выход такого издания «следует всячески приветствовать»⁹³⁰. По его мнению, автор «в общем удачно справился с задачей показать, как происходило образование централизованного

---

⁹²⁴ Панкратова А.М. Великий русский народ. М., 1952. С. 19.

⁹²⁵ Снегирев В.Л. Иван Третий и его время. Образование Русского национального государства. М., 1942.

⁹²⁶ Там же. С. 63.

⁹²⁷ Там же. С. 40.

⁹²⁸ Там же. С. 53.

⁹²⁹ Там же. С. 59.

⁹³⁰ Покровский С. Критика и библиография // Исторический журнал. 1943. № 3-4. С. 90.

государства»⁹³¹. Высокопарные характеристики личности Ивана III не встретили замечаний. Таким образом, благосклонное отношение рецензента косвенно свидетельствует об усилении в исторической науке идеалистических тенденций, проявившихся в склонности учёных к возвеличиванию правителей русского централизованного государства.

Образ создателя державы нашёл отражение также в художественной литературе. В 1946 г. вышла первая книга романа В.И. Язвицкого «Иван III. Государь всея Руси». Предисловие к ней написал К.В. Базилевич. Он похвалил труд сочинителя и отметил, что время Ивана III «всё ещё остаётся уделом немногих специалистов, занимающихся данной эпохой»⁹³². Годом позже в журнале «Знамя» была напечатана статья, содержащая резкую критику методов работы автора с историческим материалом. Вместе с тем отмечалось, что в романе «верно отражена борьба между прогрессивным и реакционным началом в складывающемся национальном государстве»⁹³³. Изложенные факты свидетельствуют, что к 1940-м гг. в отечественной печати, как научной, так и популярной, сложился устойчивый запрос на создание выразительного образа Ивана III как выдающегося государственного деятеля, создателя русского государства. При этом требования ортодоксального марксизма-ленинизма о недопустимости превозношения личности отступали на второй план, заглушаясь фразеологией о диалектическом соотношении субъективного и объективного начал в истории.

Ещё большего внимания со стороны историков и литераторов был удостоен другой крупный деятель периода централизации государства – Иван IV. События его правления традиционно служили источником дискуссий среди историков как до, так и после 1917 г. Интерес к фигуре первого русского царя не случаен: вне связи с

---

⁹³¹ Там же. С. 91.

⁹³² Язвицкий В.И. Иван III. Государь всея Руси. Исторический роман в четырёх книгах. Книга 1. М., 1946. С. 5.

⁹³³ Александрова Ф. В. Язвицкий. «Иван III, государь всея Руси» // Знамя. 1947. № 9. С. 177.

вопросом об оценке его личности и деятельности невозможно выстроить законченную теорию централизованного государства. В период с конца 1930-х по начало 1950-е гг. было опубликовано немало статей и монографий, посвящённых Ивану Грозному и его времени.

Первым предметом критики дореволюционной историографии об Иване IV со стороны советских историков стал психологизм в оценках личности царя, широко распространённый в работах исследователей XIX в. Доставалось «буржуазным» историкам за увлечённость вульгарным субъективизмом, мешавшим обнаружить объективные закономерности за частными деяниями русского царя. В отдельных вопросах марксистская наука обнаруживала преемственность идеям предшественников, отдавая должное С.М.Соловьёву, В.О.Ключевскому, С.Ф.Платонову как поборникам скептического отношения к попыткам сводить «к психологическому моменту громадный сдвиг в жизни Русского государства»⁹³⁴. Но в целом, осторожное восприятие идей дореволюционной историографии происходило при остро критическом отношении к ним, особенно в первое послереволюционное десятилетие. Первейшую задачу историки-марксисты видели в утверждении передовой роли марксистской методологии. Потому любые концепции, не соответствовавшие материалистическому пониманию событий и процессов, объявлялись ненаучными.

Большую роль в этом играл М.Н.Покровский. В согласии с пониманием исторического процесса как истории классов и классовых противоречий, он существенно затушеввал личность Ивана Грозного. В работе «Русская история в самом сжатом очерке» царь почти низведён до исполнителя воли помещичьей верхушки, личная власть которого существует лишь «на словах»⁹³⁵. Историк

---

⁹³⁴ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 258.

⁹³⁵ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С. 43.

настаивал, что персональное влияние Ивана IV на события русской истории невелико: «борьба шла не между отдельными людьми, а между классами»⁹³⁶.

Однако, как мы убедились ранее, приверженность классовому подходу не стала препятствием для персонификации исторических периодов учёными конца 1930-х – начала 1950-х гг. Широкая критика идей М.Н.Покровского привела к обесцениванию ряда его выводов, в том числе касающихся места и роли в отечественной истории Ивана IV. И.С. Сероглазов упрекал учёного (уже после его кончины) в «сведении истории к голому схематизму», приведшему к отсутствию «изображения людей, исторических деятелей, к забвению того, что люди делают историю»⁹³⁷. Другой упрек состоял в неспособности разглядеть «прогрессивность самодержавного строя» по сравнению с предшествующим удельным периодом⁹³⁸. Такого рода замечания определяли принципиально иное прочтение событий эпохи. Кроме того, что Иван IV (как и другие правители) возвращался на страницы научных работ, его царствование теперь однозначно определялось как прогрессивная веха в развитии страны и её народа. На долю этого правителя, по словам С.В.Бахрушина, «выпало уничтожить остатки феодальной раздробленности в условиях ожесточенной борьбы с крупными феодалами – боярами, упорно отстаивавшими старые удельные вольности»⁹³⁹.

Советские историки второй половины 1930-х – начала 1950-х гг. выработали новый подход к освещению и оценке деятельности Ивана Грозного. В нём соединялись марксистско-ленинская риторика с романтическим дореволюционным пафосом, что придавало любопытное своеобразие создаваемой теории централизованного государства.

---

⁹³⁶ Там же.

⁹³⁷ Сероглазов И.С. М.Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. Четвёртое посмертное издание. Партиздат 1933 // Борьба классов. 1936. № 4. С. 124.

⁹³⁸ Там же.

⁹³⁹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 357.

Одним из первых учёных послереволюционной эпохи, взявшихся за пересмотр неблагоприятного образа Ивана IV, укоренившегося в прежней историографии, стал Р.Ю. Виппер. В сочинении «Иван Грозный» (1922) историк подверг осуждению «пренебрежительную оценку этой, во всяком случае, крупной исторической личности»⁹⁴⁰. Он создал величественный образ сильного и прозорливого правителя, дал русскому царю характеристику выдающегося государственного деятеля. Перед нами, писал учёный, «встаёт во весь рост могучая фигура повелителя народов»⁹⁴¹.

Любопытно, что изначально данный труд не был принят советской исторической наукой. В 1933 г. М.В. Нечкина подвергла его уничтожающей критике, назвав «контрреволюционным апофеозом Ивана IV как диктатора самодержца»⁹⁴². Р.Ю. Виппер якобы прикрывал «“историчность” темы прямой призыв к борьбе с большевизмом»⁹⁴³. Однако спустя двадцать лет ситуация в корне изменилась. В 1942 г. сочинение Р.Ю. Виппера вышло с рядом принципиальных исправлений, отражавших актуальные идейно-политические посылы марксистской методологии. Теперь, по замечанию самого автора, «личность и деятельность Ивана Грозного получила правильную историческую оценку»⁹⁴⁴, сообразующуюся с изменившимися теоретическими установками советской науки. В новой редакции исходные формулировки получили дальнейшее развитие: московский царь объявлялся не только крупным политическим деятелем, но и «великим патриотом»⁹⁴⁵.

Такое добавление не случайно, а даже симптоматично. В военное лихолетье руководство страны уделяло особенно пристальное внимание к вопросам патриотической мобилизации и воспитания населения на образцах подвижников

---

⁹⁴⁰ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922. С. 106.

⁹⁴¹ Там же. С. 52.

⁹⁴² Нечкина М. Иван IV // БСЭ. Т. 27. М., 1933. Стб. 329.

⁹⁴³ Там же.

⁹⁴⁴ Академик Р.Ю. Виппер // Вестник древней истории. 1955. № 2. С. 201.

⁹⁴⁵ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1944. С. 57.

прошлого. В культурной политике наметился разворот к сюжетам и персонажам старой, дореволюционной эпохи. Формирование исторической памяти народа и его культурной идентичности в этот период было сопряжено с идейной реабилитацией символов и смыслов, отвечавших задачам национального сплочения и содержавших потенциал возрождения национально-культурных архетипов. Образы выдающихся деятелей естественным образом поставлялись исторической наукой на службу идейно-воспитательным задачам.

Работа Р.Ю. Виппера получила хвалебные отклики в академическом сообществе. С.А. Покровский в рецензии на страницах «Исторического журнала» признавал правильной оценку Ивана Грозного как «гениального организатора и вождя», а самый выход отдельного издания о русском царе назвал достойным всяческого приветствия⁹⁴⁶. Монография Р.Ю. Виппера была охарактеризована как «блестящий очерк деятельности Грозного и состояния Русского государства при нём на фоне всеобщей истории»⁹⁴⁷. По мнению рецензента, «такая сравнительно-историческая характеристика даёт возможность проф. Випперу показать Грозного как величайшего государственного деятеля, выгодно выделявшегося среди современных ему западноевропейских государей. Он показывает Грозного как продолжателя политики Ивана III и вместе с тем как предшественника Петра I»⁹⁴⁸.

Высокую оценку названное сочинение получило и у других историков. С.В. Бахрушин назвал блестящей характеристику, данную в книге Ивану Грозному⁹⁴⁹. И.У. Будовниц отозвался о монографии как о «яркой и с большим блеском написанной»⁹⁵⁰. В частности, он отметил, что Р.Ю. Виппер взял на себя задачу исторической реабилитации Ивана Грозного и «со свойственным ему

---

⁹⁴⁶ Покровский С. Критика и библиография // Исторический журнал. 1943. № 3-4. С. 91.

⁹⁴⁷ Там же.

⁹⁴⁸ Там же. С. 94.

⁹⁴⁹ Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1945. С. 5.

⁹⁵⁰ Будовниц И.У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Исторические записки. Т. 2. М., 1947. С. 322.

талантом показал его как выдающегося государственного деятеля, дипломата и стратега, вполне выдерживающего сравнение с такими крупными историческими деятелями, как Петр Великий»⁹⁵¹.

Монография трижды переиздавалась, претерпевая авторские правки, в 1943, 1944 и 1946 гг. Вносимыми изменениями уточнялись и корректировались исходные суждения автора. Происходило это с растущим уклоном в сторону возвеличивания Ивана Грозного как выдающегося государственного деятеля.

Данная тема затрагивалась Р.Ю. Виппером и в периодике. Так, в 1946 г. на страницах журнала «Преподавание истории в школе» он провозгласил царя «одним из крупнейших военных вождей в русской истории»⁹⁵² и заявил о стоящем в тесной связи с военным дарованием Ивана Грозного «его выдающегося дипломатического таланта»⁹⁵³.

Одним из наиболее заметных историков, чья деятельность в 1930-1940-е гг. была направлена к популяризации деяний первого русского царя в безусловно хвалебном ключе стал В.С. Бахрушин. Его работы, по замечанию А.М. Дубровского, вошли в состав «комплекса научных и художественных произведений, в которых героизировался образ царя»⁹⁵⁴. Как и Р.Ю. Виппер, С.В. Бахрушин прибегал к сопоставлению Ивана Грозного с Петром I. «Сокрушив феодальную раздробленность, – писал он, – Иван IV завершил процесс образования централизованного государства и расчистил путь к абсолютной монархии Петра Великого»⁹⁵⁵.

К работам такого рода принадлежит и сочинение Б.Г. Верховеня «Россия в царствование Ивана Грозного» (1939). По мнению автора, вся внутренняя политика царя была безраздельно направлена на «усиление экономической и политической

---

⁹⁵¹ Там же.

⁹⁵² Виппер Р.Ю. Иван Грозный // Преподавание истории в школе. 1946. № 1. С. 23.

⁹⁵³ Там же. С. 25.

⁹⁵⁴ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 212.

⁹⁵⁵ Ф. 624. Оп. 1. Д. 535. Л. 15-15. об.

роли дворянства в русском государстве и на укрепление централизованной власти самодержавия»⁹⁵⁶. Монография рисовала Ивана IV в образе последовательного и расчётливого государственника, подчинившего свою деятельность созиданию мощной независимой державы. В такой трактовке отражалась не только идея закономерного типологического перехода от раздробленности к абсолютизму, но и представление о высокой значимости личной инициативы выдающегося исторического деятеля.

В трудах, так или иначе затрагивавших тему Ивана Грозного, ключевым достижением его правления объявлялось окончательное уничтожение тех отрицательных явлений в обществе, которые порождались происками боярско-княжеской знати, препятствовавшей укреплению русского государства, тяготевшей к порядкам удельной раздробленности. Иван IV преподносился как поборник прогрессивных идей и образец правителя-патриота. «Вся жизнь его, – писал С.В. Бахрушин, – прошла в упорной и жестокой борьбе за единство и целостность государства»⁹⁵⁷.

Кроме названного, историки стремились обнаружить и другие замечательные способности царя. А.А. Зимин подмечал «выдающиеся способности Грозного как дипломата» в связи с его международными начинаниями в ходе Ливонской войны⁹⁵⁸. И.А. Коротков, автор книги о военном деле при Иване Грозном (1952), называл того строителем русского централизованного государства, «талантливым полководцем, искусным дипломатом, горячим патриотом русского государства»⁹⁵⁹. И.И. Смирнов в монографии об Иване Грозном (1944), вывел характеристику царя «не только как выдающегося политика, сыгравшего крупнейшую роль в развитии и укреплении

---

⁹⁵⁶ Верховень Б.Г. Россия в царствование Ивана Грозного. М., 1939. С. 14.

⁹⁵⁷ Бахрушин С.В. Самодержавие Ивана Грозного. М., 1946. С. 5.

⁹⁵⁸ Зимин А.А. «Послания Ивана Грозного» // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 133.

⁹⁵⁹ Коротков И.А. Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952. С. 3.

Русского государства, но и как теоретика этого государства»⁹⁶⁰. Примечательно, что в середине 1930-х гг. И.И. Смирнов ещё отстаивал взгляды, близкие М.Н. Покровскому, и определял политику русских князей в области государственного строительства как реакционную⁹⁶¹.

Примечательны попытки некоторых авторов описывать Ивана Грозного как своего рода народного царя. С позиции марксистско-ленинской методологии такой подход был совершенно недопустим, поскольку царская власть однозначно оценивалась как обеспечивающая интересы класса дворян-эксплуататоров. Однако подъём идеологии советского патриотизма привел к сближению представлений о государстве и жизненных интересах народа. Именно этим, к примеру, объяснялись внешнеполитические инициативы царя. В 1946 г. А.М. Панкратова писала, что Иван IV начал Ливонскую войну, «понимая жизненные интересы русского народа»⁹⁶².

Похожий посыл читается в суждениях И.И. Полосина: «Сила Грозного в том, что он почувал силу русской земли и опёрся на земщину, созвав земский собор 1566 г.»⁹⁶³. Сравнивая порядок в России с порядком в соседней Польше, автор замечал, что «польские сеймы и сеймики были шляхетскими съездами, а не сословно-представительными учреждениями»⁹⁶⁴. Так подчёркивалась близость правителя прогрессивным слоям общества, его государственная мудрость. Личностное начало в такой трактовке становилось весомым условием благополучного развития державы.

Патриотическая риторика о деяниях Ивана Грозного приобретала порой даже чрезмерно пышные формы. Так, Н.С. Мичурина на страницах «Преподавания

---

⁹⁶⁰ Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944. С. 108.

⁹⁶¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 48.

⁹⁶² Панкратова А.М. Великий русский народ и его роль в истории // Преподавание истории в школе. 1946. № 5. С. 21.

⁹⁶³ Полосин И. Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569-1582) // Вопросы истории. 1945. № 5-6. С. 148.

⁹⁶⁴ Там же.

истории в школе» утверждала, что «Иван IV первый выдвигает отечество как высшую ценность и бескорыстное служение родине как основной долг человека»⁹⁶⁵.

Специфика развития исторической науки в СССР проявлялась в тесной взаимосвязи дискурсов на академическом и государственном уровнях. Потому зачастую сугубо научные тезисы и формулировки строго соотносились с политическими манифестациями руководства страны. Эта особенность взаимодействия институций принципиально разных порядков позволяет говорить о высшей партийно-государственной номенклатуре в 1930-х – начале 1950-х гг. как своего рода трансляторе некоторых коренных положений концепции русского централизованного государства. Что до Ивана Грозного, то он, безусловно, был одним из любимцев И.В. Сталина среди прочих персонажей отечественной истории. Эмигрант Г.П. Федотов ехидно замечал: «Не без удовольствия мы узнаем, что настоящий сталинский герой – это Иван Грозный (после Ивана III). Вся вина за его характер и за опричнину возлагается на боярство»⁹⁶⁶.

В конце 1944 г. на советские экраны вышла первая часть кинокартины «Иван Грозный». Фильм занял важное место в идейно-воспитательной политике сталинского руководства. О желательности такой постановки ещё накануне войны высказался сам И.В. Сталин⁹⁶⁷. Подготовленный позже проекта сценария он прочёл и дал ему короткую оценку в записке, адресованной Председателю Комитета по делам кинематографии при Совете Народных Комиссаров СССР И.Г. Большакову. В записке значилось: «Иван Грозный как прогрессивная сила своего времени и опричнина как его целесообразный инструмент вышли неплохо»⁹⁶⁸.

---

⁹⁶⁵ Мичурина Н.С. Культура московской Руси XVI в. (материал к уроку) // Преподавание истории в школе. 1951. № 5. С. 75.

⁹⁶⁶ Федотов Г.П. Как Сталин видит историю России? // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 159.

⁹⁶⁷ Марьямов Г.Б. Кремлёвский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 70.

⁹⁶⁸ Власть и художественная интеллигенция. Документы. 1917-1953. М., 1999. С. 499.

Уже в первые дни войны советский кинопрокат включился в дело насаждения боевых, патриотических настроений⁹⁶⁹. Первая серия фильма «Иван Грозный», снятая в переломный момент противостояния, гармонично вписалась в идейно-художественную повестку. Однако вторая часть дилогии была резко раскритикована политическим руководством и оставалась на полке до конца 1950-х гг.⁹⁷⁰ Режиссёр, по мнению функционеров ЦК, «обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов»⁹⁷¹. Кроме того работа С.М. Эйзенштейна была подвергнута проработке на заседании Политбюро, критические послы прозвучали в докладе А.А. Жданова⁹⁷². Наконец, разгромное суждение о картине высказал режиссёру лично И.В. Сталин. В беседе, состоявшейся 26 февраля 1947 г., он вновь обратился к вопросу о прогрессивном характере опричнины: «У вас неправильно показана опричнина. Опричнина – это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, – образовалась регулярная армия, прогрессивная армия»⁹⁷³. Столь же категорично советский вождь отозвался о личности русского царя: «Царь Иван был великий и мудрый правитель». Мудрость Ивана Грозного, согласно И.В. Сталину, заключалась в том, «что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. В показе Ивана

---

⁹⁶⁹ Патриотические и антифашистские фильмы на экранах кинотеатров // Вечерняя Москва. 1941. № 146 (5277) 23 июня.

⁹⁷⁰ Юренев Р.Н. Эйзенштейн в воспоминаниях современников. М., 1974. С. 36.

⁹⁷¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А.Н.Яковлева. Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 601.

⁹⁷² Марьямов Г.Б. Кремлёвский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 78.

⁹⁷³ Беседа Сталина, Жданова и Молотова с С.М. Эйзенштейном и Н.К. Черкасовым // Вождь и культура. Переписка И. Сталина с деятелями литературы и искусства. 1924–1952. 1953–1956. С. 227.

Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности»⁹⁷⁴. В той же беседе прозвучали замечания о недопустимости упора на психологизм.

В этих событиях, как и в научной полемике, отразилась борьба теоретических подходов к вопросу об оценке исторической роли Ивана IV и его внутривластной деятельности. Характерна и показательна роль партийного руководства в вопросах закрепления и санкционирования новых форм общественного сознания. В этом свете судьба кинокартины об Иване Грозном, безусловно, является зеркалом трансформаций, происходивших в поле научного дискурса о русском царе и его опричнине. По наблюдению А.Л. Хорошкевич, в историографии данного времени «произошёл синтез предшествовавших представлений об опричнине и Грозном: сочетания государственной закономерности этого феномена <...> с восхвалением его творца»⁹⁷⁵.

Р.Ю. Виппер в брошюре «Иван IV» (1945) провозгласил: «Советская историческая наука восстановила подлинный образ Ивана IV как создателя централизованного государства и крупнейшего политического деятеля своего времени»⁹⁷⁶. Спустя время, в том же ключе высказывался И.У. Будовниц: «Советская историческая наука воссоздаёт образ Ивана Грозного, исходя из основных положений марксизма-ленинизма о роли личности в истории и сообразуясь с условиями той эпохи, в которую жил и действовал этот грозный государь»⁹⁷⁷. О достижениях советской науки в изучении личности русского царя рассуждал С.В. Бахрушин в монографии «Самодержавие Ивана IV» (1946). По его мнению, «подлинное значение Ивана Грозного выясняется только в настоящее время. В свете марксистской методологии его личность и его дело выступают с большой

---

⁹⁷⁴ Там же. С. 90.

⁹⁷⁵ Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер русского государства в советской историографии 20-х – 50-х гг. // История СССР. № 6. 1991. С. 90.

⁹⁷⁶ Виппер Р.Ю. Иван IV. М., 1945. С. 31.

⁹⁷⁷ Будовниц И.У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Исторические записки. Т. 21. М., 1947. С. 320.

отчетливостью в связи с теми общими условиями, которые переживались Россией в XVI в.»⁹⁷⁸. Книга С.В. Бахрушина увидела свет в тот период, когда советская историография после напряжённой полемики достигла известного согласия в оценках деятельности московских правителей.

Статья об Иване IV во 2-м издании БСЭ имела стилистические и содержательные отличия от соответствующей статьи 1-го издания. Новый текст был написан И.И. Смирновым, А.М. Сахаровым и И.А. Коротковым в 1952 г. и стал своеобразным отражением представлений о русском царе, сложившихся в науке за предшествующие полтора десятилетия. Авторы подчёркивали личную роль Ивана Грозного в укреплении русского централизованного государства, указывая на её «большое прогрессивное историческое значение»⁹⁷⁹. Последней характеристики не содержится в статье М.В. Нечкиной, написанной для 1-го издания энциклопедии (1933). В то же время статья 1952 г. изобилует личностными характеристиками Ивана IV, что также было чуждо прежнему времени. Теперь же Иван IV был представлен обладающим качествами блестящего дипломата, тонкого публициста, искусного полководца, опытного и решительного политика; человека сильной воли и характера, настойчивого и энергичного в достижении целей. Перед читателем предстал «один из самых выдающихся исторических деятелей»⁹⁸⁰. Всем видам научных публикаций в изучаемый период свойственна общая дискурсивная черта. На смену сдержанным характеристикам приходят хвалебные эпитеты в превосходной степени. По наблюдению В.Б. Кобрин, «всякое сомнение в величии грозного царя объявлялось клеветой на патриота Русской земли»⁹⁸¹.

Ещё одной особенностью представления советской историографией эпохи Ивана IV явилось её типологическое сопоставление с более поздними периодами

---

⁹⁷⁸ Бахрушин С.В. Самодержавие Ивана IV. М., 1946. С. 1.

⁹⁷⁹ Иван IV Васильевич // БСЭ. 2-е изд. Т. 17. М., 1952. С. 266.

⁹⁸⁰ Там же. С. 268.

⁹⁸¹ Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 97.

отечественной истории, в частности, с эпохой Петра Великого. Этим был намечен контур политической преемственности, подчёркивалась эволюционная направленность исторического развития. С.В.Бахрушин сформулировал это следующим образом: «Иван Грозный не успел завершить всего плана задуманных им реформ; он умер в самый разгар их проведения, но они с успехом продолжались его преемниками»⁹⁸². По мысли историка, реформы XVI в. «расчистили путь» крупным преобразованиям начала XVIII столетия.

Безудержное превозношение в литературе отдельных исторических личностей не происходило совершенно гладко и наталкивалось иной раз на замечания со стороны учёных. В 1950 г. А.М. Панкратова высказалась против «модернизации и идеализации исторических событий и деятелей»⁹⁸³. «История, – утверждала она, – не сводится к истории царей и полководцев, а должна дать историю самих производителей материальных ценностей общества, историю трудящихся масс»⁹⁸⁴. Однако подобные выступления не носили системного характера и оставались почти незамеченными.

Коренной поворот во взглядах историков на личность Ивана IV наметился после смерти И.В. Сталина. В 1953 г. о недопустимом преувеличении личностного начала в истории заговорили в руководстве Института истории АН СССР, свидетельством чему стала передовая статья в мартовском номере «Вопросов истории» (без указания авторства). В ней указывалось: «В учебниках по истории СССР преувеличивается роль Ивана III и Ивана IV. Фигуры Ивана III и Ивана IV заслоняют собой всю эпоху. Излагается главным образом внешняя политика и реформы этих царей, не обращается должного внимания на социально-экономическую историю XV–XVI вв., в которой нужно искать ключ к объяснению внутренней и внешней политики правительства, не раскрывается роль народа в

---

⁹⁸² Там же. С. 361.

⁹⁸³ АРАН. Ф. 697. Оп. 1. Д. 68. Л. 40.

⁹⁸⁴ Там же.

создании Русского централизованного государства»⁹⁸⁵. Автор не оставил без внимания и учебную литературу для вузов: «О персонификации истории свидетельствуют и многие формулировки вузовской программы по истории СССР: “Внутренняя политика Ивана IV”»⁹⁸⁶.

Нетрудно заметить, что всплеск негодования последовал вскоре за смертью И.В. Сталина. Это косвенно свидетельствует о том, насколько зыбкой оставалась поддержка историками идейных постулатов о выдающейся исторической роли первого русского царя. На протяжении ряда лет из академической риторики выхолащивалось всякое осуждение внутренней и внешней политики Ивана Грозного, бывшего своего рода любимцем советского вождя.

Определённое идеологическое раскрепощение науки связано с XX съездом КПСС и принятой установкой на борьбу с культом личности. Посылы некоторых выступлений содержали косвенные намёки на методологические изъяны научной сферы в годы сталинского руководства. Таково заявление М.А. Сулова о том, что среди научной интеллигенции получили распространение догматизм и начетничество. У специалистов, подверженных этим наклонностям «теряется вкус к изучению конкретной действительности. Все подменяется подбором цитат и искусством манипуляции ими. Всякое малейшее отступление от цитаты считается ревизией основ. Эта деятельность начетчиков не только бесплодна, но и вредна»⁹⁸⁷.

Одним из первых с публичным осуждением прежнего подхода к оценке царствования Ивана IV выступил С.М. Дубровский. В статье «Против идеализации деятельности Ивана IV», напечатанная в 8-м номере «Вопросов истории» за 1956 г., он подверг обстоятельной критике работу Р.Ю. Виппера «Иван Грозный», а также

---

⁹⁸⁵ О некоторых важнейших задачах советских историков // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 7.

⁹⁸⁶ Там же.

⁹⁸⁷ XX съезд коммунистической партии Советского Союза. 14-25 февраля 1956 года. Стенографический отчёт. М., 1956. С. 284

сочинения И.И. Смирнова и С.В. Бахрушина⁹⁸⁸. В резких формулировках автор указал основные проявления «ошибочных взглядов», насаждавшихся «последние полтора десятилетия». Кроме прочего, С.М. Дубровский подметил исключительно важное обстоятельство: личность «прогрессивного» царя «заслонила народ, заслонила эпоху. Народу позволяется выступать на историческую сцену лишь для того, чтобы проявить “любовь” к Ивану IV и восхвалять его деятельность»⁹⁸⁹. Действительно, историография конца 1930-х – начала 1950-х гг. в оценках Ивана Грозного вступила в жестокое противоречие со своими же базисными принципами, как они открыто декларировались научным сообществом. Его непримиримая критика дореволюционных историков необходимо включала элемент, связанный с отвержением их методики к периодизации «по векам» и «по царям»⁹⁹⁰.

Появление критического обзора такой направленности показательно. Середина 1950-х гг. стала водоразделом для многих отечественных историков, трудившихся над теорией русского централизованного государства. С этого времени можно говорить о начавшейся смене парадигмы исторической науки, выразившейся, в том числе, в пересмотре подхода к оценке деятельности правителей. Критическое отношение к их образам в историографии прежнего периода постепенно стало преобладающим в литературе. Как отмечал в 1961 г. Л.П. Бущик, «значение деятельности представителей эксплуататорских классов иногда преувеличивалось, например роль Ивана III и Ивана IV в создании и развитии Русского централизованного государства»⁹⁹¹.

Историография конца 1930-х – начала 1950-х гг. выработала чёткое отношение к феномену царской власти в период создания централизованного государства. Прогрессивность оформлявшегося самодержавия, перетекшего впоследствии в

---

⁹⁸⁸ Дубровский С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 121-129.

⁹⁸⁹ Там же. С. 128.

⁹⁹⁰ Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1951. № 3. С. 54.

⁹⁹¹ Бущик Л.П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961. С. 274.

абсолютизм, не ставилась исследователями под сомнение. Нарастание соответствующих тенденций рассматривалось марксистской историографией как неизбежная закономерность. Безусловно, советские историки были единодушны в общей отрицательной оценке самодержавия как фактора угнетения трудового населения. Но никаких альтернативных вариантов государственного строительства созидатели новой исторической концепции в исследуемый период не рассматривали.

Немало тезисов касательно политического курса Ивана IV историки-марксисты позаимствовали у С.Ф. Платонова. Хотя в начале 1930-х гг. его имя отождествлялось с реакционными началами в науке, но после идейно-теоретического разворота в исходе десятилетия, идеям учёного всё же отдали должное. В новой теории пришлось к месту его выводы об аграрно-классовом характере опричнины, о борьбе с оппозицией бояр и княжат, выступавших за восстановление удельных порядков⁹⁹².

Политическая ситуация, сложившаяся в конце XV–XVI вв., в представлении отечественных медиевистов, имела двойственную природу. Её определяли: с одной стороны – боярско-княжеская реакция, тянущая к возрождению удельных порядков; с другой стороны – неуклонное сосредоточение всей полноты власти в руках единоличного правителя. Последнее обстоятельство вело к установлению деспотического строя. Однако данное обстоятельство было существенно сглажено в научном дискурсе: самодержец рисовался историками как выразитель интересов большей (прогрессивной) части населения страны, что составляло как бы нравственное оправдание жестокостям Ивана IV. Более того, царь неизменно был показан выдающимся государственным деятелем: мудрым стратегом, успешным дипломатом, прозорливым идеологом.

Не последнюю роль в этом играло идейно-теоретическое положение, согласно которому личностное начало в истории оставалось подчинённым началу,

---

⁹⁹² Платонов С.Ф. Иван Грозный. Пг., 1923. С. 117-130.

воплощённому в созидательной деятельности народных масс. Как писал Л.В. Черепнин: «первоочередной задачей советские историки считают изучение истории трудящихся масс, носителей прогресса в области производства, создателей материальных и культурных ценностей»⁹⁹³. Таким образом, политика Ивана IV при всей одиозности толковалась как производная базисных явлений и проводник объективных потребностей простого русского населения.

Подведём итог. Обращение к историческим личностям стало важной составляющей работы историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. Официальное осуждение схематизма М.Н. Покровского повлекло подъём интереса к выдающимся деятелям прошлого, в частности, к тем, чьи имена прочно связывались с идеей государственного строительства. К исходу 1930-х гг. идея субъективного начала была восстановлена в правах, постепенно заняв важное место в исторической литературе, и обрела значение важного структурного элемента в теории русского централизованного государства.

Интерес учёных был обращён, прежде всего, к фигурам крупных правителей. Степень внимания, уделявшегося московским великим князьям, заметно различалась. Иван III как персонаж советской историографии не получил того внимания, каким пользовался в то же время Иван Грозный. Также он не был в сравнимой мере востребован советской массовой культурой. Впрочем, и в научных публикациях личность этого правителя глубокой проработки не получила. Его преемник, Василий III, и вовсе остался фигурой едва ли не статистической. В учебной и научной литературе его правлению длиной в четверть века уделено несоизмеримо меньше внимания, нежели его отцу и сыну. Именно они в трудах историков представляли подлинными творцами русской государственности. Ярко выразил эту мысль И.И. Полосин. «Иван Грозный и Иван III, – писал он, – мастерски строили русское

---

⁹⁹³ Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодализма в России. М., 1955. С. 8.

феодалное государство. «Два славных Иоанна» талантливо обеспечивали подъём русской политической мысли, достойной эпохи европейского Ренессанса»⁹⁹⁴.

С.О. Шмидт замечал впоследствии, что «Иван III и Иван IV изображались в качестве создателей централизованного государства, как бы воплощавших в себе всё положительное в процессе государственного строительства. Особенно обнаруживалась такая тенденция в произведениях художественной литературы и изобразительного искусства»⁹⁹⁵. Действительно, в изображении русских правителей советская историография конца 1930-х – начала 1950-х гг. во многом наследовала дореволюционной традиции. При декларируемом стремлении представить историю плодом творческой деятельности широких народных масс историки устойчиво воспроизводили элементы «личностной» парадигмы. В известной мере тому способствовала позиция высшего государственного руководства, что отчётливо видно в насаждении культа царя Ивана Грозного.

Следует признать, что на страницах учебников и монографий история Руси XV–XVI вв. так и не стала историей трудящегося народа. Деяния великих князей и царей неизменно подавалась авторами как факты первого ряда. Как показал опыт развития отечественной историографии в рассматриваемый период, обезличение исторического процесса оказалось невыполнимой задачей. Попытки нивелировать субъективный фактор из создававшейся моноконцепции отечественной истории вели к неизбежному вырождению дискурса учёных в отвлечённый схематизм. Хотя именно он в исходе 1930-х гг. яростно критиковался историками в связи с изобличением антинаучности школы М.Н. Покровского.

Анализируя результаты работы отечественных медиевистов, следует признать, что при полном отказе от фактора личности построение советской моноконцепции

---

⁹⁹⁴ Полосин И. Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569-1582) // Вопросы истории. 1945. № 5-6. С. 153.

⁹⁹⁵ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного). М., 1973. С. 5.

отечественной истории вряд ли стало бы невозможным. То же справедливо для теории образования централизованного государства. В особенности это касается начертания истории в рамках школьной и вузовской учебных программ. При этом безусловной заслугой советских учёных являются глубокие наработки в части вопроса о взаимосвязи деятельности правителей и социально-экономических процессов, составляющих богатое содержание жизни различных слоёв русского общества.

Заключение

Вопрос о становлении русского централизованного государства занимал важнейшее место в концепции отечественной истории, создававшейся советскими учёными с конца 1930-х по начало 1950-х гг. Отринув многие наработки дореволюционной историографии, они предприняли попытку выстроить новую теорию образования централизованного государства на основе марксистского учения об общественно-экономических формациях.

Первый опыт решения данной задачи связан с научной работой М.Н. Покровского, который предложил объяснение причин и характера централизации в духе марксистского учения о диалектической связи базиса и надстройки. Ключевым звеном концепции М.Н. Покровского стала идея о торговом капитале как решающем факторе исторического развития. Соответственно преодоление феодальной раздробленности и образование централизованного государства объяснялось историком и его учениками как результат усилившегося влияния купцов и нарождавшейся буржуазии на правящий класс феодальной знати.

В 1920-е гг. идеи М.Н. Покровского имели преобладающее влияние в отечественной исторической науке. Однако к середине следующего десятилетия наметились коренные изменения в подходах к оценкам и трактовкам событий прошлого. 2-я половина 1930-х гг. ознаменовалась разгромом концепции торгового капитала и началом масштабной перестройки советской исторической науки. Определяющую роль в этих событиях сыграли решения политического руководства при непосредственном участии И.В. Сталина. Партийно-правительственными постановлениями была запущена агрессивная критика школы М.Н. Покровского. Параллельно с этим происходила мобилизация сил сообщества историков для выработки новой концепции отечественной истории, которая воплотилась в

создании стабильного учебника по истории СССР для младшей школы под редакцией А.В. Шестакова. В нём, в частности, была дана новая трактовка событий, связанных с возникновением централизованного государства. Авторы предложили двухчастную схему этого процесса: создание национального государства великороссов при Иване III, его усиление и превращение в многонациональное при Иване IV. Данная схема прочно закрепилась в учебной литературе и была воспроизведена в учебниках для средней школы и вузов. Таким образом, учебники конца 1930-х гг. явились первым опытом представления обновлённой теории складывания русского централизованного государства.

Марксистская теория рассматривала государство как орудие обеспечения потребностей господствующего класса. Эту мысль чётко выразил И.В. Сталин, указавший, что «государство возникло на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства»⁹⁹⁶. Данное положение стало руководящим для советских историков. Тезис об антагонизме угнетателей и угнетённых предполагал изучать историю русского государства в неразрывной связи с историей закрепощения трудового крестьянского населения.

Марксистское понимание исторического процесса требовало вписать период централизации в строгую формационную схему. Историки выразили единодушие в признании русского государства XV–XVI вв. феодальным по своей природе. При этом они были убеждены в недопустимости простого перенесения схемы, созданной на материале западноевропейских стран, на события отечественной истории. Одной из задач исследователей было обнаружить своеобразие процесса государственного строительства в России. В ходе создания теории централизованного государства потребовалось решить следующие вопросы: выявить причины централизации; разработать периодизацию данного процесса; определить политический строй

---

⁹⁹⁶ Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., С. 334.

государства; выявить содержание классовой борьбы в данный период; установить характер межнациональных отношений внутри державы; выяснить роль личности в изучаемых событиях.

Вопрос о разделении процесса централизации на периоды долгое время оставался в числе дискуссионных. На протяжении 1940-х гг. историки спорили об основаниях периодизации. Решающую роль в разрешении данной проблемы сыграла научная дискуссия 1949–1951 гг. По её итогам основным критерием периодизации было признано развитие классовой борьбы. Таким образом, главной движущей силой централизации надлежало считать обострение классовых противоречий, которые по мере укрепления государственности достигали наивысшей остроты.

Проблема классовой борьбы нашла отражение во всех трудах, посвящённых русскому государству. Советские историки выделили в структуре общества XV–XVI вв. антагонистические классы и классовые группы. Ключевое место в научных построениях занимала конфронтация крестьян и феодалов (светских и церковных). Особо рассматривалась борьба, проходившая по линии посадские – феодалы. Глубокую проработку получил вопрос о внутриклассовой борьбе феодальных групп: историками был подробно изучен конфликт между наследниками удельной знати и нарождавшимся служилым дворянством. Внутренняя политика русских правителей рассматривалась учёными как проявление этого конфликта. Значительные достижения были получены в области изучения памятников литературы и права, в содержании которых также была выявлена классовая подоплёка. Новое прочтение документов дало мощный толчок развитию отечественного источниковедения.

Проблема характеристики строя русского государства была тесно связана с представлением о стадильной смене общественных формаций, каждая из которых соотносилась с определёнными формами правления. К началу 1940-х гг. явственно обнаружилось две точки зрения. Согласно одной, русское государство ко времени завершения централизации являлось сословной монархией. Согласно другой –

монархия в России носила сословно-представительный характер. До конца 1940-х гг. наибольший вес имела первая позиция, затем усилилось влияние сторонников теории сословного представительства, окончательно возобладавшее к 1960-м гг.

Особое значение для создания теории централизованного государства имела национальная проблематика. С подачи И.В. Сталина державу великороссов определяли как многонациональную. В сообществе историков сложилось две точки зрения на вопрос о том, когда было достигнуто это состояние. Согласно первой, государство изначально сложилось как национальное (великорусское), а после, по мере расширения, обрело черты многонационального. Согласно второй, черты многонациональности проявились уже при Иване III. До начала 1950-х гг. господствующее положение в историографии занимала первая точка зрения. Она была воплощена в учебниках для школы и вузов. К началу 1950-х гг. положение поменялось: возобладал тезис об изначальной многонациональности державы. Учебники претерпели правки, изменилось содержание энциклопедических статей.

Большое значение придавалось вопросу межнациональных отношений внутри государства. В 1920-х гг. к нему обращался М.Н. Покровский, а после ниспровержения его концепции данная проблема была актуализирована в новом ракурсе. Позиция М.Н. Покровского отличалась выраженным нигилизмом в отношении русского национального начала в истории. Приход русских на земли мордвы, карелов и других племён историк оценивал как абсолютное зло, перенося идею государственного угнетения покорённых народов на отношения между самими народами. К концу 1930-х гг. утихла борьба с «великорусским шовинизмом», а вместе с тем обнаружилось тенденции к реабилитации в историографии русского народа. В государственной политике произошёл отказ от идеи мировой революции и был взят курс на построения социализма в одной стране. Национальная тематика стала наиболее востребованной накануне и в годы Великой Отечественной войны. Политическим руководством СССР, а за ним и научным сообществом была

переосмыслена роль русского народа в истории. В научных трудах этого периода прослеживается усиление тенденции к возвеличиванию русского народа, утверждению образа старшего брата по отношению к иным народам централизованного государства. В многочисленных статьях и монографиях подчёркивалось прогрессивное значение вхождения народов в состав русского государства, отмечалась их выгода от общения с русским народом.

Большое значение для создания теории централизованного государства имел вопрос о роли личности в истории. М.Н. Покровским субъективный фактор начисто отрицался. С конца 1930-х гг. намечается иная тенденция. Авторы учебников и научных публикаций подчёркивали выдающееся значение деятельности русских правителей, в особенности Ивана III и Ивана IV. В учебной литературе складывается своеобразный канон характеристики первых трёх правителей: Иван III – основатель государства; Василий III – продолжатель дела отца, при котором усилились государственные начала; Иван IV – завершитель создания державы, окончательно поборовший вредные пережитки раздробленности. Периодизация государственного строительства становится отчётливо персонифицированной. С середины 1940-х гг. оценки личности Ивана Грозного, во многом под влиянием замечаний И.В. Сталина, приобретают преувеличенно хвалебное содержание. После смерти советского руководителя и начавшейся десталинизации возвеличивание Ивана IV прекращается, сменяясь критическим отношением.

Методология научных исследований конца 1930-х – начала 1950-х гг. складывалась на основе марксистского учения, достроенного теоретическими указаниями И.В. Сталина. Его посылы отразились в оценках и выводах историков о причинах образования централизованного государства, его политическом строе, значении классовой борьбы и роли личности в данном процессе. Можно уверенно утверждать, что создание русского государства принадлежит к числу исторических сюжетов, наиболее привлекавших внимание советского руководителя.

Использование историками марксистского метода носило творческий характер. Ярким выражением того стала трактовка положений материалистического монизма. Официально в науке заявлялась приверженность единоклассовому подходу: марксистское учение требовало объяснять исторические явления, исходя из определяющей роли развития производительных сил. В то же время в работах советских историков заметно тяготение к многофакторному подходу. Признавая ведущую роль производственного базиса и классовой борьбы, учёные не отказывались от анализа прочих обстоятельств: внешнеполитической обстановки, природно-географических условий, культуры и личностного начала в истории. Таким образом, историография изучаемого периода явно демонстрирует преемственность методологии дореволюционной эпохи, продолжая и развивая традиции старых научных школ.

Историография о русском государстве в сталинский период не выработала завершённого понятийного аппарата. Там, где дело касалось оперирования терминами марксистской теории, наблюдается последовательность и устойчивое единообразие. В других случаях заметно отсутствие строгости в ряде используемых понятий. Это отчётливо видно в дискурсе о формах государственного правления и о межнациональных отношениях. Так, в научной литературе нередко наблюдается неразбериха в употреблении понятий «самодержавие», «монархия» и «абсолютизм». В этом прослеживается, с одной стороны, стремление внедрить в научное описание централизованного государства марксистский категориальный аппарат, с другой стороны – попытка подчеркнуть самобытность исторического процесса на Руси. Та же дискурсивная нестройность наблюдается в отношении понятий «нация», «народность», «народ», – что свидетельствует о значительной доле интуитивности в использовании авторами данного понятийного комплекса.

Введение новых понятий и дискуссии по поводу их содержательного наполнения свидетельствуют о неуклонном развитии научной мысли – поиске новых

смысловых форм, позволяющих с наибольшей полнотой отразить сущность изучаемых явлений и процессов. Это, в свою очередь, показывает, что отечественная наука 1930-х – начала 1950-х гг. функционировала в русле традиционных академических принципов. Невзирая на мощное идеологическое давление со стороны партийно-правительственных институций, сообщество историков сохранило приверженность лучшим образцам научно-исследовательской работы, сформированным поколениями предшественников.

Из сказанного можно заключить, что в рассматриваемый период теория возникновения русского государства сложилась в общих чертах, но сохраняла заметную динамичность. С одной стороны, историографию темы характеризует единство идейных оснований. С другой стороны, в работе историков различима борьба теоретических подходов, отстаиваемых представителями разных научных школ. Для периода конца 1930–1940-х гг. характерно высокое влияние взглядов С.В. Бахрушина и К.В. Базилевича. К началу 1950-х они уступают позиции новому поколению историков – В.В. Мавродину, Л.В. Черепнину и др. Исследования и дискуссии по ключевым вопросам отражают вехи движения научной мысли, её творческую эволюцию на протяжении полутора десятилетий.

Тема государственного строительства в русских землях оказалась тесно переплетённой с проблемами патриотического воспитания и гражданской мобилизации в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время. С этим связано усиление ряда исходных положений теории централизованного государства, касающихся, во-первых, прогрессивного значения складывания русской державы, во-вторых, фактора внешней угрозы как одного из решающих в данном процессе. Некоторые положения были пересмотрены или откорректированы. Это касается представлений о межнациональных отношениях и о роли личности в деле государственного строительства.

В целом, работа историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. по созданию теории русского централизованного государства следует признать плодотворной, существенно обогатившей научные представления об историческом развитии России. Многие наработки названного периода послужили последующему развитию отечественной историографии. Многие идеи и подходы не утратили своей актуальности в настоящее время.

Список использованных источников и литературы

І. Источники

Архивные источники

Архив Российской академии наук (РАН):

1. Ф. 457 (Отделение истории Российской академии наук).
Оп. 1. Д. 93, 200, 220, 223.
2. Ф. 624. (Бахрушин С.В.)
Оп. 1. Д. 333, 514, 535, 536.
3. Ф. 638 (Шестаков А.В.)
Оп. 1. Д. 186, 382.
Оп. 2. Д. 44.
4. Ф. 697 (Панкратова А.М.)
Оп. 1. Д. 41, 48, 67, 68, 85.
5. Ф. 1577 (Институт истории Академии наук СССР.)
Оп. 5. Д. 138, 174, 185, 210.
Оп. 6. Д. 162, 341.
6. Ф. 1791 (Черепнин Л.В.)
Оп. 1. Д. 132, 136, 137.

Опубликованные документы

7. XX съезд коммунистической партии Советского Союза. 14-25 февраля 1956 года. Стенографический отчёт. Ч. I. М.: Политиздат, 1956. 640 с.

8. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922-1991 / 1922-1952. Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.
9. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК КРП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. 872 с.
10. Вождь и культура. Переписка И. Сталина с деятелями литературы и искусства. 1924–1952. 1953–1956 / Сост. В.Т. Кабанов. М.: Человек, 2008. 311 с.
11. Выступление товарища И.В. Сталина на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии // И. Сталин о Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ : Госполитиздат, 1947. 208 с.
12. Директивы ВКП(б) и Постановления Советского правительства о народном образовании. Сборник документов за 1917–1947 гг. / Сост. Н.И. Болдырев. Вып. 1. М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1947. 320 с.
13. Жданов А.А., Маленков Г.М. Сталин и космополиты. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.
14. Институт истории академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2016. 320 с.
15. К изучению истории. Сборник. М.: Партиздат, 1937. 38 с.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч II. Изд. 7-е. М.: Госполитиздат, 1953. 1024 с.
17. Организация советской науки в 1926–1932 гг.: Сборник документов // Под ред. Б.Е. Быховского. Л.: Наука, 1974. 408 с.
18. Сессия отделения общественных наук Академии наук СССР, посвящённая годовщине опубликования гениального произведения И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Сборник материалов. М.: АН СССР, 1951. 224 с.
19. Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: сборник

документов и материалов. Ч. 1. 1920–1930-е годы / сост. М.В. Зеленов. СПб.: Наука-Питер, 2006. 496 с.

Монографии и сборники

20. Академия наук СССР. Юбилейный сборник, посвящённый тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2 / Под ред. С.И. Вавилова. М.; Л.: АН СССР, 1947. 836 с.
21. Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века). М.: МГУ, 1952. 544 с.
22. Базилевич К.В. История СССР. От древнейших времён до конца XVII века. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М.: Высшая партийная школа при ЦУК ВКП(б), 1949. 489 с.
23. Базилевич К.В. Лекции 9-10. Феодалные объединения на территории СССР в XIV-XV вв. Стенограмма лекций, прочитанных 13 и 15 декабря 1939 г. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1940. 64 с.
24. Базилевич К.В. Лекция 11. Образование русского национального государства. Стенограмма лекции, прочитанной 20 декабря 1939 г. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1940. 36 с.
25. Базилевич К.В. Лекции 12 и 13. Расширение русского государства и превращение его в многонациональное. Стенограмма лекций, прочитанных 21 и 27 декабря 1939 г. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1940. 47 с.
26. Базилевич К.В. Образование русского национального государства. Иван III. М.: Военное издательство министерства вооружённых сил СССР, 1946. 52 с.
27. Базилевич К.В. Прогрессивная роль России в политической жизни Европы. Стенограмма публичной лекции прочитанной в Москве. М.: Правда, 1949. 27 с.
28. Бахрушин С.В. Иван Грозный. М.: ОГИЗ : Госполитиздат, 1942. 76 с.

29. Бахрушин С.В. Иван Грозный. М.: ОГИЗ : Госполитиздат, 1945. 100 с.
30. Бахрушин С.В. Иван Грозный в свете новейших исследований // Юбилейный сборник, посвящённый тридцатилетию Великой октябрьской социалистической революции. В 2 ч. Ч. 2. М.; Л.: АН СССР, 1947. 836 с.
31. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI – начала XVII вв. М.: АН СССР, 1952. 264 с.
32. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV-XVII вв. М.: АН СССР, 1954. 380 с.
33. Бахрушин С.В. Самодержавие Ивана IV. М.: Военное издательство Министерства Вооружённых Сил СССР, 1946. 80 с.
34. Берман Л.Я. Основные вопросы теории пролетарского государства. М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1925. 148 с.
35. Будовниц И.У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Исторические записки. Т. 21. М.: АН СССР, 1947. С. 271-331.
36. Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М.; Л.: АН СССР, 1947. 311 с.
37. Верховень Б.Г. Россия в царствование Ивана Грозного. М.: ОГИЗ, 1939. 54 с.
38. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины // Под ред. М.Н. Тихомирова. М.: АН СССР, 1963. 538 с.
39. Веселовский С.Б. Московское государство: XV-XVII вв. Из научного наследия. М.: АИРО-XXI, 2008. 379 с.
40. Вишпер Р.Ю. Иван Грозный. М.: Дельфин, 1922. 116 с.
41. Вишпер Р.Ю. Иван Грозный. Изд. 3-е. М.; Л.: АН СССР, 1944. 160 с.
42. Вишпер Р.Ю. Иван IV. М.: Упр. делами СНК СССР, 1945. 32 с.
43. Греков Б.Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.; Л.: ОГИЗ : Соцэкгиз, 1940. 116 с.

44. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.; Л.: АН СССР, 1946. 959 с.
45. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 1. М.: АН СССР, 1952. 534 с.
46. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 2. М.: АН СССР, 1954. 470 с.
47. Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.; Л.: АН СССР, 1942. 287 с.
48. Денисов А.И. Основы марксистско-ленинской теории государства и права. Курс лекций, прочитанный в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1948. 470 с.
49. Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1929. 170 с.
50. Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г. М.: Госполитиздат, 1952. 48 с.
51. Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М.; Л.: Соцэргиз, 1931. 232 с.
52. Зильберман И.Б. Политические взгляды Ивана Грозного. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1953. 18 с.
53. Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М.: АН СССР, 1958. 498 с.
54. Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР. М.: АН СССР, 1949. 776 с.
55. Исторический материализм // Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Госполитиздат, 1951. 748 с.
56. История Москвы. В 6 т. Т. 1. М.: АН СССР, 1952. 778 с.

57. Каганович Л.М. За большевистское изучение истории партии: Речь, произнесенная 1 декабря 1931 г. на собрании Института Красной Профессуры. Изд. 2-е. М.: Партиздат, 1932. 30 с.
58. Козлов Н.С. Развитие общественно-политической мысли в период образования и укрепления русского централизованного государства (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук). М.: МГУ, 1954. 16 с.
59. Коротков И.А. Иван Грозный. Военная деятельность. М.: Военное издательство военного министерства Союза ССР, 1952. 90 с.
60. В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 4. М.: Политиздат, 1967. 566 с.
61. Лихачев Д.С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (Конец XIV–начало XVI в.). М.: ОГИЗ : Госполитиздат, 1946. 160 с.
62. Лихачев Д.С. Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М.; Л.: АН СССР, 1945. 120 с.
63. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. Докапиталистические формации. Изд. 3-е. М.: Госполитиздат, 1952. 656 с.
64. Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л.: Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова, 1951. 328 с.
65. Мавродин В.В. Образование русского национального государства. Изд. 2-е. М.: ОГИЗ : Госполитиздат, 1941. 207 с.
66. Мавродин В.В. Формирование русской нации. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 7 июля 1947 года в Ленинграде. Л.: Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение, 1947. 36 с.
67. Морозов М. Национальные традиции и воспитание советского патриотизма. М.: Госполитиздат, 1950. 40 с.

68. Наша великая Родина / Н.Н. Михайлов, А.М. Панкратова, Б.М. Волин и др. М.: Госполитиздат, 1946. 646 с.
69. Обзор документальных материалов по истории СССР периода феодализма XI–XVI вв. / Под ред. М.Н. Тихомирова. М.: ЦГАДА СССР, 1954. 304 с.
70. Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. В 2-х ч. Ч. II.(XIV-XV вв.) / Под ред. Б.Д. Грекова. М.: АН СССР, 1953. 812 с.
71. Очерки истории СССР. Период феодализма (конец XV в. – начало XVII в.). М.: АН СССР, 1955. 960 с.
72. Очерки истории СССР: конец XV – начало XVII вв. / Под ред. И.И. Смирнова. Л.: Учпедгиз, 1957. 254 с.
73. Очерки по истории СССР. Ч. II. Феодально-крепостнический период истории СССР/ Под ред. А.В. Шестакова. Ташкент: Учпедгиз УзССР, 1941. 312 с.
74. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси. Пг.: Прибой, 1924. 160 с.
75. Памятники русского права. Ч. 3. / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1955. 528 с.
76. Панкратова А.М. Великий русский народ. М.: Госполитиздат, 1952. 260 с.
77. Панкратова А.М. Великий русский народ – выдающаяся нация и руководящая сила Советского союза. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 10 января 1947 г. в конференц-зале Министерства высшего образования СССР. М.: Правда, 1947. 31 с.
78. Платонов С.Ф. Иван Грозный. Пг: Брокгауз–Ефрон, 1923. 160 с.
79. Платонов С.Ф. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М.: Наука, 2010. 597 с.
80. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. М.; Л.: Госоцэкгиз, 1933. 327 с.
81. Покровский М.Н. Русская история. М.: Госиздат, 1922. 268 с.
82. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Изд. 4-е. М.: Партиздат, 1933. 544 с.

83. Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа / Под ред. А.И. Новгородова. Якутск: Госиздат, 1950. 272 с.
84. Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского / Ред. И.У. Будовниц. Ч. 2. М.; Л.: АН СССР, 1940. 506 с.
85. Против исторической концепции М.Н.Покровского / Отв. ред. А. Сидоров. Ч. 1. М.; Л.: АН СССР, 1939. 518 с.
86. Против механистических тенденций в исторической науке (дискуссия в Институте красной профессуры). М.; Л.: Госиздат, 1930. 240 с.
87. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М.: АН СССР, 1948. 792 с.
88. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л.: АН СССР, 1950. 594 с.
89. Сборник статей к сорокалетию учёной деятельности академика А.С. Орлова. Л.: АН СССР, 1934. 596 с.
90. Смирнов И.И. Иван Грозный. Л.: Госполитиздат, 1944. 108 с.
91. Смирнов И.И. Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. // Исторические записки. Т. 43. М.: АН СССР, 1953. С. 150-181.
92. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1947. 490 с.
93. Снегирев В.Л. Иван Третий и его время. Образование Русского национального государства. М.: Госполитиздат, 1942. 64 с.
94. Снегирев В.Л. Московские слободы. М.: Московский рабочий, 1947. 156 с.
95. Соболев А.И. О советском патриотизме. М.: Правда, 1948. 30 с.
96. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1950. 56 с.
97. Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М.: Партиздат, 1935. 232 с.
98. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национально-колониальный вопрос / Под ред. Д.А. Розанова. М.: Политиздат, 1937. 232 с.

99. Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: Госполитиздат, 1952. С. 574-602.
100. Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ : Госполитиздат, 1946. 423 с.
101. Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1947. 448 с.
102. Сталин И.В. Сочинения. Т. 9. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1948. 384 с.
103. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. 418 с.
104. Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997. 360 с.
105. Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М.: Рабочий университет, 1997. 449 с.
106. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 96 с.
107. Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа: Башгосиздат, 1949. 136 с.
108. Чагин Б.А. Партийность в философии и борьба с буржуазным объективизмом. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1948 году в Ленинграде. Л.: Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение, 1948. 40 с.
109. Черепнин Л.В. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л.: АН СССР, 1950. 587 с.
110. Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодализма в России. М.: АН СССР, 1955. 78 с.
111. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. М.: АН СССР, 1951. 428 с.
112. Шатагин Н.И. Русское государство в первой половине XVI века (Очерки из политической истории Руси в первой половине XVI века). Свердловск: Свердловский государственный университет им. А.М. Горького, 1941. 138 с.

113. Шестаков А.В. Создание русского национального государства. Стенограмма лекции, прочитанной 16 окт. 1937 г. М.: Высшая школа пропагандистов им. Я.М. Свердлова, 1937. 17 с.
114. Эммаусский А.В. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров: Кировское областное государственное издательство, 1949. 40 с.
115. Юшков С. В. Возникновение самодержавия при царе Алексее Михайловиче: Стенограмма лекции, читанной 27 января 1945 г. М., 1945. 24 с.
116. Юшков С.В. К вопросу о развитии крепостного права в московском государстве в XIV–XVI вв. Свердловск: СГПУ, 1938. 22 с.
117. Юшков С.В. К проблеме образования феодального государства. М.: Московский юридический институт, 1948. 72 с.

Публикации в периодических изданиях

118. Академик Р.Ю. Виппер // Вестник древней истории. 1955. № 2. С. 200-202.
119. Александрова Ф. В. Язвицкий. «Иван III, государь всея Руси» // Знамя. 1947. № 9. С. 176-179.
120. Базилевич К. К вопросу об исторических условиях образования Русского государства // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 26-44.
121. Базилевич К.В. К вопросу об исторических условиях образования Русского государства // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 26-44.
122. Базилевич К.В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 65-90.
123. Баканов П. О принципе периодизации и начальном периоде истории СССР капиталистической эпохи // Вопросы истории. 1950. № 2. С. 74-88.
124. Бахрушин С.В. Иван Грозный // Большевик. 1943. № 13. С. 48-61.

125. Бахрушин С.В. «Избранная рада» Ивана Грозного // Исторические записки. Т. 15 / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.: АН СССР, 1945. С. 29-56.
126. Бибииков Г.Н. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Труды государственного исторического музея. Вып. XIV. Сборник статей по истории СССР XVI–XVIII вв. / Под ред. Г.А. Новицкого. М.: ГИМ, 1941. С. 5-28.
127. Будовниц И.У. Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. VIII. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 138-157.
128. Бурдей Г.Д. Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье в XVI в. // Преподавание истории в школе. 1954. №5. 27-36.
129. Бурджалов Э.Н. Значение труда И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» для изучения истории советского социалистического общества // Вопросы истории. 1953. № 3. С. 3-32.
130. Бычков Л. Невская битва 1240 года. // Вопросы истории. 1940. № 7. С. 34-39.
131. Веселовский С.Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. и его отмена в 1572 году // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 86-104.
132. Вечерняя Москва. 1941. № 146 (5277). 23 июня.
133. Виппер Р.Ю. Иван Грозный // Преподавание истории в школе. 1946. № 1. С. 17-29.
134. Волин В.Б. Великий русский народ // Исторический журнал. 1938. № 5. С. 1-17.
135. Всесоюзное совещание историков // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 3-75.
136. Газганов Эм. Против ревизии марксо-ленинского учения о феодализме и крепостничестве // Историк-марксист. 1931. № 22. С. 38-63.
137. Гимади Х. О некоторых вопросах истории Татарии // Вопросы истории. 1951. № 12. С. 118-126.
138. Греков Б.Д. Изучение истории СССР за 25 лет // Исторический журнал. 1942. № 10. С. 83-91.

139. Дебров Л.А., Бурдей Г.Д. «Очерки истории СССР». Период феодализма // Вопросы истории. 1955. № 12. С. 152-158.
140. Дискуссия о социально-экономических формациях // Историк-марксист. 1930. № 16. С. 104-161.
141. Дмитриев С.С. Образование русской нации // Вопросы истории. 1955. № 7. С. 42-60.
142. Дружинин Н. О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 90-106.
143. Дубровский С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 121-129.
144. Евсеев В.Я. Дружба карел и русских в отражении карело-финских рун // Советская этнография. 1949. № 2. С. 27-34.
145. За большевистскую историю нашей партии // Борьба классов. 1932. № 2-3. С. 119-120.
146. Зимин А.А. Критика и библиография // Вопросы истории. 1953. № 5. С. 113-117.
147. Зимин А. Некоторые вопросы периодизации СССР феодального периода // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 69-76.
148. Зимин А.А. Критика и библиография. «Послания Ивана Грозного» // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 131-134.
149. Зутис Я. Борьба за Балтийское море и исторические судьбы Латвии и Эстонии // Вопросы истории. 1940. № 7. С. 60-70.
150. Известия государственной академии истории материальной культуры. Вып. 72. М.; Л.: ОГИЗ : Госсоцэкгиз, 1934. 160 с.
151. Историческая наука в СССР. Советские историки в дни Отечественной войны // Исторический журнал. 1942. № 3-4. С. 148-150.
152. Исторический архив. Т. VIII. М.: АН СССР, 1953. 334 с.

153. Каммари М. Разработка т. Сталиным национального вопроса и материалистическая диалектика // Под знаменем марксизма. 1932. № 3-4. С. 76-111.
154. Кнорин В. За большевистскую партийность в исторической науке // Борьба классов. 1932. № 1. С. 22-31.
155. Кокиев Г. Русско-кабардинские отношения в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 44-60.
156. Копанев А.И., Маньков А.Г., Носов Н.Е., Строева Л.В. Новый труд по истории феодализма // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 122-128.
157. Критические статьи и обзоры // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 116-121.
158. Кротов А. Примиренчество и самоуспокоенность // Литературная газета. 1948. № 72 (2455). 8 сентября. С. 2.
159. Лебедев В., Бушуев С., Генкина Э. Ценное пособие по истории СССР // Большевик. 1941. № 2. С. 85-96.
160. Лихачев Д.С. История Москвы // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 116-121.
161. Лихачёв Д. К вопросу о теории Русского государства в конце XV и в XVI в. // Исторический журнал. 1944. № 7-8. С. 31-38.
162. Мавродин В.В. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации // Советская этнография. 1947. № 4. С. 84 – 102.
163. Мавродин В. Несколько замечаний по поводу статьи П.П. Смирнова «Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв.» // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 45-54.
164. Мавродин В. Основные этапы этнического развития русского народа // Вопросы истории. 1950. № 4. С. 55-70.
165. Мандрыкина Л. Работа сектора истории СССР до XIX века Института истории Академии наук СССР в 1946 году // Вопросы истории. 1946. № 11-12. С. 172-173.
166. Маньков А.Г. Из дневника. 1938–1941 гг. // Звезда. 1995. №.11. С. 167-199.

167. Миллер И. К вопросу о принципах построения периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 11. С. 64-75.
168. Мирошниченко П. По поводу статьи К.В. Базилевича // Вопросы истории. 1950. № 2. С. 89-92.
169. Мичурина Н.С. Культура московской Руси XVI в. (материал к уроку) // Преподавание истории в школе. 1951. № 5. С. 66-78.
170. Мороховец Е. Хроника. Институт истории // Историк-марксист. 1927. № 5. С. 276-278.
171. Мустафаев М. О формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 97-101.
172. Наякшин К. К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России (письмо в редакцию) // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 108-111.
173. Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 44-46.
174. Нечкина М.В. О периодизации советской исторической науки // История СССР. 1960. № 1. С. 77-79.
175. Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1951. № 3. С. 53-60.
176. Об образовании централизованного русского государства (к итогам дискуссии) // Вопросы истории. 1946. № 11-12. С. 3-11.
177. Обсуждение книги акад. Б.Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.» // Вопросы истории. 1947. № 8. С. 139-144.
178. О втором издании первого тома учебника по истории СССР // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 146-154.
179. О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 3-13.

180. О некоторых важнейших задачах советских историков // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 3-11.
181. Основные задачи в изучении истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 3-12.
182. Панкратова А. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР // Борьба классов. 1934. № 2. С. 1-27.
183. Панкратова А.М. Великий русский народ и его роль в истории // Преподавание истории в школе. 1946. № 5. С. 18-31.
184. Панкратова А. За большевистское преподавание истории // Большевик. 1934. № 23. С. 32-51.
185. Панкратова А.М. Преподавание истории СССР в средней школе в дни отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 145-152.
186. Панкратова А.М. Против буржуазного объективизма и космополитизма // Преподавание истории в школе. 1949. № 2. С. 3-9.
187. Панкратова А., Фохт А. Об учебниках истории СССР для средней школы // Вопросы истории. 1940. № 11. С. 117-122.
188. Пашуканис Е.Б. Борьба за ленинскую партийность в науке и задачи Комакадемии // Вестник Коммунистической академии. 1931. № 12. С. 3-12.
189. Пашуто В., Черепнин Л. О периодизации истории России эпохи феодализма // Вопросы истории. 1951. № 2. С. 52-80.
190. Пионтковский С.А. Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. 1930. Т. 17. С. 21-26
191. Покровский М.Н. Возникновение Московского государства // Историк-марксист. 1930. Т. 18-19. С. 14-28.
192. Покровский М.Н. Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк марксист. 1929. Т. 11. С. 3-11.

193. Покровский М.Н. Общественные науки в СССР за 10 лет // Вестник коммунистической академии. 1928. № 26. С. 3-30.
194. Покровский М.Н. О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 4-7.
195. Покровский С. Критика и библиография // Исторический журнал. 1943. № 3-4. С. 90-95.
196. Полосин И. Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569-1582) // Вопросы истории. 1945. № 5-6. С. 142-153.
197. Поршнева Б.Ф. К вопросу об основном экономическом законе феодализма // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 52-67.
198. Правда. 1936. № 26 (6632). 27 января.
199. Правда. 1937. № 231 (7191). 22 августа.
200. Правда. 1947. № 235 (10626). 7 сентября.
201. Пьянков А. О периодизации истории феодальных отношений в России // Вопросы истории. 1950. № 5. С. 77-84.
202. Рубинштейн Н. М.Н. Покровский – историк России // Под знаменем марксизма. 1924. № 10-11. С. 189-209.
203. Рыбаков Б.А. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина // Вопросы истории. 1952. №9. С. 40-62.
204. Сероглазов И. С. М.Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. Четвёртое посмертное издание. Партиздат. 1933//Борьба классов. 1936.№4. С. 124.
205. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. 1948. № 27. С. 18-66.
206. Смирнов И.И. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935.№9-10. С. 74-108.
207. Смирнов Московское восстание 1547 // Вопросы истории. 1953.№12. С. 105-113.

208. Смирнов И. Общие вопросы периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 77-99.
209. Смирнов И. О путях исследования Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 30-44.
210. Смирнов П. Образование Русского государства в XIV–XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2-3. С. 55-90.
211. Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950. № 3. С. 93-106.
212. Угаров А. О социалистической родине // Большевик. 1934. № 19-20. С. 54-67.
213. Устав Общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 320-322.
214. Федотов Г.П. Как Сталин видит историю России? // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 154-159.
215. Чаев Н.С. «Москва – Третий Рим» в политической практике московского правительства XVI в. // Исторические записки. Т. 17. М., 1945. С. 3-23.
216. Черепнин Л.В. К вопросу о периодизации СССР периода феодализма // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1952. Т. IX. № 2. С. 115-132.
217. Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 38-63.
218. Черепнин Л.В. Формы классовой борьбы в Северо-Восточной Руси в XIV-XV веках (в период образования Русского централизованного государства) // Вестник МГУ. 1952. №4. С. 111-124.
219. Черепнин Л., Зайончковский П. М.Н. Тихомиров и С.С. Дмитриев. История СССР. Т. 1. С древнейших времён до 1861 года // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 134-141.
220. Шевяков В.Н. К вопросу об опричнине при Иване IV // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 71-77.

221. Шестаков А. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 85-98.
222. Юшков С.В. К вопросу об образовании русского государства в XIV–XVI вв. (По поводу статьи профессора П.П. Смирнова) // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 55-67
223. Юшков С. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX в. // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 71-93.
224. Якубовская С. К вопросу о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 6. С. 85-88.
225. Якунин А. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопросы истории. 1951. № 11. С. 83-86.

Учебники и методическая литература

226. Денисов А.И. Теория государства и права. М.: Госюриздат, 1948. 375 с.
227. История СССР. Т. 1. / Под ред. В.И. Пичета, М.Н. Тихомирова, А.В. Шестакова. М., ОГИЗ : Госполитиздат, 1941. 440 с.
228. История СССР. Т. 1. С древнейших времён до конца XVIII в. / Под ред. В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина. М.: Госоцэкгиз, 1939. 792 с.
229. История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1948. 744 с.
230. История СССР с древнейших времен до конца XIX в. Список рекомендованной литературы и основных пособий / Под ред. С.М. Абалина. М.: Государственная библиотека им. В.И. Ленина, 1941. 111 с.
231. История СССР. Краткий курс: учебник для 4-го класса / Под ред. А.В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1954. 288 с.

232. История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М.: Учпедгиз, 1940. 238 с.
233. История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М.: Учпедгиз, 1941. 224 с.
234. История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. Ч. 1 / Под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 3-е. М.: Учпедгиз, 1943. 242 с.
235. История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. Ч. 1 / Под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 12-е. М.: Учпедгиз, 1953. 240 с.
236. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Правда, 1938. 352 с.
237. Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1937. 223с.
238. Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М: Товарищество скоропечати А.А. Левинсон, 1915. 306 с.
239. Материалы к преподаванию истории СССР. М.: Госучпедиздат, 1937. 25 с.
240. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Изд. 9-е. Пг.: Я. Башмаков и Ко, 1917. 500 с.
241. Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Методическое пособие для учителей средних школ Казахской ССР. Ч. I. История СССР / Под ред. А.М. Панкратовой. Алма-Ата: НаркомпросКазССР, 1942. 136 с.
242. Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Методическое пособие для учителей средней школы УзССР. Вып. IV. История СССР / Под ред. Е.А. Косминского, А.М. Панкратовой, А.Д. Удальцова. Ташкент: Госиздат УзССР, 1942. 178 с.
243. Руководство к русской истории. Средний курс. Изд. 40-е. Сост. Д. Иловайский. М.: Типография А.А. Васильева, 1901. 180 с.

244. Тихомиров М.Н., Дмитриев С.С. История СССР. Т. I. С древнейших времён до 1861 г. М.: ОГИЗ: Политиздат, 1948. 410 с.
245. Хрестоматия по истории СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. Изд. 4-е. М.: Учпедгиз, 1951. 543 с.
246. Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. М.: Юридическое издательство министерства юстиции СССР, 1947. 768 с.
247. Юшков С.В. Конспект лекций по истории государства и права СССР (до Великой Октябрьской социалистической революции). М.: Всесоюзная заочная правовая академия, 1940. 308 с.
248. Юшков С.В. Учебное пособие по истории государства и права. Вып. V-VI. М.; Л.: Юридическое издательство министерства юстиции СССР, 1946. 88 с.

Энциклопедии

249. БСЭ. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1929. 432 с.
250. БСЭ. Т. 27. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1933. 501 с.
251. БСЭ. Т. 36. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1938. 450 с.
252. БСЭ. Т. 40. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1938. 421 с.
253. БСЭ. Т. 50. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1944. 450 с.
254. БСЭ. Т. 40. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1938. 421 с.
255. БСЭ. Т. 43. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1939. 444 с.
256. БСЭ. Т. 44. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1939. 439 с.
257. БСЭ. Т. 45. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1940. 460 с.
258. БСЭ. Т. 49. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1941. 485 с.
259. БСЭ. Т. 53. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1946. 407 с.
260. БСЭ. Т. 57. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1936. 378 с.
261. БСЭ. Т. 58. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1936. 660 с.

262. БСЭ. Изд. 2-е. Т. 17. М.: Большая советская энциклопедия, 1952. 632 с.
263. БСЭ. Изд. 2-е. Т. 25. М.: Большая советская энциклопедия, 1954. 640 с.
264. БСЭ. Изд. 2-е. Т. 29. М.: Большая советская энциклопедия, 1954. 623 с.
265. БСЭ. Изд. 2-е. Т. 31. М.: Большая советская энциклопедия, 1955. 648 с.
266. БСЭ. Изд. 2-е. Т. 32. М.: Большая советская энциклопедия, 1955. 648 с.
267. БСЭ. Изд. 2-е. Т. 37. М.: Большая советская энциклопедия, 1955. 668 с.
268. БСЭ. Изд. 2-е. Т. 39. М.: Большая советская энциклопедия, 1956. 664 с.
269. БСЭ. Изд. 2-е. Т. 41. М.: Большая советская энциклопедия, 1956. 640 с.
270. БСЭ. Изд. 2-е. Т. 44. М.: Большая советская энциклопедия, 1956. 664 с.

Художественная литература и воспоминания

271. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1988. 480 с.
272. Язвицкий В.И. Иван III. Государь всея Руси. Исторический роман в четырёх книгах. Книга 1. М.: Московский рабочий, 1946. 284 с.

II. Литература

273. Алаторцева А.И. Советская историческая наука на переломе 20–30-х годов // История и сталинизм. М.: Политиздат, 1991. С. 248-283.
274. Ананьич Б.В., Панях В.М. Следствие в Москве по «академическому делу» 1929-1931 годов // Русский исторический журнал. 1999. Т. 2. № 3. С. 93-112.
275. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.: ДНК, 2009. 416 с.

276. Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. № 5. 1989. С. 117-129.
277. Брачев В.С. Травля русских историков. М.: Алгоритм, 2006. 320 с.
278. Бущик Л.П. Очерки развития школьного исторического образования в СССР. М.: АПН РСФСР, 1961. 540 с.
279. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М.: РУДН, 1992. 168 с.
280. Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 622 с.
281. Вдовин А.И. Русские в XX веке. М.: Олма-Пресс, 2004. 448 с.
282. Занкевич Е.Х. К истории советизации Российской Академии наук. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1957. 92 с.
283. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М.: Соцэкгиз, 1960. 512 с.
284. Зуляр Ю.А. Генезис русского самодержавия и дискуссия о его особенностях. Учебное пособие. Иркутск: ИГУ, 2006. 112 с.
285. Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории СССР (1934–1936 годы) / М. В. Зеленов // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 3-30.
286. Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992. 224 с.
287. Ковеля В.В. История одного учебника: эпизод из научной деятельности М.Н. Тихомирова // Археографический ежегодник. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 165-180.
288. Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. 415 с.
289. Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С.143-158.

290. Мартин Т. Империя «Положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
291. Марьямов Г.Б. Кремлёвский цензор. Сталин смотрит кино. М.: Киноцентр, 1992. 128 с.
292. Мерцалов А.Н. Сталинизм и освещение прошлого // История и сталинизм. М.: Политиздат, 1991. С. 384-447.
293. Никуленкова Е.В. Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 108-123.
294. Очерки исторической науки в СССР. Т. IV / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1966. 855 с.
295. Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995, С. 201-235.
296. Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Т. 2. М.: Университетская книга; Иерусалим: Герашим, 2000. 461 с.
297. Сахаров А.М. Проблема образования Русского централизованного государства в советской историографии // Вопросы истории. 1961. № 9. С. 70-88.
298. Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М.: Мысль, 1970. 283 с.
299. Соловьев К.А. Характеристика власти великого князя Ивана III в советской историографии 1920-х – 1950-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). № 30. С. 1-11.
300. Тихомиров Н.В. Дискуссия о периодизации процесса централизации Русского государства в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. / Вестник московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2020. № 3. С. 67-73.

301. Тихомиров Н.В. Отражение процесса централизации Русского государства в школьных учебниках истории конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 4. С. 401-406.
302. Тихомиров Н.В. Проблема возникновения централизованного русского государства в работах отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 1. С. 78-87.
303. Тихомиров Н.В. Проблема межнациональных отношений в концепции Русского государства в отечественной историографии 1930-х – начала 1950-х годов // Вестник Гуманитарного образования. 2020. № 4 (20). С. 101-110.
304. Тихонов В.В. Борьба с «Буржуазным объективизмом» в советской исторической науке: С.Б. Веселовский и его книга «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2(52). С. 104-113.
305. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
306. Тихонов В.В. Историческая наука в 1920-е годы: историографические заметки // Вестник ЧелГУ. 2013. № 30 (321). С. 101-108.
307. Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 251-252.
308. Тихонов В.В. Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х – начала 1950-х годов: диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2018. 686 с.
309. Торчинок В.А., Леонтьук А.М. Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. СПб.: СПбГУ, 2000. 608 с.

310. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М.: РАН, 1999. 261 с.
311. Фукс А.Н. Отражение концепции отечественной истории в школьном учебнике С.Ф. Платонова // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начала XX века. Воронеж: 1983. С. 34-44.
312. Фукс А.Н. «Русская история в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского как историографический источник // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2010. № 3. С. 13-21.
313. Фукс А.Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и её отражение в школьном учебнике А.В. Шестакова // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2009. № 2. С. 104-113.
314. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – 1930-е гг.): автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2011. 54 с.
315. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVIII в. – вторая половина 1930-х гг.). М.: МГОУ, 2017. 420 с.
316. Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер русского государства в советской историографии 20-х – 50-х гг. // История СССР. 1991. № 6. С. 85-100.
317. Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 418 с.
318. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV веках. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.
319. Шмидт С.О. Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного). М.: Мысль, 1973. 359 с.

320. Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.
321. Юренев Р.Н. Эйзенштейн в воспоминаниях современников. М.: Искусство, 1974. 422 с.
322. Янкелевич К.А. Как закалялся сталинизм // Россия XXI век. № 2. 2011. С. 128-147.